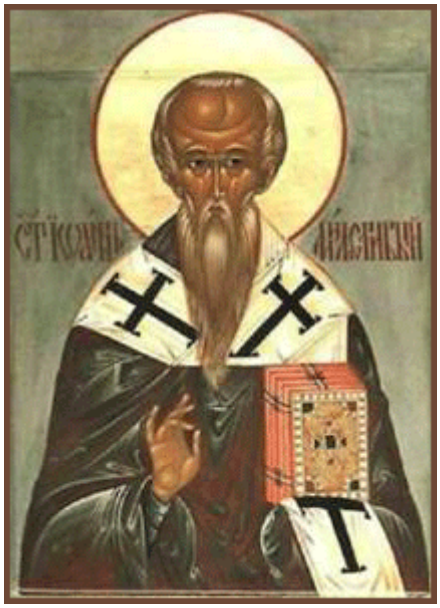
ИЗБРАННЫЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ

Жития святых в изложении для детей

Новозаветная цель каждого человека, а именно спасение для вечной жизни, полностью достигается святыми угодниками Божиими. Читая их жития, мы не только узнаём для себя что-то новое и интересное, но и, прежде всего, видим яркие примеры исполнения заповедей Христовых, которым мы призваны стремиться подражать.
Предлагаемое Вашему вниманию собрание житий святых специально адаптировано для детей и прекрасно подходит для домашнего чтения.

- Святитель Иоанн Милостивый
- Святитель Николай Чудотворец
- Семь Отроков Эфесских
- Великомученик Георгий Победоносец
- Великомученик Евстафий Плакида
- Преподобная Пелагея
- Преподобный Феодор Сикеот
- Преподобный Герасим Иорданский
- Преподобный Серафим Саровский
- Преподобный Марко Афинский
- Преподобный Павел Препростой
- Святитель Спиридон Тримифунский
- Святой пророк Даниил и с ним три юноши
- Блаженная Матрона Московская
- Святая Блаженная Ксения Петербургская
- Мученик Лонгин Сотник
- Священномученик Киприан и мученица Иустина
- Моисей Мурин
- Сорок мучеников Севастийских
- Преподобный Досифей
- Святой Благоверный князь Александр Невский
- История Киево-Печерской Лавры
- Иоанн Креститель
- Святая Княгиня Ольга
- Артемий Веркольский
- Петр и Феврония Муромские
- Святители Василий Великий и Григорий Богослов
- Святые Ксенофонт и Мария

Святитель Иоанн Милостивый



Святой Иоанн Милостивый родился на Кипре в городе Амафунте в знатной семье и с детства воспитывался в благочестии.

Когда Иоанну было пятнадцать лет, ему привиделась очень красивая девушка с венком из оливковых ветвей на голове, которая назвалась старшей дочерью Великого Царя. «Подружись со мной,– сказала она,– никто не имеет к Царю такого скорого доступа, как я. Увидишь, я испрошу тебе дивную благодать». Размышляя о видении, юноша понял, что это было само Милосердие. «Так значит,– решил он,– надо творить добрые дела и подавать милостыню». Дождавшись рассвета, Иоанн пошел в церковь. По дороге ему встретился раздетый, трясущийся от холода нищий. «Сейчас проверю,– подумал юноша,– какую благодать дает милосердие»,– и, сняв верхнюю одежду, отдал нищему.

Не успел Иоанн дойти до церкви, как к нему подошел незнакомец и протянул узелок с сотней золотых монет.

– Друг, возьми и истрать как знаешь,– сказал он.

Юноша взял деньги, потом спохватился и хотел вернуть узелок – но тот человек уже исчез. С тех пор Иоанн всегда щедро подавал милостыню.

Прошло много лет, и он стал патриархом Александрийским. Первым делом Иоанн собрал церковных экономов, ведающих хозяйством и деньгами, и велел им обойти город и переписать всех своих господ.

– Кто же это такие твои господа? – спросили они с удивлением.

– Бедные да убогие,– отвечал патриарх.– Они могут ввести меня в Царствие Небесное.

Экономы переписали всех нищих, найденных на улицах и в больницах. Их оказалось семь с половиной тысяч человек, и Иоанн приказал ежедневно выдавать им деньги на пропитание. Множество людей приходило к патриарху за помощью: он утешал плачущих, кормил голодных, одевал раздетых, заботился о странниках, опекал больных, выкупал пленников. Но так как слуги не всех допускали к нему, Иоанн, несмотря на свою занятость, по средам и пятницам сам сидел у церковных дверей и принимал просителей.

При этом он говорил:

– Если для меня самого не возбранен вход к Господу Богу, с Которым я постоянно беседую в молитвах и у Которого прошу то, в чем имею нужду, неужели мой ближний не может прийти ко мне, грешному, чтобы попросить о чем-нибудь? Недаром в Евангелии сказано: «Какою мерою мерите, такою будет отмерено и вам».

Когда случалось, что никто не обращался к патриарху, он возвращался домой грустный и говорил:

– Сегодня я ничего не приобрел и ничего не принес Богу за свои грехи.

Впрочем, такие дни выпадали очень редко, тем более что Александрию заполонили беженцы-христиане из Сирии и Иерусалима. Как-то раз за подаянием пришли красивые и хорошо одетые девушки, и экономы засомневались, давать ли им деньги.

– Если вы действительно рабы Христовы,– сказал патриарх,– подавайте всем просящим, как велел Христос.

Ведь мы отдаем не свое, а Божие, и должны верить, что даже если со всей вселенной в Александрию сойдутся убогие – и тогда церковное имущество не оскудеет.

Сам он отдавал нуждающимся последнее из своих вещей, которых у него и так было немного. Как-то раз к нему пришел один богатый и знатный человек; увидав, каким покрывалом застлана постель патриарха, он прислал ему хорошее, дорогое одеяло. Патриарх укрывался им – но всего одну ночь.

– Ох, Иоанн, Иоанн! – сказал он себе.– Сколько народу пропадает от голода и холода, а ты живешь в хоромах, носишь мягкую одежду, ешь отборную рыбу, да еще укрываешься такой дорогой вещью! Не слишком ли это для тебя? – И послал слугу на рынок – продать подарок и вырученные деньги истратить на одежду для нищих и убогих.

Тот самый вельможа увидел у торговца одеяло, купил и снова послал патриарху, упрашивая оставить его себе.

Но святой опять отправил слугу на рынок. И опять повторилась та же история.

– Посмотрим, кто из нас первый устанет: я – продавать или ты – покупать одеяло и снова дарить его мне,– послал Иоанн сказать вельможе.

Однажды патриарх подал страннику шесть серебряных монет. Желая узнать, насколько святой щедр, нищий надел другую одежду и вновь подошел за милостыней. Слуга шепнул Иоанну, что этот человек уже получил от них деньги, но святитель велел подать ему столько же, сколько и в первый раз. А странник снова переоделся и в третий раз попался патриарху на дороге.

– Владыка,– сказал слуга,– он сегодня дважды получал от нас по шести серебряных монет – и опять просит!

– Так подай ему двенадцать,– невозмутимо отвечал Иоанн.– Не Христос ли испытывает нас?

Один купец лишился корабля и всего своего состояния. Когда он пришел к Иоанну за помощью, святитель дал ему пять литр золота.

Купец накупил разного товара, снарядил новый корабль – и снова все потерял. В горе он пришел к Иоанну рассказать о случившемся.

Подумав, патриарх сказал:

– Видно, у тебя было еще другое золото, нечестно заработанное, и ты сложил его вместе с церковным: поэтому погибло и то, и другое.– И дал ему денег вдвое больше прежнего.

Но и в третий раз купец все потерял. После этого он уже не осмеливался показаться на глаза патриарху, а горевал и даже подумывал о самоубийстве.

Прослышав об этом, Иоанн позвал его к себе и сказал:

– Зачем ты отчаиваешься, вместо того чтобы довериться Богу? Думаю, это случилось из-за того, что ты нечестным путем приобрел корабль.– И патриарх приказал дать ему церковный корабль, доверху груженный пшеницей.

Во время плавания внезапно поднялся сильный ветер, разыгрался шторм, и судно понеслось в неизвестном направлении. Но вдруг купец увидел, что сам Иоанн Милостивый стоит на корме и управляет кораблем! Тогда он успокоился, надеясь на молитвы святого. И в самом деле они вскоре пристали к берегу Британии. Там был страшный голод, и купец очень прибыльно продал свой товар, причем половину цены получил за него оловом.

На обратном пути он хотел продать олово, но с изумлением увидел, что оно превратилось в золото. Вернувшись домой, он всем рассказывал об этом удивительном чуде, совершившемся по молитвам милостивого патриарха Иоанна.

Однажды Иоанн услышал о юноше, который осиротел и остался без всяких средств – это было удивительно, потому что его родители славились огромным богатством. Но их щедрость оказалась еще больше: все свое имущество они раздали нищим и убогим.

Первой умерла мать юноши, за ней отец; перед смертью он позвал к себе сына и сказал ему:

– Сынок, у нас осталось только десять литр золота. Ответь, что ты хочешь получить в наследство – деньги или образ Пресвятой Богородицы?

Юноша выбрал икону, а золото было роздано бедным. Он очень нуждался, но не впадал в отчаяние, а день и ночь молился Божией Матери.

Узнав об этом, преподобный Иоанн всей душой полюбил юношу и стал размышлять, как ему помочь. Надумав, он призвал эконома и сказал:

– Возьми старую хартию и напиши предсмертное завещание от имени некоего Феопемпта, так, как будто я и этот бедный юноша находимся в родстве. Потом пойди к нему и скажи: «Знаешь, что ты близкий родственник патриарха? Тебе неприлично так бедствовать! Пойди к Иоанну и напомни ему о себе; а если ты стыдишься, я сам скажу ему об этом».

Эконом исполнил повеление, и, когда он привел юношу к Иоанну, тот обнял его и сказал:

– Знаю, что у моего дяди был сын, но никогда не видел его и очень рад наконец познакомиться с тобой!

Он богато одарил юношу, купил ему дом и женил на девушке из хорошей семьи.

Иоанн не только сам был милостив – по его молитвам становились милостивыми скупцы. Однажды святой взял с собой в больницу – а он два-три раза в неделю навещал больных –

епископа по имени Троил. Зная, что у него есть при себе деньги, патриарх сказал:

– Отче, вот тебе случай утешить нуждающуюся братию. Подай им милостыню.

Епископу было жалко денег, но вместе с тем он боялся показаться скупым. Раздав около тридцати литр, он так расстроился, что, придя домой, слег в постель. Иоанн прислал слугу звать его на обед, но епископ сказался больным. Зная о причине его болезни, святой Иоанн отправился к Троилу.

– Вот,– сказал он,– я принес деньги, которые одолжил у тебя в больнице. Возьми их и напиши расписку, что награду от Господа, которая предназначалась тебе за милостыню, ты передаешь мне.

Увидев золото, Троил обрадовался, сразу выздоровел, написал расписку, и они отправились к патриарху обедать. Угощая Троила, Иоанн молился, чтобы Господь избавил его от сребролюбия.

Ночью епископ увидел во сне богатый и очень красивый дом, а над дверями – золотую надпись: «Обитель и вечный покой епископа Троила». Он направился было к дому, но тут появился величественный и грозный человек и сказал: «Господь повелел стереть эту надпись и написать: это обитель и вечный покой патриарха Иоанна, который купил их за тридцать литр золота».

Проснувшись, Троил стал горько сожалеть о потерянном доме на небесах и укорять себя в скупости. С того времени он исправился и стал добрым и милостивым.

Иоанн всегда помнил о том, что земная жизнь кратка и временна, и имел память о смерти. Он заказал для себя гроб, но не велел до конца доделывать его: по большим церковным праздникам гробовщики должны были приходить к нему и во всеуслышание говорить:

– Владыка! Гроб твой еще не доделан; прикажи доделать его, так как смерть приходит внезапно, и ты не знаешь, в какой час она тебя настигнет.

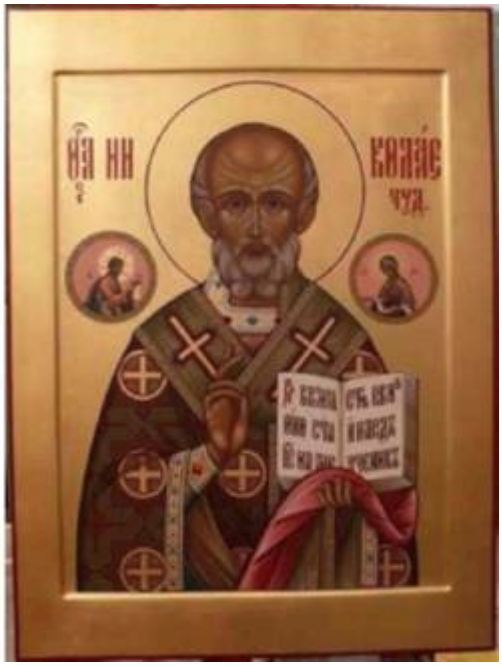
И вот этот час приблизился. В то время персы напали на Египет, и Иоанн, помня слова Спасителя: «Когда будут гнать вас из одного города, бегите в другой», решил на время уехать в Константинополь. В дороге он разболелся. Ему явился светозарный человек с золотым скипетром и сказал:

– Царь царей зовет тебя к Себе.

Патриарх понял, что конец его жизни близок. Приплыв на Кипр, он уже не мог продолжать путешествие и в своем родном городе Амафунте с миром преставился ко Господу.

Раздав за свою жизнь тысячи литр золота, святитель Иоанн Милостивый не оставил после себя никакого имущества, кроме одной монеты,– и ту он завещал отдать нищим.

Святитель Николай Чудотворец



Святой Николай родился в Малой Азии, в провинции Ликия, в городе Патара. Его родители Феофан и Нонна были очень благочестивыми и добрыми людьми. Они долго молили Бога, чтобы Он послал им сына. И Господь даровал им необыкновенного ребенка: едва появившись на свет, он начал творить чудеса. Во время крещения младенец три часа простоял в купели; по средам и пятницам он сосал молоко только вечером, по окончании молитвенного правила «на сон грядущим». Когда мальчик подрос, он быстро научился читать, изучил Божественное Писание и прочел много духовных книг. Он избегал пустых разговоров и легкомысленных друзей, зато часто ходил в церковь.

Дядя Николая, епископ Патары, заметил, что племянник особенно благочестив и сторонится мирских людей и удовольствий, и посоветовал родителям отдать его на службу Богу. Они с радостью согласились, и скоро епископ возвел юношу сперва в диаконский, а затем в священнический сан. Когда он рукополагал Николая, то по наитию Святого Духа пророчествовал, что этот пастырь будет утешителем печальных и помощником попавших в беду.

Иерей Николай и в самом деле был очень отзывчив и милостив. Когда умерли его родители, он раздал все свое наследство бедным.

В Патаре жил один человек, который прежде был очень богат, а потом обнищал. Он дошел до такой крайности, что ради денег решился своих красавиц-дочерей толкнуть на путь греха.

Услыхав о том, как он бедствует, и по Божию откровению узнав о его замысле, святой Николай завязал в узел золотые монеты и ночью, чтобы никто не видал, бросил деньги ему в окошко. Утром бедняк нашел их – и никак не мог поверить своему счастью; он тер пальцами монеты и, убедившись, что это настоящее золото, недоумевал, откуда оно взялось. Поблагодарив Господа, он выдал замуж старшую дочь и дал за ней богатое приданое.

Святой обрадовался и так же ночью подкинул в окошко узелок с деньгами для средней дочери. Найдя золото, бедняк со слезами молил Бога открыть, кто же их благодетель. Сыграв вторую свадьбу и твердо веря, что Господь устроит судьбу и младшей дочери, он ночью не ложился спать, а караулил возле окна. Когда иерей Николай, тихо ступая, подошел к дому и кинул в открытое окно узелок, бедняк кинулся за ним, догнал и стал целовать его ноги, а святой заклинал его сохранить все в тайне.

Вскоре Николай отправился в Палестину поклониться святым местам. Когда корабль плыл вдоль берегов Египта, стояла тихая, безветренная погода.

– Будет буря,– сказал святой морякам, и в самом деле скоро разразился шторм.

Он крепчал и наконец так разбушевался, что никто уже не надеялся спастись своими силами и все просили Николая помолиться, чтобы Господь избавил их от смерти. Священник стал усердно молиться, и шторм утих. Но тут случилась новая беда: один матрос полез на мачту, сорвался и разбился насмерть. И Николай-чудотворец воскресил его своей молитвой.

На обратном пути из Палестины святой решил не возвращаться домой, где его все знали и почитали, а жить в каком-нибудь чужом городе при храме как нищий, которому негде главу приклонить. И он поселился в Мирах, главном городе Ликии.

В то время архиепископ Мир и всей Ликии Иоанн скончался. Епископы собрались, чтобы избрать его преемника, но никак не могли договориться между собой.

Наконец, когда они присоединили к усердной молитве пост, старейшему из них было видение – ему явился светлый Муж и велел ночью встать у церковных дверей и ждать того, кто первым придет в церковь: «Его зовут Николай, это и есть Мой избранник».

Святой Николай всегда просыпался в полночь и молился до тех пор, пока не наступало время идти к утрене. Он очень рано приходил в храм, и в то утро первым вошел в притвор. Епископ подошел к нему, взял за руку и спросил:

– Как тебя зовут, чадо? Святой тихим и кротким голосом промолвил: – Николай, владыка, раб твоей светлости.

Епископ очень обрадовался, не сомневаясь, что перед ним Божий избранник,– ведь Господь призирает только на кротких и смиренных.

Став архиепископом, святой Николай был так же милостив ко всем, так же по своему обыкновению постился до вечера и не носил дорогой одежды.

Во времена гонений на христиан он проповедовал Христа и был за это посажен в тюрьму, где немало пострадал от голода и жажды. Когда на византийский престол вступил благоверный царь Константин, гонения прекратились, и святой Николай вернулся к своей пастве.

Святой участвовал во Вселенском Никейском соборе, на котором были утверждены догматы Православной веры и предан анафеме еретик Арий.

Тихий и кроткий святитель Мирликийский так разгорелся божественной ревностью, что посрамил богохульника Ария не только словом, но и рукой – ударил его по щеке.

Присутствовавшие на соборе были поражены и разгневаны таким поступком и сняли со святого архиерейский омофор. Но ревность и дерзновение смиренного Николая были угодны Господу: самые достойные из священнослужителей увидели справа от святителя Господа Иисуса Христа, благословляющего и подающего ему Евангелие, а слева Пресвятую Богородицу, протягивающую омофор.

Однажды архиепископа Николая позвали в город Плакомату – утихомирить воинов, которые грабили местных жителей. Когда, уладив дело, святитель обедал с царскими воеводами, приехали гонцы из Мир и со слезами рассказали, что правитель города Евстафий осудил на

смерть трех невинных людей. – При тебе он бы не осмелился на такое! Владыка, все плачут и ждут, когда ты вернешься. Святой Николай, взяв с собой воевод, тут же отправился домой. Подъехав к Мирам, он узнал, что осужденных уже вывели из темницы.

На месте казни стояла большая толпа; пройдя сквозь нее, святитель увидал троих несчастных со связанными руками и закрытыми лицами. Им уже пригнули головы к земле, и палач достал меч из ножен. Святой Николай выхватил меч у него из рук и развязал узников.

Народ радовался, и никто из городских властей не посмел сказать святителю ни слова. Правитель Евстафий бросился к его ногам, оправдывался и просил прощения, но Николай даже не смотрел в его сторону. Наконец, когда Евстафий сознался, что за взятку осудил на смерть невинных людей, и искренно покаялся, святитель простил его.

Царские воеводы удивлялись святости и ревности чудного архиерея; получив его благословение, они отправились обратно в Плакомату.

Эти воеводы вскоре удостоились почестей и были сделаны царскими советниками. Но нашлись люди, которые позавидовали им и оклеветали перед царем. Константин поверил наговору, велел посадить вельмож в тюрьму, а затем казнить.

Несчастные узники горько плакали и прощались с жизнью. Один из них вспомнил, как святитель Николай спас от казни троих осужденных, и они стали молиться:

– Боже Николая, спаси и нас, как тех людей в Мирах! Никто не может помочь нам – помоги Ты Сам!

Ночью святитель Николай явился во сне царю Константину и грозно сказал:

– Встань и выпусти из тюрьмы невинных людей, их оклеветали. А если не послушаешься, пойду на тебя войной, и ты погибнешь!

– Кто ты такой, что угрожаешь мне? – спросил царь.

– Николай, архиепископ Мирликийский,– был ответ.

В ту же ночь святитель явился во сне и царскому сановнику, который оклеветал воевод.

Наутро царь велел привести к нему узников и спросил:

– Что это за сон вы нам наворожили?

Они не знали, что сказать, и только уверяли царя, что всегда верой и правдой ему служили.

Константин смилостивился и заговорил с ними другим тоном, ласково и дружелюбно. А воеводы, глядя на царя, вдруг увидали рядом с ним святителя Николая, который подбадривал их.

– Боже Николая! – закричали они.– Спаси нас, как спас невинных в Мирах!

– Кто это Николай и кого он спас? – спросил царь.

Воеводы рассказали ему о святителе Николае Мирликийском, и Константин тотчас освободил их со словами:

– Не я дарю вам жизнь, а великий угодник Божий Николай, которого вы звали на помощь. Поезжайте к нему и благодарите, а от меня передайте, что я сделал, как он сказал, и прошу на меня не гневаться.– И вручил им Евангелие в золотом окладе, золотую кадильницу и два светильника для церкви в Мирах.

Святитель Николай всегда сразу приходил на помощь тем, кто его звал.

Однажды корабль, плывший из Египта в Ликию, попал в шторм. Казалось, он вот-вот развалится под напором огромных волн. Моряки вспомнили, что слышали об архиепископе Николае-чудотворце, и стали молиться, призывая его на помощь.

Святой тут же явился.

– Вы звали меня – я пришел вам помочь. Не бойтесь,– сказал он, взял руль и повел корабль.

Буря улеглась, море успокоилось, а потом подул попутный ветер, и судно скоро вошло в Мирскую гавань.

Моряки поспешили на берег – им не терпелось увидеть своего спасителя и поблагодарить его. В это время святитель Николай как раз шел в церковь, и они узнали его и бросились к его ногам.

Святитель прожил долгую жизнь и спас от смерти и разных злоключений многих людей. И после своей блаженной кончины угодник Божий Николай-чудотворец так же скоро приходит на помощь тем, кто его зовет.

Честные мощи святителя Николая, перенесенные из Мир Ликийских в итальянский город Бари, и сейчас источают миро, принося исцеление больным и изгоняя бесов.

Семь Отроков Эфесских

Это было во времена гонений, когда по всей Римской империи преследовали христиан, заставляя их отрекаться от Христа и поклоняться языческим богам.

В городе Эфесе жили семь мальчиков. Они вместе молились и подавали милостыню. Когда император Декий повелел эфесским христианам принести жертвы богам, друзья пошли не на

площадь, где стояли идолы, а в церковь.

Об этом донесли Декию, и он приказал схватить отроков. Их привели, закованных в кандалы.

– Почему вы не принесли жертву богам? – спросил разгневанный император.

– У нас один Бог,– ответил ему юный Максимилиан,– а вашим идолам мы поклоняться не станем.

Декий повелел снять с них воинские пояса (такие пояса носили мальчики из знатных семей, будущие римские воины) и хотел предать христиан пыткам. Но, видя, что они совсем еще дети, пожалел их и отпустил – на время, пока он снова не приедет в Эфес.

Мальчики решили уйти из города. Они поселились в большой пещере на горе Охлон и там молились, прося Бога укрепить их на предстоящий подвиг.

Самого младшего – его звали Ямвлих – посылали за покупками. Часть денег он тратил на милостыню, а остальное на еду. Идя в город, мальчик всегда переодевался, чтобы его не узнали. В нищенской одежде он ходил по улицам и как бы невзначай расспрашивал, скоро ли приедет император.

И вот однажды он увидел, как Декий въезжает в Эфес. Скоро появились глашатаи и прочли императорский указ – всем знатным горожанам, чиновникам и военачальникам было велено на следующий день явиться в идольский храм и принести жертвы богам. Упомянули и о семи мальчиках – император приказал им вместе со всеми участвовать в жертвоприношении.

Ямвлих очень испугался и побежал к друзьям. Узнав, что завтра они должны предстать перед императором, отроки с плачем бросились на колени и стали молиться.

Наступил вечер. Ямвлих разделил хлеб, и все немного поели. Друзья тихо разговаривали, утешая и ободряя друг друга, и так сидя задремали.

На следующий день император, узнав, что мальчики убежали из Эфеса, велел привести во дворец их родителей. – Мы твои верные подданные,– сказали те,– приносим жертвы богам и детей христианству никогда не учили. И денег на милостыню им не давали – они взяли сами, без спросу, и убежали на гору Охлон. Говорят, они прячутся там в большой пещере.

Декий велел заложить вход в пещеру камнями, чтобы дети не смогли выйти и умерли там в темноте от голода и жажды.

Когда стена была почти готова, императорские писцы (они были тайные христиане) написали имена юных мучеников на оловянной пластинке и вложили в ларец, а ларец спрятали в щель между камнями. Но мальчики ничего не слышали – они спали. Это был не простой сон: Господь повелел им заснуть на долгие-долгие годы...

Умер Декий, после него правили такие же, как он, язычники и гонители христиан; много лет спустя на престолах воссели христианские цари – а отроки все не просыпались.

В царствование благочестивого императора Феодосия Младшего в Эфесе уже не было язычников. Кругом стояли православные храмы, и от мала до велика все назывались христианами.

Но не все сохранили истинную веру – появились еретики, которые отрицали воскресение

мертвых. Царь Феодосий очень печалился об этом и со слезами и с постом молил Бога утвердить Православие. В то время некий человек задумал строить на горе Охлон каменную ограду для овец. В одном месте на склоне было особенно много пригодных для ограды камней. Рабочие понемногу вынимали их, пока не открылся узкий проход; но они не знали, что это вход в пещеру, и не зашли туда.

Однажды рано утром семь отроков проснулись – Господь воскресил их, как прежде Своего друга Лазаря. Встав, они помолились и пожелали друг другу доброго утра. Дети были уверены, что проспали всего лишь ночь – ведь ни лица, ни одежда их совсем не изменились.

Помня, что им предстоит пострадать за Христа, они послали Ямвлиха в город и наказали ему узнать, что там происходит.

– Купи хлеба и скорей возвращайся,– сказал Максимилиан.– Мы не будем долго сидеть тут, как трусы.

Готовьтесь – сегодня пойдем и умрем за веру!

У входа в пещеру Ямвлих заметил груду камней и удивился – вчера вечером камней не было, откуда они взялись?

Спустившись с горы, он со страхом приблизился к городским стенам и не поверил своим глазам – на воротах был большой крест. Улицы и дома, видневшиеся за стенами, были вовсе не похожи на Эфес. В изумлении Ямвлих пошел к другим воротам – и там было изображение креста. Обойдя город кругом, он пришел в недоумение. «Уж не сон ли это? – подумал мальчик.– Ведь еще вчера кресты прятали, чтоб их никто не увидел».

Наконец он собрался с духом и вошел в ворота. Встречные были очень странно одеты – совсем не так, как вчера. Но еще удивительнее было слышать их разговоры – горожане поминали имя Божие, говоря: «Слава Богу!», «Боже сохрани!», «Господи, помилуй!» «Ясно – я заблудился»,– решил Ямвлих.

– Какой это город? – спросил он у прохожего.

– Эфес,– ответил тот, но Ямвлих ему не поверил.

«Надо скорей купить хлеба и бежать отсюда, пока я не потерялся окончательно»,– подумал он.

Но булочник, взяв серебряную монету, не спешил давать сдачу. Он позвал своего товарища, тот другого, и скоро Ямвлиха обступили со всех сторон.

– Откуда у него такая старинная монета? – перешептывались люди.– Наверное, нашел клад.

Мальчик, считая, что его узнали и сейчас отведут к императору, испугался и сказал:

– Пожалуйста, возьмите деньги себе, а я пойду.

– Скажи-ка, кто ты такой и где нашел старинную монету? – допытывались они.– Поделись с нами, или мы тебя сейчас отведем к судье.

С него сняли пояс и, обвязав шею, крепко держали. Сбежался народ; мальчик надеялся, что в толпе увидит знакомых, но если еще вчера он знал в лицо чуть ли не всех горожан, то сегодня его окружали чужие люди.

Ямвлиха привели к правителю города, который в это время как раз беседовал с епископом Эфесским. Они подивились древности монеты и спросили мальчика, где он откопал клад.

– Не знаю я никакого клада! – ответил тот.– Это обыкновенные деньги, я их у родителей взял.

– Кто же твои родители и где они живут?

Ямвлих назвал по имени своего отца, мать, деда и всех родственников, но никто и не слыхал о них.

– Какие странные имена,– удивился правитель.– Да ты нам морочишь голову! Вот я тебя в тюрьму посажу – будешь сидеть, пока не признаешься, где нашел клад!

– Скажите,– взмолился мальчик,– где сейчас император Декий, в Эфесе или нет, и жив ли он?

– Не слышно, чтобы где-нибудь царствовал император с таким именем,– ответил епископ Стефан.– Разве что в древние времена; а сейчас нами правит благочестивый царь Феодосий.

– Так пойдемте со мной,– воскликнул Ямвлих,– я покажу вам, где мы с друзьями прячемся от Декия. Вчера я видел, как он приехал в Эфес... Хотя я не уверен теперь, Эфес это был или нет.

«Господь хочет открыть нам какую-то тайну через этого отрока»,– подумал епископ и сказал правителю:

– Пойдем с ним – нас ждет чудо.

И все отправились на гору Охлон. Ямвлих первым вбежал в пещеру, а епископ, который шел не спеша, заметил у входа среди камней ларец с серебряными печатями. В нем лежала оловянная пластинка, а на ней была вырезана надпись: «Святые семь отроков – Максимилиан, Ямвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Эксакустодиан и Антонин – бежали от императора Декия и скрылись в этой пещере. По повелению Декия вход в пещеру был замурован, и святые отроки мученически скончались, приняв смерть за Христа».

Правитель, епископ и все, кто был с ними, удивлялись и громко прославляли Бога. А в пещере их ждали святые отроки – радостные, с красивыми и веселыми лицами, сияющие Божией благодатью.

Епископ и правитель немедленно написали обо всем в Константинополь царю Феодосию, и он очень скоро приехал в Эфес со всей свитой. Увидев святых отроков, Феодосий упал им в ноги; они поспешили поднять царя с колен, и он обнимал и целовал их со слезами, славя Бога, Который услышал его молитвы и явил такое чудо во образ будущего воскресения мертвых.

Феодосий долго беседовал с отроками, а все слушали их и не могли наслушаться.

Потом святые склонили головы и снова уснули. Их нетленные тела остались почивать в пещере до всеобщего воскресения, а души отошли ко Господу, Ему же слава, честь и поклонение со Отцом и Святым Духом всегда, ныне и присно и во веки веков.

Великомученик Георгий Победоносец

Во времена римского императора Диоклетиана, жестокого гонителя христиан, жил юноша Георгий. Он родился в Каппадокии, в Малой Азии, в богатой и знатной семье и был воспитан в христианской вере. Когда Георгий был еще ребенком, его отец принял мученическую смерть за Христа, и Георгий с матерью переселился в Палестину.

Он вырос красивым, статным юношей, поступил в римское войско и так храбро сражался, что его скоро сделали военачальником, хотя ему не было и двадцати лет. Император не знал, что Георгий христианин, он любил юного воина и держал при себе. Услышав, что начинается новое гонение на веру и что Диоклетиан решил истребить христиан с лица земли, Георгий раздал нищим все свое имение, золото, серебро и одежду, отпустил рабов на свободу и отправился к императору.

– Долго ты еще будешь мучить ни в чем не повинных людей? – спросил он изумленного Диоклетиана, став посреди залы, где шел государственный совет. – Вы заставляете народ кланяться идолам, но они вовсе не боги; Бог один, это Господь Иисус Христос, во Святой Троице поклоняемый. Познайте истину или хотя бы не смущайте благочестивых людей своим безумием!

Сперва император старался лаской обратить юношу к поклонению идолам и уговаривал его принести жертву, а потом разгневался и велел своим оруженосцам копьями гнать Георгия в темницу.

Там его ноги забили в колоду, а на грудь положили большой камень; на следующий день Георгия привязали к колесу с острыми лезвиями, которые резали его тело, но Господь исцелил Своего верного раба от ран. Юноша претерпел множество жестоких мучений, благодаря Бога и прося укрепить его в страданиях.

Видя, как мужественно он переносит пытки и как Господь чудесно спасает его от неминуемой гибели и исцеляет от ран – ведь мученик не истек кровью на пыточном колесе, не сгорел во рву с негашеной известью и не умер от яда,– многие уверовали во Христа. Жена самого Диоклетиана царица Александра тоже познала истинного Бога и перед всеми исповедала себя христианкой.

В темницу к Георгию стали приходить люди, и он наставлял всех в вере и творил чудеса: воскресил мертвого и исцелял больных.

У одного крестьянина, по имени Гликерий, единственный вол свалился в овраг и разбился насмерть. Бедняга тоже пришел к Георгию и со слезами жаловался на судьбу. Святой тихо улыбнулся и сказал ему:

– Иди, брат, радуйся, мой Христос оживил твоего вола.

Гликерий, нимало не сомневаясь, пошел домой и нашел свою скотину живой. Он тут же отправился обратно в темницу к Георгию, а по дороге громко кричал:

– Поистине велик Бог христианский! – Его схватили царские воины, доложили Диоклетиану, а тот велел отрубить ему голову – так Гликерий принял мученическую смерть за Христа.

Когда великомученик Георгий своей молитвой сокрушил идолов в языческом храме, Диоклетиан приказал отсечь ему голову. Вместе с ним повели на смерть и царицу Александру. Пройдя немного, она очень устала, попросила позволения сесть и предала дух Господу. А великомученик Георгий, дойдя до места казни, помолился Богу и с радостью преклонил голову под меч. Церковь, почитая его великие страдания и терпение, причислила святого Георгия к лику великомучеников.

После своей славной кончины святой Георгий сотворил еще больше чудес, чем при жизни. Он скоро приходит на помощь всем, кто призывает его на молитве.

Великомученика Георгия называют «свободителем пленных», потому что он много раз выручал христиан из плена.

Однажды у священника, который служил в храме великомученика Георгия на острове Кипр, сын, по имени Филофей, попал в плен к сарацинам. Целых три года юноша прожил в неволе.

Как-то раз хозяин велел ему нести за собой белье в баню; помывшись, он потребовал пить, а Филофей забыл дома кувшин с напитком. Сарацин уже размахнулся, чтобы его ударить, но юноша убежал и, взяв питье, поспешил назад. Проходя мимо христианской церкви, Филофей услышал пение: был день памяти святого великомученика Георгия, служили Божественную литургию и в эту минуту пели кондак святого: «Возделан от Бога показался еси благочестия делатель честнейший…» Юноша заплакал и взмолился:

– Святой великомученик Георгий! Неужели ты не слышишь, как отец молится обо мне перед святым престолом в твоей церкви? Неужели не освободишь меня из плена?

Вернувшись к хозяину, Филофей налил ему напитка и собрался добавить кипяток, как вдруг перед глазами у него все расплылось. Он закричал:

– Я ничего не вижу! – и тут же оказался в алтаре своей родной церкви; в это время хор пел: «Един свят, един Господь Иисус Христос, в славу Бога Отца, аминь», а его отец держал потир и ждал, пока ему подадут кипяток.

Увидев, что юноша, одетый по-сарацински, собирается влить в потир теплоту, священник изумился и спросил алтарников, кто это.

– Это же я, твой сын! – воскликнул Филофей. – Я сейчас только был со своим господином в Иерусалиме – и вот стою перед тобой!

Отец поставил потир на престол и, воздев руки, прославил Бога и святого великомученика Георгия, а когда окончил службу, обнял и расцеловал сына, и они пошли домой и там радовались и веселились с родными и друзьями.

Другое чудо великомученик Георгий совершил в посвященном ему храме в Малой Азии в городе Амастриде.

Храм был небольшой и очень ветхий, так что грозил вот-вот обвалиться: люди там жили бедные, и у них не было денег на его починку. Неподалеку от него часто бегали дети, и вот один маленький мальчик, который никогда не выигрывал ни в одну игру и которого товарищи часто били и обижали, как-то раз сказал:

– Святой Георгий, помоги мне победить, я тебе принесу вкусный пирог! – И стал брать верх во всех играх.

В тот же день, придя домой, он рассказал матери о своем обещании. Она испекла пирог, и мальчик положил его перед алтарем.

В то время мимо проходили купцы; они решили зайти в церковь поклониться великомученику Георгию и увидали пирог – он был еще теплый и издавал очень вкусный запах.

– Зачем он святому? Съедим-ка мы его, а в храме оставим ладан! – решили купцы.

Но когда они покончили с пирогом и собрались уходить, то не могли найти дверей – кругом были одни стены.

Купцы положили перед алтарем по серебряной монете, потом по золотой и усердно помолились святому – и только тогда нашли двери и вышли наружу. Это чудо стало известно по всей стране, и многие благочестивые люди начали присылать деньги на новую церковь. Так собрали много золота и серебра и построили большой каменный храм.

Еще об одном чуде святого великомученика рассказал авва Георгий. Однажды он встретил на дороге старого монаха, который пошел впереди него. Поднявшись в гору, они увидели стадо овец. Рядом на земле лежал мальчик-пастушонок; его укусила ядовитая змея, и он корчился от боли. Набрав воды из источника, монахи облили ею святой крест и дали ему пить.

– Во имя Пресвятой Троицы тебя исцеляет святой великомученик Георгий,– сказал старец.

Мальчик выплюнул яд и встал здоровым. Тогда старец спросил:

– Скажи, что ты вчера говорил бедной вдове, продав ее овечку за три серебряные монеты? Клялся и божился, что ее съел волк?

– Да, отче, все так и было,– признался пастушок.– А ты откуда знаешь?

– Я сидел в своей келье,– сказал старец,– как вдруг прискакал всадник на белом коне и велел мне поскорей идти сюда, дать тебе святой воды и сказать, чтобы ты впредь не клялся, не божился и не лгал. И непременно отдай той бедной женщине овцу, иначе с тобой случится что-нибудь еще похуже.

Мальчик упал ему в ноги и просил прощения.

– Вдова сказала мне, что Сам Бог и святой Георгий спросят с меня за эту овечку, потому что

она обещала пожертвовать ее ко дню праздника святого для угощения бедных. Согрешил я, отче, помолись обо мне, чтобы Бог и Его угодник простили меня! А я дам той женщине к празднику трех овец и каждый год в этот день буду давать бедным десятую часть того, что заработаю, – обещал пастушок.

Получив разрешение от своего греха, он благодарил Бога и великомученика Георгия.

Самое удивительное чудо святой Георгий совершил в городе Бейруте на Средиземном море. Неподалеку от города было озеро, в котором жил огромный змей-людоед. Жители очень его боялись. Они были язычниками, поклонялись идолам, и бесы, жившие в идолах, научили их, чтобы они каждый день отдавали в жертву чудовищу своих детей. Те горожане, кому выпадал жребий, приводили к озеру сына или дочь, а змей выползал на берег и пожирал их.

Дошла очередь до единственной царской дочери; но когда она уже стояла возле озера и ждала смерти, явился святой Победоносец Георгий в образе прекрасного юноши, на коне, с копьем наперевес и, осенив себя крестным знамением, проткнул змею горло. Он велел девушке привязать чудовище за шею своим поясом и вести за собой, как собаку. Так они пришли в город. Увидев их, встречные в ужасе бросились бежать, но святой воскликнул:

– Не бойтесь, надейтесь на Господа Иисуса Христа и веруйте в Него. Это Он послал меня к вам, чтобы избавить от змея. – И убил чудовище мечом на городской площади, а все жители уверовали во Христа и приняли святое крещение.

На том месте построили большую прекрасную церковь во имя Пресвятой Богородицы и в честь святого великомученика и Победоносца Георгия, и в ней тоже совершались чудеса во славу Божию и Его великого угодника.

Великомученик Евстафий Плакида

В царствование императора Траяна жил в Риме знатный и богатый военачальник Плакида. Он был таким храбрым, что все враги боялись его имени. Но больше ратных подвигов Плакида любил помогать бедным, больным и попавшим в беду. Он был очень добрый и хороший человек – только не имел веры в Бога, без которой мертвы все добрые дела.

Однажды Плакида отправился на охоту. Спугнув стадо оленей, его слуги и спутники пустились

в погоню. Сам он выбрал очень крупного зверя, который оторвался от стада и понесся по полям. Охотники скоро остались позади, а Плакида все мчал на быстром и сильном коне, дальше и дальше. Наконец олень вскочил на высокий камень и замер.

«Как же его поймать?»– подумал охотник – и вдруг увидел между рогами оленя светящийся крест, а на нем пригвожденного Иисуса Христа. Раздался Божественный голос:

– Что ты гонишь Меня, Плакида?

Он пришел в ужас и замертво упал с коня, а очнувшись, проговорил:

– Кто ты, Господи?

– Я Иисус Христос – Тот, Кого ты, не зная, почитаешь добрыми делами и милостыней. Я явился тебе на олене, которого ты хотел поймать, чтобы поймать тебя – да познаешь Меня и будешь Моим верным рабом.

Плакида поднялся. Оленя уже не было, и видение исчезло.

– Верую, что Ты Бог неба и земли и Творец вселенной, Тебе одному поклоняюсь и молю, научи, как мне жить,– сказал он.

– Иди к христианскому священнику, крестись, и он наставит тебя на путь спасения.

Был поздний вечер, когда Плакида вернулся домой. Он позвал жену и обо всем рассказал ей. Она совсем не удивилась.

– Прошлой ночью во сне я слышала голос, сказавший мне: «Вы с мужем и сыновьями завтра придете ко Мне и познаете Меня, Иисуса Христа, истинного Бога, спасающего любящих Его». Давай не откладывая пойдем и сделаем, как велел нам Господь.

Плакида тут же отправил людей на поиски священника, и вскоре вся семья и несколько верных слуг были у отца Иоанна. Наставив их в христианской вере и помолясь, он крестил их всех во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Плакида получил в святом крещении имя Евстафий, его жена – Феопистия, а сыновья – Агапий и Феопист. Они причастились Святых Христовых Таин и с миром пошли домой.

На следующий день Евстафий сел на коня и позвал слуг на охоту. Но он вовсе не собирался охотиться – на самом деле ему хотелось еще раз побывать у того камня, где ему явился Господь. Отослав спутников и оставшись один, Плакида на коленях со слезами благодарил Бога и просил устроить его судьбу по Своей благой воле. Господь сказал ему:

– Евстафий, тебе предстоит явить на деле твою веру и любовь – а они познаются в нищете и напастях.

– Господи, вот я перед Тобой,– ответил Плакида.– Делай со мной, что хочешь, только не лишай Твоей помощи.

Прошло несколько дней, и в дом Плакиды пришли болезни и смерть: разболелись и люди, и скотина. Скоро умерли почти все работники, а кто был жив, лежал больной. Некому было стеречь дом, и воры ночью украли все ценное, так что Плакида совершенно обнищал. Но он нимало не печалился и благодарил Бога, как Иов, говоря:

«Бог дал, Бог и взял, как Богу угодно, так и сделалось – буди имя Господне благословенно».

Плакида с женой решили уйти из дому и поселиться в чужой стране, где никто их не знает и никогда не слыхал об их благородстве, богатстве и славе. Они надели нищенскую одежду, взяли сыновей и ночью, прячась от людей, ушли.

Когда император Траян узнал, что его любимый военачальник исчез, он очень огорчился и начал искать его. А в это время Плакида с семьей шел к морю, чтобы сесть на корабль и отправиться в Египет.

Капитан корабля был язычник, дикий и свирепый варвар. Ему понравилась жена Плакиды, и он захотел отнять ее у мужа. Пристав к берегу, капитан потребовал у Евстафия платы за перевоз – Феопистию. Евстафий был безоружен, и некому было заступиться за них – ему оставалось лишь молить о пощаде. Но варвар выхватил меч и закричал:

– Замолчи и убирайся отсюда, не то я тебя убью и труп выброшу в море!

Евстафий с детьми сошли на берег, а корабль, подняв паруса, отчалил.

Осиротевший Евстафий шел с сыновьями по дороге, пока им не преградила путь быстрая и полноводная река.

Моста поблизости не было, и реку переходили вброд. Плакида посадил младшего сына на плечи и перенес его на другой берег. Возвращаясь за старшим, он услышал крик: лев уносил Агапия в пустыню. Евстафий поспешил назад – и увидел, как волк убегал в лес с Феопистом.

Но и теперь Плакида не возроптал на Бога и не стал жаловаться на судьбу.

Он поселился в деревне и работал как простой крестьянин, чего ему раньше никогда не приходилось делать. А потом он стал сторожем и сторожил посевы. Так Евстафий прожил пятнадцать лет в нищете и смирении, трудясь в поте лица, чтобы заработать на хлеб.

В то время на Рим напали племена варваров; они разоряли города и опустошали села. Император Траян был в большой печали. Он вспоминал своего славного военачальника и говорил:

– Был бы здесь наш Плакида – враги не смогли бы одолеть римское войско.

Он больше прежнего огорчался и удивлялся, как это Плакида бесследно исчез с женой и детьми, и решил послать людей на поиски по всей империи.

– Кто мне найдет моего Плакиду, получит почетную награду и дорогие подарки,– сказал император.

Тогда два храбрых воина Антиох и Акакий, друзья Плакиды, которые раньше жили у него в доме, вызвались его искать. Они прошли много городов и сел, спрашивая всех встречных, не видали ли они их любимого друга, и наконец добрались до деревни, где жил Плакида.

А он тогда стерег жито в поле. Евстафий издалека увидел друзей, узнал их и заплакал от радости. Он встал у дороги, по которой шли воины, и они, подойдя, спросили его, что это за деревня и не живет ли в ней такой-то и такой-то человек по имени Плакида.

– Зачем он вам? – спросил Евстафий.

– Он наш друг,– отвечали они.– Мы давно не видали его и не знаем, куда он скрылся. Кто нам скажет, где он, и жена его, и дети, тот получит много золота.

– Не знаю такого и никогда не слыхал ни о каком Плакиде,– сказал Евстафий.– Но прошу вас, останьтесь в нашей деревне и отдохните у меня в хижине. Вижу, вы и лошади ваши устали – побудьте у меня, а потом поищете тех, кто сможет вам помочь.

Воины не узнали его и пошли с ним в деревню. А он глядел на них и едва удерживался от слез.

Евстафий привел их к себе – а жил он в чужом доме, у одного доброго человека. Хозяин угощал гостей, а Евстафий прислуживал им за столом, как некогда они ему служили.

Во время обеда Антиох и Акакий все поглядывали на Евстафия и мало-помалу стали узнавать его.

– Этот человек похож на Плакиду – или это он самый и есть,– тихо переговаривались они.– У Плакиды была глубокая рана, полученная в сражении. Если у этого человека есть шрам на шее – значит, это он.

Разглядев шрам, они бросились к ногам Евстафия, и обнимали его, и радовались.

Тут собралась вся деревня. Люди удивлялись, что сам Плакида у них жил и работал как простой крестьянин, и слушали рассказы воинов о его храбрости, подвигах и благородстве, и просили, чтобы он не прогневался на них.

Рим ликовал, узнав о возвращении Плакиды, а император одарил его гораздо больше прежнего и сделал первым военачальником.

Готовя войско к сражению с варварами, Евстафий видел, что оно слишком малочисленно. Он велел по всей стране искать молодых людей, годных для воинской службы, и отправлять в Рим.

Так оба брата, Агапий и Феопист, оказались в столице. Они были рослые, крепкие и красивые юноши.

Военачальник заметил их и скоро полюбил как сыновей – не зная, что они и есть его дети.

Победив врагов, войско возвращалось из дальних стран. Чтобы воины отдохнули, Плакида разбил лагерь в очень красивом месте, в деревне у реки, и простоял там дня три. А в той самой деревне жила жена Евстафия; у нее был огород, от которого она кормилась, работая в поте лица.

По Божьему смотрению Агапий и Феопист поставили свою палатку прямо возле ее огорода.

Как-то в полдень, отдыхая, они разговорились и стали выяснять, кто из них какого рода.

– Я смутно помню, что мой отец был римским военачальником,– рассказывал Агапий.– Мы с ним, с матерью и младшим братом ушли из Рима, сели на корабль и плыли по морю. Мать почему-то осталась на корабле, а мы сошли на берег и очень плакали о ней. А потом надо было переходить вброд реку, и отец оставил меня на берегу. Прибежал лев, схватил меня и понес в пустыню. Но за ним погнались пастухи и отняли меня.

Феопист кинулся ему на шею.

– Ты мой брат! – закричал он.– Я все помню, о чем ты говоришь, и своими глазами видел, как

тебя унес лев. А меня схватил волк, но крестьяне его прогнали.

Разговор братьев услышала Феопистия. Она удивлялась, и радовалась, и боялась поверить, что эти славные молодые воины – Агапий и Феопист. Феопистия решила просить у военачальника позволения идти с войском в Рим, чтобы там искать своего мужа и удостовериться, что юноши – ее сыновья.

Придя к Плакиде, она поклонилась и сказала:

– Прошу тебя, позволь мне идти с вами в Рим. Сама я римлянка; пятнадцать лет тому назад меня взяли в плен варвары и привезли сюда. Теперь я свободна и скитаюсь в чужой стране, терпя нужду.

У Евстафия было доброе сердце, и он тотчас согласился взять ее в Рим. А Феопистия узнала его и остановилась в удивлении, словно в забытьи. Но муж не понимал, кто перед ним стоит.

Она не стала открываться ему и ушла. «Я такая нищая и убогая, а он знаменитый воин»,– думала она и молилась Богу, чтобы Он помог и муж и сыновья узнали ее.

Прошло время, и Феопистия снова подошла к Плакиде.

– Что еще просишь, мать? – спросил он.

Она низко поклонилась и сказала:

– Не ты ли Плакида, во святом крещении нареченный Евстафием? Не ты ли видел Христа на кресте посреди оленьих рогов? Не ты ли Бога ради ушел из Рима с женой и сыновьями Агапием и Феопистом? И не у тебя ли варвар отнял на корабле жену? Божия благодать защитила меня и сохранила от поругания – ведь тот варвар внезапно заболел и умер, не причинив мне зла.

Евстафий словно пробудился от сна. Он узнал жену, и, обнявшись, они плакали от великой радости.

– Где же наши дети? – спросила она.

– Их съели звери,– вздохнув от сердца, сказал Плакида.

– Не скорби, господин мой. Как нам привел Бог нечаянно встретиться, так и дети наши найдутся.– И Феопистия рассказала ему об услышанном разговоре.

Тогда Евстафий велел позвать Агапия и Феописта и обо всем их расспросил. Услышав рассказ сыновей, отец с матерью возликовали, а с ними все войско – не так радовались о победе над варварами, как об этой радости. Так Бог утешил верных рабов Своих.

В то время умер император Траян. Вместо него стал править Адриан, почитавший идолов и ненавидевший христиан. Он думал, что это языческие боги помогли римлянам одолеть варваров, и, когда войско пришло в Рим, велел всем готовиться к совершению жертвоприношения.

Евстафий отказался идти в идольский храм. Как христианин он исповедал истинного Бога и вместе с женой и сыновьями был осужден на казнь. На мучеников выпустили диких зверей, но те не причинили им никакого вреда – а лишь кланялись и отходили от них.

Тогда Адриан велел раскалить медного вола и бросить туда христиан. Они не сгорели – Божия

благодать, как прохладная роса, остужала металл,– но, помолясь, предали души Господу.

На третий день после казни римские христиане взяли их нетленные тела и предали погребению, славя Бога, дивного во святых Своих.

Преподобная Пелагея

Это было в середине V века. На собор в городе Антиохии собрались епископы; обсудив важные церковные вопросы, они пожелали услышать поучения блаженного Нонна, святителя Илиопольского. Епископы сидели в церковном притворе возле раскрытых дверей и благоговейно внимали духовному наставлению. В это время мимо храма проходила известная в городе грешница, по имени Маргарита. Вся в золоте и жемчугах, она шла, окруженная веселыми нарядными юношами и девушками. Воздух наполнился благоуханием, так что и в храме повеяло ароматами. Увидев непокрытую голову и обнаженные плечи красавицы, епископы опустили глаза и, тихо вздыхая, отвернулись. Только блаженный Нонн внимательно и долго смотрел ей вслед, а когда она скрылась из вида, спросил: – Она вам не понравилась? Епископы ничего не ответили. – И вы не усладились красотой этой женщины? – снова спросил Нонн.

Все молчали.

– О, как многому я сейчас научился,– сказал блаженный. – Господь поставит ее перед нами на Страшном суде и осудит нас – ведь она столько времени проводит наряжаясь и украшаясь, часами прихорашивается перед зеркалом, чтобы понравиться людям – хоть ненадолго. А мы, имея Бессмертного Жениха, не стараемся украсить свою окаянную душу, скверную и грязную, не омываем ее слезами покаяния, не одеваем в одежду добродетелей, чтобы она явилась прекрасной перед Богом!

И блаженный Нонн пошел в свою келью. Там он на коленях с плачем просил у Бога прощения за то, что не печется о красоте души так, как грешница заботится о своем теле. Он помолился и о Маргарите, говоря:

– Господи, Тебе все возможно, не погуби Твоего создания, не отдавай такую красоту бесам! Обрати ее к Себе, и да прославится на ней имя Твое святое.

Ночью святитель видел сон: он стоял в алтаре во время совершения Божественной литургии, а

вокруг него летала грязная черная голубка, и он еле мог выносить зловоние, исходившее от нее. Когда дьякон возгласил:

«Оглашенные, изыдите!», она улетела. Выходя из церкви, Нонн снова увидел голубку, которая кружилась над его головой. Протянув руку, он взял птицу и бросил ее в воду. Вся грязь сошла, и голубка вылетела из воды белая, как снег, и стала подниматься все выше и выше, пока не скрылась из глаз.

На следующий день, в воскресенье, Нонн с другими епископами отправился в собор к Божественной литургии.

Когда он говорил проповедь о Страшном суде и о загробной участи праведных и грешных, по Божию смотрению в церковь зашла и Маргарита – а раньше она никогда не бывала в христианском храме. Услышав слова Нонна, она задумалась о своих грехах и испугалась.

– Пойдите после службы за этим святым человеком, который говорил проповедь, и узнайте, где он живет,– сказала Маргарита слугам.

Она послала епископу записку, надписав ее: «Святому ученику Христову от грешницы и ученицы дьявола».

«Я слышала о Христе, Который сошел с Небес, чтобы спасти грешных людей, какой Он был смиренный, ел с мытарями и разговаривал с блудницами. И ты, господин мой, истинный раб Христов, – просила она, – не погнушайся мной, приведи меня к Спасителю мира».

Блаженный Нонн отвечал: «Если хочешь веровать в моего Бога, приходи в церковь Святого мученика Иулиана, где я буду вместе с другими епископами».

Маргарита поспешила в храм. Став перед епископами, она заплакала, упала на колени и ухватилась за ноги святого Нонна.

– Прошу тебя, сделай меня христианкой, – умоляла она. – Я – море грехов и бездна беззаконий, омой меня крещением! – И, как евангельская блудница, омывала ноги блаженного слезами и отирала своими волосами.

– Ты ответишь Господу за мою душу, если не окрестишь меня сегодня!

Нонн послал к архиепископу, а тот, радуясь о спасении души грешницы, велел готовить Маргариту к принятию таинства.

– Встань, ты сейчас будешь оглашена ко крещению,– сказал святитель, и только тогда женщина поднялась с колен.

– Как тебя зовут?

– Родители назвали меня Пелагией, а в Антиохии меня все зовут Маргаритой.

Епископ огласил Пелагию и крестил ее во имя Отца и Сына и Святого Духа, а потом причастил Святых Христовых Таин.

– Приходите обедать,– сказал Нонн епископам после совершения таинства. – Порадуемся с ангелами Божиими о нашедшейся овце и вкусим вина и елея с духовным веселием.

Когда все сидели за праздничным столом, бес за дверью начал громко кричать:

– Горе мне! Сколько приходится терпеть от этого старого пьяницы! Последнюю мою надежду отнял, как мне теперь быть? Проклят тот день, когда ты родился! А ты, госпожа Пелагия,– ты предала меня, как Иуда!

Нонн велел Пелагии оградить себя крестным знамением, и дьявол исчез. Но через два дня он явился снова.

– Госпожа моя, дорогая Маргарита, что плохого я тебе сделал? – восклицал он. – Не я ли осыпал тебя золотом и драгоценностями, не я ли тебя нарядил в роскошные платья? Прошу, скажи, чем я тебя обидел, и я все исполню – только не выставляй меня на посмешище!

Пелагия перекрестилась, и дьявол убежал. На другой день она послала слугу за своими драгоценностями.

– Вот богатство, которое мне дал сатана, – сказала она Нонну.– Возьми и сделай с этим что хочешь.

Тот призвал церковного эконома и велел ему раздать все деньги сиротам, убогим и больным.

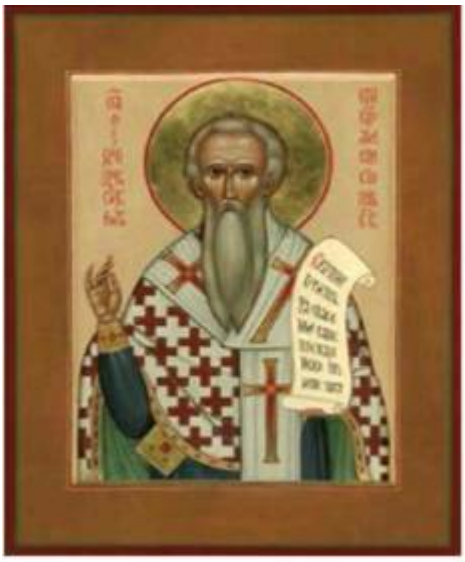
На восьмой день, когда по обычаю новокрещенные снимали белые одежды, Пелагия надела власяницу, поверх нее старую рясу епископа Нонна и тайно ушла из Антиохии. Никто не знал, где она, кроме блаженного, которому Бог открыл, что она отправилась в монастырь.

В мужской одежде, назвавшись иноком Пелагием, она пришла в Иерусалим и затворилась в келье на Елеонской горе. Так велики были ее иноческие подвиги и труды, что от дивной красоты скоро не осталось и следа.

Через три года она преставилась. На погребение собралось множество монахов из окрестных монастырей и жители Иерусалима и Иерихона, потому что слава о святой жизни Пелагия разнеслась по всей Палестине. И тогда только узнали, что это была женщина.

Все прославили Бога, дивного во святых Своих, и с честью похоронили Пелагию в той келье, где она подвизалась.

Преподобный Феодор Сикеот



Преподобный Феодор родился в галатийской деревне Сикея в богатой и родовитой семье. Еще

до рождения мальчика его матери Марии приснился дивный сон: будто бы огромная яркая звезда скатилась в ее чрево. Она отправилась к прозорливому старцу-отшельнику, и тот сказал ей:

– Звезда – это благодать, которую Бог излил на твое дитя: Он освящает Своих избранников еще в материнской утробе.

Сына решили назвать Феодором, что означает «дар Божий». Когда ему исполнилось шесть лет, мать купила золотой пояс и дорогую одежду, как полагалось для мальчиков из знатных семей, будущих воинов, и уже собралась ехать в Константинополь, чтобы записать Феодора в войско, но во сне ей явился святой великомученик Георгий.

– Что ты задумала? – спросил он. – Не трудись понапрасну – Небесный Царь требует твоего сына к Себе.

Мария решила, что мальчик скоро умрет, и стала плакать. Но Феодор рос и умнел. В восемь лет его отдали в школу; по милости Божией мальчик лучше всех учился и все его любили за добрый нрав. В детских играх он вел себя как взрослый: мирил драчунов, сам никогда не ругался и другим не разрешал.

В доме у них жил благочестивый старец, по имени Стефан. Он строго постился, Великим постом ел раз в день, да и то кусок хлеба с водой. И Феодор стал ему подражать. Он перестал приходить домой обедать: весь день проводил в школе, а потом вместе со Стефаном шел в храм и причащался Святых Христовых Таин. Только поздно вечером Феодор съедал кусок хлеба с водой. Мать, бабушка и тетка упрашивали и требовали, чтобы он еще что-нибудь ел, но мальчик ни за что не соглашался. Мария попросила учителя днем отправлять его домой, но он по-прежнему уходил в церковь великомученика Георгия на горе. Там ему являлся сам святой в образе прекрасного юноши; они входили в храм, и Феодор читал Божественные книги, пока не настанет время снова идти на занятия.

Когда мальчику было десять лет, он тяжело заболел и едва не умер. Еле живого его отнесли в храм и положили перед алтарем. Под самым куполом было изображение Спасителя, с которого на больного упали две капли росы, отчего он сразу выздоровел – встал и пошел домой, благодаря Бога.

Каждую ночь, когда все крепко спали, к Феодору приходил великомученик Георгий и будил его:

– Вставай, утренняя звезда взошла, пойдем в храм.

И мальчик тут же с радостью поднимался. По дороге его пугали бесы, являясь в образе волков и других зверей, но святой Георгий шел впереди и отгонял их копьем.

Однажды домашние проснулись и, не найдя Феодора в постели, испугались: тогда в окрестностях появился волк, который уносил детей. Мария строго-настрого запретила сыну выходить из дому до света, но он не послушался.

Поднявшись на заре и убедившись, что мальчик снова ушел, его родные очень рассердились и побежали за ним.

Мария всю дорогу тащила сына за волосы и больно колотила. Целый день не выпускала она его из дому, а на ночь крепко привязала к кровати. В ту же ночь великомученик Георгий явился во сне Марии, ее матери и сестре. Вынув меч из ножен, святой грозно сказал:

– Отсеку вам головы, если еще будете бить его и не пускать ко мне!

Утром перепуганые женщины рассказали друг другу о сновидении. Они кинулись к Феодору, развязали его и стали просить прощения. «Как ты не боишься ходить в темноте?»– спросили они, и мальчик рассказал, что его будит пресветлый юноша и ведет к церкви, а по дороге защищает от страшных зверей. Женщины поняли, кто приходит к нему, и с тех пор уже ни во что не вмешивались, положась на волю Божию.

Однажды Феодор провел всю ночь, молясь в храме. Ему явился Сам Господь и сказал:

– Подвизайся, чтобы получить совершенную награду в Царстве Небесном.

С того времени отрок усилил свои подвиги: заперся в тесном чулане и, молясь и держа строгий пост, пробыл в нем от Крещения до Вербного воскресенья.

Сатана очень разозлился на юного подвижника и задумал коварный план. Он принял образ мальчика по имени Геронтий, который учился в деревенской школе, и пришел к Феодору звать его на прогулку. Поднявшись на вершину холма, мнимый Геронтий встал на самый высокий камень над обрывом и начал, как когда-то искушал Самого Господа в пустыне, уговаривать Феодора спрыгнуть вниз.

- Боюсь, - отвечал тот,- очень уж высоко.

- Боишься? А в школе тебя считают самым смелым! Зато я не боюсь - смотри, сейчас прыгну!

- Не надо, разобьешься!

Но Геронтий утверждал, что с ним ничего не случится. Тогда Феодор согласился:

- Если ты останешься цел, я тоже прыгну.

Мнимый Геронтий полетел с обрыва - и вот он уже стоит внизу, в пропасти, и зовет Феодора. Мальчик в ужасе подумал: «Как это он решился прыгнуть с такой высоты - ведь и храбрым никогда не был!» И тут перед ним предстал святой великомученик Георгий.

- Не слушай его, это не Геронтий, а сам сатана! Пойдем со мной! - сказал он и повел Феодора в свою церковь. Однажды мальчик пошел к прозорливому старцу по имени Гликерий. Тот приветливо встретил его и спросил:

- Чадо, любишь ли монашество?

- Очень люблю, отче, и желаю его сподобиться, - отвечал Феодор. Тогда была засуха, и старец сказал:

- Чадо, давай, преклонив колени, помолимся, чтобы Бог послал дождь. Когда они поднялись с колен, начался настоящий ливень.

- С этих пор все, чего ни попросишь у Господа, Он даст тебе и будет с тобой, укрепляя и возводя от силы в силу, - предсказал старец. - А когда придет время, ты станешь монахом.

В четырнадцать лет Феодор ушел из дома, выкопал себе пещеру под алтарем храма Святого Георгия и ночевал там, а все остальное время проводил в церкви. Мать посылала ему еду, но он клал ее на камень при дороге - для птиц и зверей или для прохожих, а сам съедал вечером по одной просфоре и только по субботам и воскресеньям ел овощи и черный хлеб.

Как-то раз один человек подвел к нему своего бесноватого сына и попросил исцелить его. Феодор не знал, как это делается, и отказывался. Тогда отец мальчика дал ему бич и сказал:

- Вот, бей и приговаривай: «Выходи, нечистый дух, во имя моего Господа!»

Феодор так и сделал, и бес вышел.

В деревне заговорили о чуде, и юный подвижник решил поселиться подальше от людей. Он выкопал себе новую пещеру под большим камнем на вершине горы и упросил одного диакона, благочестивого и доброго человека, тайком приносить ему хлеб и воду. Вход в пещеру был засыпан землей, оставалось лишь маленькое отверстие, через которое можно было просунуть еду.

Все удивлялись: куда пропал мальчик? В то время через деревню проходило войско - и люди подумали, что Феодор ушел с ним. Догнали воинов, искали по всем полкам и не нашли. Тогда решили, что его съели звери.

Родные безутешно плакали, и вся деревня жалела о нем. Прошло два года; наконец диакон не выдержал и все рассказал.

Затворнику не было и восемнадцати лет, когда, услышав о нем, в Сикею пришел епископ той области и рукоположил его сперва в диакона, а потом в священника.

- Господь, сподобивший тебя священства, сподобит и епископства, но сперва ты станешь монахом, - сказал владыка Феодору.

Вскоре юноша был пострижен в монашество; он снова стал жить при церкви Святого Георгия и совершал множество чудес: исцелял болезни, изгонял нечистых духов, своим благословением даровал детей неплодным супругам, провидел будущее. По его молитвам прекращались наводнения, с полей исчезала саранча, в засуху шли дожди. Люди имели такую веру к преподобному, что брали землю из той пещеры, где он жил, давали больным с едой или питьем, и те получали исцеление. К нему приходили из пустыни дикие звери, и он кормил их.

Такой дар чудотворений Феодор получил за свое добровольное мученичество - жизнь его была самая жестокая. Он попросил кузнеца выковать железную клетку без крыши, поставил ее над своей пещерой и подолгу молился в ней на жаре и на морозе, в снег и дождь. Ходил святой в кольчуге, железных сапогах и рукавицах и подпоясывался веригой как поясом, да еще носил в руках тяжелый железный посох с крестом.

Слыша о подвижнической жизни и чудесах Феодора, многие приходили к нему и оставались жить при церкви Святого Георгия – так образовался Сикеотский монастырь, в котором Феодор стал архимандритом, а затем по просьбе народа его поставили в епископа. Но святой всю жизнь стремился к затворнической жизни. Пробыв на епископской кафедре несколько лет, он отправился в Иерусалим и поселился в монастыре как простой монах.

Тогда ему явился во сне великомученик Георгий, вручил епископский жезл и сказал:

– Тебе не подобает задерживаться здесь, оставив отечество, – скорей возвращайся домой.

– Не могу, – ответил Феодор, – потому что не хочу быть епископом.

– Я скоро освобожу тебя. Вернись – все печалятся и скучают по тебе.

Феодор послушался и вернулся к своей пастве, хотя и не переставал молиться, чтобы Господь отпустил его.

Наконец, получив от Бога извещение, что молитва его услышана, он ушел в Сикеотский монастырь и пребывал там в безмолвии и постнических подвигах. Перед кончиной он сподобился видения своего покровителя, святого великомученика Георгия, который звал его в путь.

И преподобный Феодор с радостью предал душу Господу, дивному во святых Его.

Преподобный Герасим Иорданский

Слава постников – преподобный Герасим подвизался в монастыре недалеко от Иерусалима.

Начинающие монахи жили в самой обители, а опытные селились в пустыне, в уединенных кельях. Пять дней в неделю пустынники проводили в одиночестве и совершенном молчании. Молясь, они плели корзины из ветвей финиковой пальмы. У отшельников ничего не было, кроме ветхой одежды да плетенной из прутьев подстилки, на которой они спали. Их духовный отец преподобный Герасим запрещал им, выходя из кельи, закрывать дверь, чтобы всякий мог войти и взять, что ему понравится.

Питались они сухарями с водой и финиками. В кельях не позволялось готовить и даже разводить огонь – чтобы им и на ум не пришло сварить что-нибудь. Однажды несколько монахов просили разрешить им по ночам читать при свече и развести огонь – согреть воды. Святой Герасим ответил: «Хотите разводить огонь – живите в монастыре с новоначальными, а в отшельнических кельях я этого не потерплю». Сам преподобный Герасим во весь Великий пост до самой Пасхи ничего не ел и только причащением Божественных Таин подкреплял тело и душу.

По субботам и воскресеньям отшельники собирались в обитель. После святого причащения они шли в трапезу и обедали – ели вареную пищу и пили немного виноградного вина. Затем приносили плетеные корзинки, клали их к ногам старца и снова расходились по кельям, взяв с собой небольшой запас сухарей, финики, воду и пальмовые ветви.

Рассказывали о преподобном Герасиме такую историю. Однажды он шел по пустыне и встретил льва. Лев хромал, потому что занозил лапу, она распухла, и рана была полна гноя. Он показал преподобному больную лапу и жалобно смотрел на него, словно прося о помощи.

Старец сел, вынул из лапы колючку, рану очистил от гноя и перевязал. Зверь не убежал, а остался с пустынником и с тех пор ходил за ним повсюду, как ученик, так что преподобный удивлялся его благоразумию.

Старец давал льву хлеб и кашу, и тот ел.

В монастыре был осел, на котором возили воду с Иордана, и старец велел льву пасти его у реки. Однажды лев далеко ушел от осла, лег на солнцепеке и уснул. В это время мимо ехал купец с караваном верблюдов. Он увидел, что осел пасется без присмотра, и увел его. Лев проснулся и, не найдя осла, с унылым и печальным видом пошел к старцу. Преподобный Герасим подумал, что лев съел осла.

– Где осел? – спросил старец.

Лев стоял, опустив голову, как человек.

– Ты его съел? – спросил преподобный Герасим.– Благословен Господь, ты не уйдешь отсюда, а будешь работать на монастырь вместо осла.

На льва надели упряжь, и он стал возить в обитель воду.

Как-то в монастырь пришел помолиться один воин. Увидев, что лев трудится как вьючное животное, он пожалел его и дал монахам три золотых монеты – на них купили другого осла, и лев больше не ходил на Иордан за водой.

Купец, который увел осла, вскоре снова проходил поблизости от монастыря. Он вез пшеницу в Иерусалим.

Увидев осла, идущего с верблюдами, лев узнал его и, рыкнув, бросился к каравану. Люди очень испугались и кинулись бежать, а лев взял в зубы уздечку, как всегда делал, когда пас осла, и повел его вместе с тремя привязанными друг к другу верблюдами в монастырь. Лев шел и радовался и от радости громко ревел. Так они пришли к старцу. Преподобный Герасим тихо улыбнулся и сказал братии:

– Зря мы ругали льва, думая, что он съел осла.

И тогда старец дал льву имя – Иордан.

Иордан жил в монастыре, часто приходил к преподобному и брал из его рук пищу. Так прошло пять лет.

Преподобный Герасим умер, и братия похоронили его. Случилось, что льва тогда не было в обители. Вскоре он пришел и стал искать своего старца. Отец Савватий, ученик преподобного, сказал ему:

– Иордан, старец наш оставил нас сиротами – отошел ко Господу.

Он хотел покормить его, но лев не брал пищи, а повсюду искал преподобного Герасима и горестно ревел.

Отец Савватий и другие монахи гладили его по спине и говорили:

– Отошел старец ко Господу.

Но не могли этим утешить льва. Иордана повели ко гробу преподобного возле церкви.

– Здесь погребен наш старец,– сказал отец Савватий и, став над гробом на колени, заплакал.

Лев с громким ревом начал биться головой о землю и, страшно рыкнув, испустил дух на гробе преподобного.

У львов нет такой души, как у людей. Но Бог прославил этим чудом преподобного старца Герасима и показал нам, как слушались звери Адама в раю.

Преподобный Серафим Саровский

Жил в Курске благочестивый купец Исидор Мошнин со своей женой Агафией. В ночь на 20 июля 1754 года у них родился сын, которого в святом крещении нарекли Прохором. Когда мальчику было всего три года, умер его отец и Агафия стала воспитывать младенца одна. Она сама продолжила и дело мужа: строительство в Курске Божиего храма.

Мальчик подрастал, и скоро мать Прохора поняла, что сын ее – необыкновенный ребенок. Однажды семилетний Прохор забрался на недостроенную колокольню. Вдруг он оступился и упал на землю. Мать в ужасе бросилась к сыну, не ожидая увидеть его живым. Каковы же были изумление и радость Агафий и сбежавшихся соседей, когда оказалось, что мальчик невредим! Так с раннего детства матери и близким было открыто, что Бог чудесным образом хранит Своего избранника. Но скоро Прохор тяжело заболел. У врачей не было надежды на выздоровление. И вот во время самых тяжких страданий мальчика Сама Божия Матерь в неизреченном сиянии явилась ему. Она ласково утешила маленького страдальца и сказала, что надо потерпеть еще совсем немного и он будет здоров. На другой день мимо дома, где жил больной Прохор, шел крестный ход: несли великую святыню города Курска и всей России – чудотворную икону Богородицы – Курскую-Коренную. Мать Прохора увидела это из окна. Взяв на руки больного сына, она поспешила вынести его на улицу. Здесь икону пронесли над мальчиком, и с этого дня он начал быстро поправляться.

Прохор не был похож на своих сверстников. Он любил уединение, церковные службы, чтение священных книг. Это было ему совсем не скучно, через молитву перед ним все больше приоткрывался неизведанный и прекрасный духовный мир, в котором царят Божественная любовь и добро.

Учился он хорошо, когда же несколько подрос, стал помогать брату, который по примеру отца занялся торговлей. Но сердце Прохора не лежало к земному. Ни дня он не мог провести без храма и всей душой стремился к Богу, Которого любил всем сердцем, больше всего на свете. Он желал быть с Богом постоянно, и потому ему все сильнее хотелось уйти в монастырь. Наконец он признался в своем желании матери. Как ни тяжело Агафий было расставаться с любимым сыном, но она не препятствовала ему. Когда Прохору исполнилось семнадцать лет, он покинул родной дом, получив материнское благословение – большое медное распятие, которое носил на груди и которым необычайно дорожил всю жизнь.

Теперь перед Прохором встал вопрос: какой монастырь избрать. С этим он направился в Киев к мощам святых первоначальников русского монашества, преподобных Антония и Феодосия. После молитвы ко святым угодникам воля Божия открылась Прохору через старца Досифея, монаха-затворника Киево-Печерского монастыря. «Иди в Саровскую обитель, – сказал Прохору старец. – Там Дух Святой будет вести тебя ко спасению, там ты окончишь свои дни». Прохор поклонился в ноги затворнику и от всего сердца поблагодарил его.

Накануне великого праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы Прохор, проделав нелегкий путь от Киева до Темниковских лесов, вошел в Саровский монастырь. То было славное монашеское братство, известное своими строгими подвижниками. Здесь юного боголюбца заботливо принял настоятель отец Пахомий. И настоятель и братия искренне полюбили доброго и усердного послушника.

Молитва ко Господу и труд – из них состоит жизнь инока, через них Господь укрепляет дух подвижника, его стремление к высшему горнему миру. Прохор, который в сердце своем твердо решил всего себя отдать Господу, с радостью проходил все самые тяжелые монастырские послушания. Он рубил деревья в лесу, целыми ночами выпекал хлеб для братии, трудился плотником и строителем. Но самое главное, он учился молиться, приучал свой ум и душу возноситься к Богу, чтобы ничто в мире не могло отвлечь от молитвы.

Мудрые люди говорят, что молитва, настоящая молитва к Богу, – самый тяжелый на свете труд. Как ни тяжко порой бывало, но к церковным службам Прохор приходил первым, а покидал храм последним. Душа его стремилась к полному уединению, туда, где ничто не отвлекает от общения с Богом. Однажды он сказал об этом своем желании духовнику, и тот благословил послушника Прохора по временам удаляться в глухой монастырский лес для уединенной молитвы.

С самого начала своего монашеского пути преподобный Серафим твердо решил, что в жизни будет надеяться только на помощь Господа Иисуса Христа и Пречистой Его Матери. Эта вера и надежда послушника Прохора подверглись суровому испытанию: Прохор тяжко занемог и проболел целых три года. Болезнь была так тяжела, что братия уже отчаялась в его выздоровлении. Но Прохор вверил жизнь свою в руки Божий. Когда страдания достигли предела, вновь явилась Пресвятая Богородица и исцелила его.

Через много лет Господь Иисус Христос даровал и самому преподобному Серафиму силу исцеления больных, предвидения будущего, молитвенной помощи несчастным. Но прежде его мужество и верность Богу были испытаны и укреплены в трудностях и искушениях.

Душа его была очищена от всякой нечистоты, помыслов маловерия, сомнения, превозношения над другими, гордости – всего того, что есть в душе каждого человека. Когда позже у преподобного Серафима спрашивали, почему в нынешнее время нет таких великих святых, как прежде, он отвечал, что происходит это потому, что у людей нет решимости полностью довериться Богу и всю надежду свою возложить лишь на Него.

Когда Прохору исполнилось 32 года свершилось то, к чему он стремился долгие годы, – его постригли в монашество. Новое имя, которое он получил, Серафим, означает «пламенный»; действительно, подобно пламени горел его дух к Богу. С еще большей ревностью принялся отец Серафим за монашеские подвиги, и его посвятили в иеродиаконы. В этом служении он провел шесть лет.

Однажды во время литургии, в Великий Четверг, с ним случилось чудесное событие. «Меня озарил свет, – позже рассказывал он, – в коем я увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа во славе, сияющего, светлее солнца, неизреченным светом и окруженного Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами. От церковных врат Он шел по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши Свои руки, благословил служащих и молящихся. Посем Он вступил в местный образ, что близ царских врат. Я же, земля и пепел, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось тогда в сладости любви ко Господу». После этого видения преподобный Серафим изменился в лице и не мог вымолвить ни слова; его под руки ввели в алтарь, где он два часа простоял неподвижно. Еще суровее стали его подвиги: теперь он по целым ночам проводил в молитве к Богу за весь мир.

Вскоре преподобный Серафим был рукоположен в иеромонаха. А когда ему исполнилось 39 лет, он оставил обитель и поселился в деревянной келлии, которая находилась в густом лесу на берегу реки Саровки, в пяти верстах от монастыря.

Здесь он начал вести особую пустынническую жизнь. Пост его доходил до неимоверной строгости. Пищей его стала лесная трава, которая в изобилии росла около его келлии. Жил и молился преподобный по чину древних пустынножителей. Иногда кто-либо из братии встречал его на пути, в белом простом балахоне, с медным крестом – благословением матери – на груди, с сумкой за плечами, наполненной камнями и песком, а поверх них лежало святое Евангелие. Когда преподобного Серафима спрашивали, зачем он носит на спине такую тяжесть, он отвечал кротко: «Томлю томящего меня». И те, кто разумели в духовной жизни, догадывались, какая борьба смертной человеческой плоти и бессмертного духа совершается в жизни этого подвижника.

Враг рода человеческого, диавол, желая отвратить преподобного Серафима от подвига, сделал своим орудием злых людей. Однажды преподобный Серафим рубил в лесу дрова. Вдруг перед ним очутилось трое неизвестных. Они набросились на монаха, требуя от него денег.

«К тебе многие приходят и наверняка приносят и золото и серебро!» – «Я ни от кого ничего не беру», – отвечал им преподобный Серафим. Но они кинулись на него, желая либо получить мнимые сокровища, либо убить подвижника. Преподобный Серафим был очень крепок и силен, к тому же в руках у него был топор, однако, будучи монахом, он не мог никому ответить ударом на удар. Предав себя в руки Божий, он сказал:

«Делайте, что вам нужно». Один разбойник ударил его по голове обухом топора, изо рта и ушей преподобного хлынула кровь и он упал замертво. Разбойники долго избивали его, наконец, устав, бросили его возле келлии и устремились в жилище пустынника искать деньги. Но обнаружили там лишь икону да несколько книг. Тогда они поняли, что убили праведника; на них напал страх, и они опрометью кинулись прочь от нищенской келлии и от лежащего на

земле бездыханного монаха.

Но преподобный Серафим остался жив. Придя в чувство, он, преодолевая страшную боль, возблагодарил Господа за безвинное страдание, подобное страданиям Самого Христа, и помолился о прощении злодеев. А когда наступило утро, он с огромным трудом, весь в крови, истерзанный, побрел в обитель.

Братия пришла в ужас от его состояния. Вызванные из города врачи нашли, что голова у него проломлена, ребра перебиты, на теле страшные ушибы и смертельные раны; все были уверены, что смерть неизбежна. Пока врачи совещались, преподобный уснул. И вот пред ним предстала Матерь Божия с апостолами Петром и Иоанном.

– Что вы трудитесь? – сказала, обернувшись к врачам, Пресвятая Богородица. – Сей от рода Моего!

Проснувшись, преподобный Серафим почувствовал возвращение сил. В тот же день он начал вставать, но все же пять месяцев ему пришлось провести в монастыре. А окрепнув, он снова вернулся в свой лесной затвор.

Диавол был посрамлен: ему не удалось заставить подвижника оставить свой монашеский подвиг. Но после избиения спина преподобного навсегда осталась согнутой.

Надо сказать, что разбойников удалось поймать. По закону их ждало суровое наказание, но преподобный вступился за своих обидчиков. Он даже сказал, что, если их не простят, он навсегда уйдет из этих мест. Злодеев отпустили, но их настигла кара Божия. Пожар уничтожил их дома со всем имуществом. Только тогда они раскаялись и пришли к преподобному Серафиму, прося прощения и молитв.

Снова преподобный повел свою уединенную жизнь.

Сердце его горело любовью и жалостью не только к страждущему человечеству, но и ко всему живому. Он достиг уже такой духовной чистоты, что даже хищные звери стремились к нему. Многие из тех, кто посещал его, видели, как он кормил из рук огромного медведя. Но об этом преподобный запрещал рассказывать до своей смерти.

Видя такое преуспеяние подвижника в святости, диавол все сильнее ополчался против него. Однажды ночью, во время молитвы, преподобный Серафим услышал за стенами келлии вой зверей. А затем словно толпа народа начала ломиться в дверь; косяки не выдержали, дверь упала, а к ногам старца рухнул громадный обрубок дерева, который на следующий день с трудом смогли вынести наружу восемь человек Ярость падших духов доходила до предела, и они принимали видимый облик, чтобы смутить святого. Во время молитвы стены келлии как бы расступались и на преподобного пытались наброситься страшные адские чудовища. Однажды неведомая сила подняла его и несколько раз с силой ударила об пол.

И тогда преподобный Серафим приступил к труднейшему в его жизни подвигу, – к подвигу молчания и столпничества. Три года он ни с кем не говорил ни слова, 1000 дней и 1000 ночей он провел в молитве, стоя на камне. Таких камней у него было два: один находился в его келлии, другой лежал в лесной чаще. На камне в келлии святой стоял с утра и до вечера, а на ночь шел в лес. Воздев руки к небу, он молился словами евангельского мытаря: «Боже, милостив буди мне, грешному!» В жестокие морозы и под проливным дождем, в знойный полдень и в тревожную ночь, облепленный тучами комаров, страдая от злых духов, нес свой подвиг преподобный. Тело его за это время пришло в изнеможение, дух же достиг необыкновенной свободы и высоты.

Такой подвиг он смог пронести только укрепляемый особой благодатной помощью Божией.

После 16-летнего пребывания в пустыни, в 1810 году, преподобный Серафим вернулся в монастырь. И снова не для упокоения, а для особой молитвы. Сменив любимую ему лесную пустыньку где чистый воздух, журчащая речка, дикие звери – все радовало душу, преподобный на долгие годы ушел в затвор монашеской келлии, где, кроме иконы, перед которой всегда горела лампада, да обрубленного пня, служившего стулом, не было ничего.

В сенях стоял дубовый гроб, постоянно напоминавший подвижнику о смерти. Старец никого не принимал, единственным его разговором была беседа с Богом – молитва.

Еще через семнадцать лет он вышел из затвора, получив на то благословение от Самой Царицы Небесной. Она повелела ему принимать посетителей и духовно руководить ими.

По всей России разнеслась весть, что в Саровском монастыре Господь воздвигнул великого подвижника, который исцеляет больных, утешает скорбных, наставляет на правый путь заблудших.

С тех пор ежедневно, после окончания ранней литургии и до вечера, старец принимал у себя людей. Та любовь, которой был исполнен святой, привлекала к нему всех. К этому времени он уже обладал прозорливостью: видел духовное устроение, помыслы и жизненные обстоятельства каждого человека. Самое же главное, ему была открыта воля Божия касательно всякого, так что советы его принимали как от Самого Бога. Тысячи людей благодаря молитвам и советам преподобного Серафима счастливо устраивали свою жизнь, избегали опасности, и даже смерти, получали исцеления от тяжелых болезней. Но самое главное, находили путь спасения души и учились восходить к Богу через любовь и послушание Сыну Божию, Господу нашему Иисусу Христу. Это главное, чему учил преподобный Серафим.

Всех старец встречал с величайшей приветливостью: «Радость моя, Христос воскресе!» – говорил он, с любовью обнимая пришедшего к нему паломника.

Но тех, кто приходил с коварством, лишь прикрываясь благочестием (а были и такие), он грозно удалял от себя.

Преподобный провидел не только будущее каждого человека, но и грядущие судьбы России и всего мира.

Однажды к нему в пустыньку пришел офицер. Преподобный в это время стоял у чудотворного источника, некогда изведенного из-под земли молитвами самого старца и имевшего великую целительную силу.

Офицер приблизился к пустыннику, и в это время вода в источнике потемнела и возмутилась, стала бить мутным ключом. С гневом взглянул преподобный на офицера и грозно повелел: «Гряди вон! Подобно тому как замутился этот святой источник, так возмутишь и ты со своими единомышленниками всю Россию!»

В ужасе и смятении отошел от него офицер: он действительно приходил с коварным желанием хитростью получить от старца одобрение готовящегося государственного переворота. Это был человек из среды так называемых декабристов и масонов, которые, одни по преступному неразумию, а другие по ненависти, хотели разорить Россию и Православие. Преподобный провидел великие несчастья, которые принесут народу революционеры, и заранее предупреждал православных о событиях, которые должны были произойти, порой через много десятков лет.

Предвидел он и кровавые смуты в нашем православном отечестве, предвидел разорение Церкви за умножившиеся грехи, невиданные гонения на христиан, предвидел и возрождение Святой Руси за верность ее Православию. «Злодеи поднимут высоко свою голову, – говорил он. – Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям на малое время, но болезнь их обратится на главу их, и на верх их снидет неправда пагубных замыслов их. Земля Русская обагрится реками кровей, и много дворян побиено будет за Великого Государя и целость самодержавия его; но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца земле Русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского.

До рождения антихриста произойдут великая продолжительная война и страшная революция в России, превышающие всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская революция - ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей, осквернение церквей Господних, уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе...»

Батюшка Серафим оставил православным людям замечательное учение о спасении. «Истинная цель нашей христианской жизни, - говорил он, - состоит в стяжании Духа Святого. Пост же, бдение, молитва и добрые дела суть лишь средства для стяжания Духа». Стяжание означает приобретение; приобретает же Дух тот, кто кается во всех своих грехах и творит добродетели, противоположные содеянным грехам. У такого человека Дух начинает действовать в сердце и сокровенно устраивает внутри него Царство Божие. «Как же мне узнать, -спросил у преподобного один юноша, - что я нахожусь в благодати Духа Святого? Я хочу понять и прочувствовать это хорошенько». Разговор этот происходил в зимнем лесу, на заснеженной поляне; юноша очень любил преподобного Серафима и приходил к нему за советами.

Ответ преподобного Серафима был действительно чудесным. Он крепко взял юношу за плечи и сказал ему: «Мы оба теперь с тобой в Духе Божием. Что же ты не смотришь на меня?» Юноша отвечал: «Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, а у меня глаза ломит от боли». Преподобный на это сказал: «Не устрашайтесь, ваше Боголюбие! и вы теперь сами так же светлы стали, как и я. Вы сами теперь в полноте Духа Божия, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть. Смотрите просто мне в глаза и не бойтесь!»

«Я взглянул после этих слов в лицо его, - вспоминал позже юноша, - и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет, ослепительный и простирающийся далеко, на несколько сажень кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня и великого старца».

Необыкновенно хорошо было юноше. На всю жизнь запомнил он тот день, когда батюшка Серафим преподал ему урок того, что значит «стяжание Духа Святого».

К концу жизни преподобного старца чтила уже вся Россия. Благодатные его способности были необычайны. Ему дано было видеть даже райские обители, уготованные Богом в вечности для добродетельных людей. Когда он рассказывал своим самым близким людям об этих откровениях, лицо его преображалось и изливало чудный свет. С небесной радостью и

умилением он говорил: «Ах, если бы люди знали, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небе, они решились бы во временной жизни все скорби переносить с благодарением. Если бы эта самая келлия была полна червей, и они бы всю жизнь ели нашу плоть, то и тогда надо было бы на это со всяким желанием согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости». Людская слава тяготила старца, от великих трудов он пришел в сильное изнеможение. Когда преподобный возвращался к себе в пустыньку из монастыря, по обеим сторонам дороги стояли толпы народа, желавшего хотя бы прикоснуться к его одежде, хотя бы увидеть его.

Последние годы жизни преподобный Серафим много заботился об основанном им женском Дивеевском монастыре. В монастырь поступали девушки-сироты, а также те, кто искал высокой и богоугодной жизни под руководством батюшки Серафима. Святой направлял жизнь обители, следуя благословениям Божией Матери. Незадолго до кончины святого его в двенадцатый раз посетила Пресвятая Богородица. Это было в присутствии одной из дивеевских сестер. Вдруг сделался шум, подобный ветру заблистал свет, послышалось пение. Келлия старца чудно преобразилась: она словно раздвинулась, потолок исчез и вверху было одно сияние. А затем явилось чудесное шествие: шла Богоматерь в сопровождении двенадцати святых дев, Иоанна Богослова и Иоанна Предтечи; впереди шли два Ангела с цветущими ветвями в руках. На Царице Небесной была сияющая, несказанной красоты мантия, голову венчала дивная корона. Старец на коленях встречал Владычицу неба и земли. Матерь Божия обещала святому не оставлять дивеевских сестер Своей помощью. Она предсказала преподобному скорую кончину, переход в Небесное Царство и благословила его. Благословили старца и святые, пришедшие к преподобному вместе с Божией Матерью. «Сей от рода нашего!» – прорекла Пресвятая Богородица с любовью глядя на Своего послушника, который мужественно прожил долгую жизнь по заповедям Ее Сына.

За день до смерти, 1 января 1833 года, в воскресенье, батюшка Серафим в последний раз побывал в храме.

Поставил свечи к иконам. Весь погрузившись в себя, молился за литургией и причастился Святых и Животворящих Тайн Христовых. Затем стал прощаться с братией, всех благословлять и утешать. Телесно он был очень слаб, духом же бодр, спокоен, радостен.

– Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: в нынешний день нам венцы готовятся! – говорил он.

Вечером в тот день он пел в своей келлии пасхальные песнопения.

А 2 января один монах почувствовал запах дыма, исходящий из келлии преподобного. Зайдя в нее, он увидел, что преподобный стоит на коленях перед иконой «Умиление»; огня не было, но тлели книги, загоревшиеся от упавшей свечи. Так сбылось еще одно пророчество преподобного, говорившего: «Кончина моя откроется пожаром». Скрещенные руки святого лежали на аналое, голова покоилась на руках. Думая, что старец уснул, монах тронул его за плечо, но ответа не было. Тогда брат понял, что старец скончался; горе его и остальной братии было безграничным.

Тело преподобного положили в дубовый гроб, который был сделан его собственными руками. Похоронили преподобного Серафима возле монастырского собора у алтаря. В течение семидесяти лет после кончины батюшки Серафима люди во множестве приходили к нему на могилу. По молитве угодника Божия тысячи и тысячи христиан были исцелены от болезней, телесных и душевных.

19 июля 1903 года произошло открытие святых и многоцелебных мощей батюшки Серафима и

прославление его в лике святых, ставшее всенародным торжеством.

В 20-е годы XX века во время революционной смуты и гонений на Церковь, предсказанных преподобным Серафимом, святые мощи его пропали. А совсем недавно они чудесным образом были обретены вновь. В июле 1991 года мощи были перенесены в возродившийся после разрухи Дивеевский монастырь. Здесь они покоятся и ныне.

С тех пор, сколько бы ни было православных людей во всех народах, все узнавали о преподобном Серафиме, дивились его великой любви к Богу и людям, просили его святых молитв, а многие стремились подражать его жизни и подвигам. Сколько бы подвижников – монахов, мирян, святителей, мучеников, юродивых – ни воздвигал Господь с тех пор на Русской земле, все они как бы приходили к убогой келлии батюшки Серафима, прося благословения на труды, подвиги и терпение. И всем им, и будущим поколениям христиан, желающим жить, исполняя заповеди Божий, раздавался и раздается голос преподобного Серафима: РАДОСТЬ МОЯ, НЕ ВРЕМЯ НАМ УНЫВАТЬ! ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!!! СТЯЖИ ДУХ МИРЕН И ВОКРУГ ТЕБЯ СПАСУТСЯ ТЫСЯЧИ!

Преподобный Марко Афинский

Однажды авва Серапион рассказал следующее: Во время моего пребывания во внутренней египетской пустыне, я отправился как-то к великому старцу Иоанну и, получив от него благословение, сел отдохнуть, устав от дороги. Задремав, я имел видение во сне: мне представилось двое каких-то отшельников, пришедших к старцу и получивших от него благословение. Между собою они говорили:

– Вот авва Серапион; примем от него благословение. Авва Иоанн на это заметил им:

– Он только что сегодня пришел из пустыни и весьма устал: дайте ему немного отдохнуть.

Отшельники же сказали относительно меня старцу: – Вот сколько уже времени подвизается Серапион в пустыне, а не идет к отцу Марку, подвизающемуся на горе Фраческой, находящейся в Эфиопии. Сему Марку нет равного между всеми пустынниками и постниками. Он имеет сто тридцать лет от роду и прошло уже девяносто пять лет с тех пор, как он начал подвизаться в пустыне. Во все сие время он не видал ни одного человека. Незадолго пред этим были у него некоторые из святых, сопричастных свету жизни вечной, которые и обещали

принять его к себе.

В то время как они говорили эти слова отцу Иоанну, я пробудился от дремоты и, не увидев никого у старца, сообщил ему о своем видении.

– Это видение, – сказал мне старец, – есть некое божественное; но где же находится Фракийская гора?

– Помолись за меня, отче! – сказал я старцу.

По совершении молитвы, я простился со старцем и пошел в Александрию, которая отстояла отсюда на расстоянии двадцати дней пути; я же прошел сей путь в течение пяти дней, почти не отдыхая ни днем, ни ночью, опаляемый зноем солнечным, сжигавшим даже пыль на земле.

Войдя в Александрию, я спросил одного купца: далеко ли еще идти до Фрацеской горы, находящейся в Эфиопии? Купец отвечал мне:

– Да, отче, еще очень далеко до этого места. Двадцать дней надо идти до пределов Эфиоплян, народа хеттейского; гора же, про которую ты спрашиваешь, отстоит еще дальше отсюда.

Я снова спросил его:

– Сколько приблизительно нужно захватить на путь этот пищи и питья, – ибо я желаю отправиться туда?

– Если твое путешествие, – отвечал купец, – будет совершаться по морю, то ты недолго пробудешь в дороге; но если ты отправишься сухим путем, то будешь находиться в дороге тридцать дней.

Выслушав это, я взял воды в тыкву и немного фиников и, возложив упование на Бога, отправился в путь, и шел по пустыне сей в течение двадцати дней. Во время пути я никого не встретил, ни зверя, ни птицы. Ибо пустыня эта почти совершенно не имеет растений, потому что там не бывает никогда ни дождя, ни росы, почему в этой пустыне не находится ничего съедобного. После двадцати дней путешествия у меня вышла вода, которую я имел в тыкве, вышли также и финики, я сильно утомился и не мог идти далее, но не мог и возвратиться обратно, и лег от усталости на землю. И вот мне явились те два отшельника, которых я впервые узрел в видении у великого старца Иоанна. Став предо мною, они сказали мне:

– Встань и иди с нами!

Поднявшись на ноги, я увидал одного из них приникшим к земле, обратившимся ко мне и спрашивающим:

– Желаешь ли ты подкрепиться?

– Как ты соизволишь, отец, – сказал я.

Вслед за тем он показал мне корень одного от пустынных растений и сказал:

– Вкуси от сего корня и силою Господнею продолжай путешествие!

Я немного поел, и немедленно почувствовал подкрепление своим силам и возрадовался душою. Я почувствовал себя настолько бодрым, что мне показалось, будто я вовсе не уставал. Затем они показали мне тропинку, по которой я должен был идти к святому Марку и отошли от меня.

Продолжая путь, я подходил к высокой горе, которая, казалось, достигала до неба. На ней совершенно ничего не было, кроме пыли и камней. Когда я подошел к горе, то на краю ее я увидал море. Поднимаясь на гору, я шел в течение семи дней.

Когда наступила седьмая ночь, я увидел сходящего с неба к святому Марку ангела Божия, говорившего ему:

– Блажен ты, авва Марк, и хорошо будет тебе! Вот мы привели к тебе отца Серапиона, которого хотела видеть душа твоя, так как ты не пожелал кроме него видеть никого другого из людей!

Когда окончилось видение мое, я пошел безбоязненно и шел до тех пор, пока не достиг пещеры, в которой проживал святой Марк. Когда я приблизился к дверям пещеры, услыхал святого, поющего псалмы Давида и произносящего: «Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний» (Пс. 89:5), и дальше из того же псалма. Затем от преизбытка охватившей его духовной радости святой стал такими словами говорить сам с собою:

– Блаженна душа твоя, Марк, что при помощи Божией ты не загрязнил себя нечистотами мира сего, что ум твой не пленился скверными помыслами! Блаженно тело твое, так как оно не погрязло в похотях и страстях греховных! Блаженны очи твои, которых диавол не мог соблазнить созерцанием чужой красоты! Блаженны уши твои, потому что они не услыхали голоса женского в этом суетном мире! Блаженны ноздри твои, потому что они не обоняли смрада греховного! Блаженны руки твои, потому что они не прикасались ни к каким, принадлежащим людям, вещам. Блаженны ноги твои – не вступавшие на дорогу, ведушую к смерти, и не устремлявшиеся ко греху! Твоя душа преисполнилась духовной жизни и ангельской радости!

И снова затем он стал говорить, обращаясь к душе своей: «Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя – святое имя Его. Благослови, душа моя, Господа, и не забывай всех благодеяний Его» (Пс. 102:1-2). Зачем скорбишь ты, душа моя? Не бойся! Ты не будешь задержана в темницах ада, бесы ни в каком случае не смогут оклеветать тебя. По благодати Божией в тебе нет какого-либо особенного греховного порока: «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их» (Пс. 33:8). Господь, Блажен раб, исполнивший волю своего господина».

Изрекши сие и многое другое из Божественного Писания для утешения своей души и для утверждения несомненной надежды своей на Бога, преподобный Марк вышел к дверям пещеры своей и, заплакав от умиления, воззвал ко мне, говоря:

– О, как велик подвиг моего духовного сына Серапиона, который предпринял труд увидать мое обиталище!

Затем, благословив, он обнял меня своими руками и, целуя, сказал мне:

– Девяносто пять лет я пребывал в сей пустыни и не видал человека. Ныне же я вижу лицо твое, которое желал видеть в течение многих лет. Ты не поленился предпринять такой труд, дабы придти ко мне. Посему Господь мой, Иисус Христос, вознаградит тебя в день, когда будет судить тайные помышления людей.

Сказав это, преподобный Марк повелел мне сесть.

Я стал расспрашивать преподобного о достохвальной его жизни. И он рассказал мне следующее:

– Я, как сказал, имею пребывание в сей пещере в течение девяноста пяти лет. В течение сего времени я не видал не только человека, но даже и зверя или птицы, не вкушал хлеба, испеченного руками людей, не одевался одеждою. В течение тридцати лет испытывал я ужасную нужду и скорбь от голода, жажды, наготы, а более всего от диавольских искушений. Мучимый голодом, я вкушал тогда земную пыль, и, томимый жаждою, я пил воду морскую. Бесы тысячекратно клялись между собою потопить меня в море и, схватив меня, с побоями влекли меня в низменные места сей горы. Но я снова восходил на вершину горы. Они же снова увлекали меня отсюда до тех пор, пока кожа не сошла с тела моего. Волоча меня и побивая, они неистово кричали: – Уйди с нашей земли! От начала мира никто из людей не приходил сюда – ты же как осмелился придти сюда?

После тридцатилетнего такового страдания, после таковой алчбы, жажды, наготы, возмущений со стороны бесов на мне излилась благодать Божия и Его милосердие. По Его же помышлению переменилась моя естественная плоть; на теле моем выросли волосы; в нужное время ко мне приносится пища и посещают меня ангелы Господни. Я видел как бы подобие Царства Небесного и обителей блаженства, обещанного душам святых, уготованного для людей творящих добро. Я видел подобие божественного рая и древа познания, от которого вкусили наши праотцы. Видел я и появление в раю Илии и Еноха и нет ничего такого, чтобы не показал мне Господь из того, что я просил у Него.

– Я спросил его, – рассказывает Серапион, – сообщи мне, отче, о том, каким образом и почему ты пришел сюда?

И святой такими словами начал свое повествование:

– Родился я в Афинах, где и изучал философские науки. По смерти же моих родителей, я сказал сам себе: «Как родители мои умерли, точно так и я умру. Итак, лучше я добровольно отрекусь от мира сего раньше, чем случится мне быть восхищенным от него». И немедленно, сняв с себя одежды, я встал на доску и отправился на ней плавать по морю. Носимый волнами, по Божественному промышлению, пристал я к горе сей.

Когда мы, таким образом, вели беседу между собою, – продолжает Серапион, – то наступил день и я увидал преподобного Марка, обросшего волосами, наподобие зверя, и ужаснулся, так как его нельзя было признать за человека ни по чему, кроме как по голосу и исходящим из уст его словам. Заметив мое смущение, святой Марк сказал мне:

– Не пугайся при взгляде на тело мое, потому что взятая от тленной земли плоть тленна.

Потом он спросил меня:

– По прежнему ли обычаю стоит мир в законе Христовом?

– Ныне, – отвечал я ему, – по благодати Христовой, даже лучше прежних времен.

– Продолжаются ли, – снова спросил он, – доныне идолослужение и гонения на христиан?

– Помощью святых молитв твоих, – отвечал я, – гонение прекратилось и идолослужения нет.

Услышав это старец возрадовался великой радостью. Потом он снова спросил меня:

– Есть ли ныне среди мира некоторые святые творящие чудеса, как сказал Господь в Евангелии Своем: «если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20).

В то время как святой произносил эти слова, гора сдвинулась со своего места приблизительно на пять тысяч локтей и приблизилась к морю. Святой Марк, приподнявшись и заметивши, что гора двигается, сказал, обратясь к ней:

– Я тебе не приказывал сдвинуться с места, но я беседовал с братом; посему ты встань на место свое!

Когда только он сказал это, гора действительно стала на своем месте. Увидав сие, я упал ниц от страха. Святой между тем, взяв меня за руку и поставив на ноги, сказал мне:

– Разве ты не видывал таких чудес в течение дней жизни твоей?

– Нет, отче, – отвечал я.

Тогда святой, вздохнувши, горько заплакал и сказал:

– Горе земле, потому что христиане на ней таковыми только по имени нарицаются, а на деле не таковы!

И снова произнес он:

– Благословен Бог, приведший меня на сие святое место, дабы я не умер в моем отечестве и не был погребен в земле, оскверненной многими грехами!

Весь тот день провели мы, – повествует Серапион, – в пении псалмов и духовной беседе, а с наступлением вечера преподобный сказал мне:

– Брат Серапион! Не время ли нам после молитвы с благодарностью вкусить от трапезы?

На эти слова я не ответил ему ничего. После сего он, подняв руки к небу, стал произносить следующий псалом:

«Господь – Пастырь мой; и ни в чем не буду нуждаться» (Пс. 22:1).

Окончив пение сего псалма, он, обратившись к пещере, сказал:

– Брат, предложи трапезу.

Потом он снова сказал мне:

– Пойдем вкусим трапезы, которую Бог послал нам.

Я изумлялся сам в себе, – недоумевая, кому это приказывал святой Марк приготовить трапезу, потому что в течение целого дня я никого из людей не видал у него в пещере.

Когда мы вошли в пещеру, я увидал два стоящих стола, на которых были положены два мягких и белых хлеба, сияющих наподобие снега. Были там также прекрасные для глаза овощи, две печеные рыбы, очищенные плоды маслины, финики, соль и полная кружка воды, более сладкой нежели мед. Когда мы сели, святой Марк сказал мне:

– Чадо Серапион, благослови!

– Извини меня, отче, – отвечал я.

Тогда святой произнес:

– Господи благослови!

И я заметил около трапезы простертую с неба руку, осенившую крестом предложенное. По окончании трапезы Марк сказал:

– Брат, возьми сие отсюда!

И тотчас трапеза была снята невидимою рукою. Я удивлялся всему происшедшему: и невидимому слуге (ибо находившемуся во плоти ангелу, преподобному Марку, по повелению Божию, служил бесплотный ангел Господень), и тому, что во всю мою жизнь я никогда не вкушал столь вкусной пищи и никогда не пил столь сладкой воды, какая была на той трапезе. На мое недоумение святой сказал мне:

– Брат Серапион! Видел ли ты, сколько благодеяний посылает Бог рабам Своим! Во все дни мне посылалось от Бога по одному хлебу и по одной рыбе, а ныне ради тебя Он удвоил трапезу – послал нам два хлеба и две рыбы.

Таковой-то трапезой питает меня Господь Бог в течении всего времени за первые мои злострадания. Как я сказал тебе в начале беседы, тридцать лет пребывая на сем месте, я не нашел ни одного растительного корня, которым бы мог питаться. Испытывая же голод и жажду, в силу крайней необходимости, я вкушал пыль и пил горькую морскую воду и ходил нагим и босым. От мороза и страшного зноя отпали пальцы на ногах моих; солнце сжигало мою плоть и я лежал ниц на земле как мертвец. Между тем бесы воздвигали против меня, как против оставленного Богом, борьбу свою. Но я, с помощью Божиею, все сие претерпевал из-за любви к Господу. По окончании же тридцатилетних моих страданий, по повелению Божию, стали расти на мне волосы до тех пор, пока покрыли меня совершенно, как одежда. И вот, с тех пор и до настоящего времени бесы не могут приближаться ко мне; голод и жажда не овладевают мною; ни зной, ни мороз не беспокоят меня. При всем том я никогда ничем не болел. Но ныне оканчивается предел моей жизни и тебя Бог послал сюда для того, чтобы ты похоронил святыми твоими руками мое смиренное тело.

Затем, по прошествии некоторого промежутка времени, святой снова сказал мне:

– Брат Серапион! Побудь настоящую ночь по случаю моей близкой кончины в бодрствовании.

После сего мы оба стали на молитву, воспевая псалмы Давидовы. В тоже время святой сказал мне:

– Брат Серапион! После отшествия моего тело мое положи в сей пещере, завали двери пещеры камнем и удались из пещеры этой.

Я поклонился тогда преподобному и со слезами стал просить у него прощения и говорил ему:

– Умоли, отче, Бога, дабы Он взял и меня с тобою, дабы и мне отправиться туда, куда ты идешь.

Отвечая на эти слова мои, святой сказал мне:

– Не плачь в день моего веселья, но еще более веселись. Тебе необходимо возвратиться в свое место.

Приведший же тебя сюда Господь за твой труд и богоугождение да дарует тебе спасение.

Причем узнай, что возвращение твое отсюда совершится не по той дороге, по которой ты сюда пришел, но ты дойдешь до своего места другим необычным путем.

Немного помолчав, преподобный Марк затем сказал:

– Брат Серапион! Важен для меня настоящий день: важнее всех дней жизни моей. Сегодня освобождается душа моя от плотских страданий и идет успокоиться в обителях небесных. Сегодня почиет от многих трудов и болезней тело мое; сегодня примет меня Бог к Себе.

В то время как святой произносил эти слова, пещера его наполнилась светом, который был светлее света солнца, и гора та наполнилась благоуханием ароматов.

Взяв при сем меня за руку, – продолжает Серапион, – преподобный Марк начал говорить мне так:

«Пусть пещера, в которой пребывал я телом моим, трудясь для Бога во время жизни моей, пребудет до всеобщего воскресения и здесь будет находиться умершее тело мое, которое явилось обиталищем болезней, трудов и лишений. Ты же, Господи освободи душу мою от тела! Ради Тебя я переносил голод, жажду, наготу, мороз и зной и всяческие иные бедствия. Владыко! Ты Сам одень меня одеждою славы в страшный день Твоего пришествия! Усните, наконец, глаза мои, не вздремнувшие никогда во время ночных молитв моих! Успокойтесь ноги мои, потрудившиеся во время всенощных стояний! Я удаляюсь от жизни временной, и всем, остающимся на земле, желаю спастись. Спаситесь постники, ради Господа скитающиеся в горах и пещерах! Спаситесь подвижники, переносящие всякие лишения ради достижения Царства Небесного! Спаситесь узники Христовы, заточенные, изгнанные за правду, не имущие ни в чем утешения, кроме Единого Бога! Спаситесь монастыри, день и ночь трудящиеся для Бога! Спаситесь святые церкви, – служащие очищением для грешников! Спаситесь священники Господни, посредники между людьми и Богом! Спаситесь чада Царствия Христова, усыновленные Христу чрез святое крещение! Спаситесь христолюбцы, принимающие странников как Самого Христа!

Спаситесь, достойные помилования, милостивые! Спаситесь богатые, богатеющие для Господа, и проводящие жизнь в делах богоугодных! Спаситесь, сделавшиеся нищими для Господа! Спаситесь благоверные цари и князья, совершающие суд по правде и милости! Спаситесь смиренно мудрствующие постники и трудолюбивые подвижники! Спаситесь все любящие ради Христа друг друга! Да будет спасена вся земля и все в мире и любви Христовой живущие на ней!»

Затем, – рассказывает Серапион, – после произнесения сего, преподобный Марк, обратившись ко мне, поцеловал меня, говоря: «Спасись и ты, брат Серапион! Заклинаю тебя Господом нашим Иисусом Христом Сыном Божиим, дабы ты ничего не брал от моего смиренного тела, даже ни одного волоса. Пускай не касается его и никакое одеяние, но пускай при погребении будут с моим телом лишь волоса, которыми облек меня Бог.

Равно также ты не оставайся здесь».

В то время как святой произносил сии слова, а я рыдал, послышался голос с неба, говоривший: «Принесите Мне из пустыни избранный сосуд Мой; принесите Мне исполнителя правды, совершеннейшего христианина и верного раба! Гряди, Марк! Гряди! Усни во свете радости и жизни духовной!»

Затем святой Марк сказал мне:

– Брат, преклоним колена!

И мы преклонили колена.

После того я услышал ангельский голос, говоривший к преподобному:

– Простри руки твои!

Услышав сей голос, – говорит Серапион, – я немедленно встал и, взглянувши, увидал душу святого уже освободившеюся от оков плоти, – она была покрыта ангельскими руками бело-светлою одеждою и возносилась ими на небеса. Я созерцал воздушный путь к небу и отверзшиеся небеса. Причем я видел стоящие на этом пути полчища бесов и слышал обращенный к бесам ангельский голос:

– Сыны тьмы, бегите и скройтесь от лица света правды!

Святая душа Марка была задержана на воздухе около одного часа. Затем послышался с неба голос, говоривший ангелам:

– Возьмите и принесите сюда того, кто посрамил бесов.

Когда душа преподобного прошла без всякого для себя вреда чрез бесовские полчища и приближалась уже к отверстому небу, я увидел как бы подобие простертой с неба правой руки, принимавшей непорочную душу.

Затем это видение сокрылось от глаз моих, – рассказывает Серапион, – и более я ничего не видел.

Было около шести часов ночи; приготовив к погребению честное тело святого, я пробыл на молитве в течение всей ночи. С наступлением же дня я воспел со слезами радости обычные песнопения над телом, облобызал его и положил его в пещере, причем закрыл камнем двери пещеры. Затем, после продолжительной молитвы, я сошел с горы, хваля Бога и призывая святого руководить мною на моем обратном пути из этой непроходимой и страшной пустыни. Когда затем, после заката солнца, я сел отдохнуть, внезапно предо мною появились те два отшельника, которые являлись ко мне раньше, и сказали мне:

– Ты, брат Серапион, похоронил тело блаженного подвижника, которого поистине недостоин весь мир. Итак, вставши, продолжай путешествие твое ночью, ибо днем тяжело, по случаю страшного зноя, совершать путешествие.

Тогда я, вставши, пошел за явившимися мне и шел за ними до раннего утра. Когда же стал приближаться день, они сказали мне:

– Иди с миром, брат Серапион, в свое место и возблагодари Господа Бога.

Когда же я отошел от них на небольшое расстояние, то заметил, что уже подхожу к дверям церкви, находящейся в монастыре великого старца Иоанна. Будучи весьма удивлен этим, я громко прославил Бога и припомнил сказанные мне преподобным Марком слова о том, что возвращение мое от него будет не по той дороге, по которой я пришел к нему. И я уверовал, что по молитвам святого я был перенесен невидимо. Я возблагодарил Преблагого Бога нашего, Который устроил все во благо мне, недостойному, по молитвам и просьбам верного раба Своего, преподобного отца нашего Марка.

Услышав мой голос, ко мне поспешно вышел из монастыря авва Иоанн и, приветствовав меня, сказал:

– К нам благополучно по милости Божией возвратился авва Серапион.

Затем мы пошли в церковь, и я рассказал старцу и ученикам его обо всем случившемся со мною, и все мы прославили Бога. Старец сказал после сего мне:

– Поистине, брат, вот он, святой Марк, был совершеннейшим христианином; мы же только по имени называем себя христианами, а на деле далеко отстоим от истинного христианства. Человеколюбивый же и милостивый Бог наш, приняв в вечные обители Своего Небесного Царства святого угодника Марка, – да сохранит нас и всю святую Свою соборную и апостольскую Церковь от всех козней диавольских, и да будет Он всегда с нами, смиренными Его рабами, и наставит нас на исполнение святой Его воли Божественной, дабы нам идти по следам святых Его великих угодников, преподобных отцов наших, – чтобы и нам в страшный день суда с отцем нашим Марком получить милость по молитвам Пречистой Владычицы нашей Богородицы и всех святых, угодивших Господу нашему, Иисусу Христу, Которому подобает слава, честь и поклонение со Отцем и с пресвятым, благим и животворящим Духом ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Преподобный Павел Препростой

Сей Павел был земледельцем в одном селении. Человек он был неученый, душою же был весьма прост и незлобив. Он вступил в брак с женщиною, красивой лицом, но дурной по своей душе и поведению; долгое время она тайно от мужа вела прелюбодейную жизнь. Однажды, возвратившись с работы домой, Павел застал жену свою с другим. Тогда, немного усмехнувшись, сказал он прелюбодею:

- Хорошо, хорошо! Я совсем не обращаю на это внимания. Призываю во свидетельство Иисуса Христа, что я не желаю более жить с нею. Вот ты обладаешь ею, посему и детей корми, а я уйду и стану монахом. И тотчас же, оставив все, Павел ушел из дома; никому он при сем ничего не сказал, и порочную свою жену нисколько не укорил, но молча пошел в пустыню. Там он пришел к преподобному Антонию Великому, и постучал в двери его келии. Антоний спросил его:

- Чего ты хочешь? Павел отвечал:

- Хочу быть иноком.

Антоний увидев, что он уже стар, сказал ему:

- Тебе, старец, уже около 60 лет, - не можешь ты быть иноком; возвратись опять в село и исполняй свою аботу, благодаря Бога; а пустыннический труд нести и искушений терпеть ты не сможешь.

Но Павел отвечал:

- Отец! Я готов исполнять все то, что ты повелишь.

- Антоний же, не внимая ему, говорил:

- Я сказал тебе, что ты стар и уже не можешь быть монахом. Отойди отсюда. А если хочешь быть монахом, то иди в монастырь, где живет много братии, могущей переносить твои немощи; а я живу здесь один и по пяти дней ничего не вкушаю; посему не можешь ты жить со мною.

Сказав сие, Антоний затворил двери и три дня не выходил из своей келии. Но старец все это время оставался около келии, никуда не уходя. На четвертый день Антоний отворил дверь и опять увидел Павла и, чтобы заставить удалиться его, сказал:

- Уйди отсюда, старец. Зачем ты досаждаешь мне? Я сказал тебе, что ты не можешь остаться здесь.

- Умру тут, а не уйду, - ответил старец.

Антоний, видя, что у старца нет ни хлеба, ни воды, и что он уже четвертый день остается без пищи, подумал про себя: «старец сей, не привыкший так долго поститься, может умереть от голода, и на моей душе будет за него грех». Посему он согласился оставить его у себя и сказал:

- Ты можешь спастись, если будешь послушен и сделаешь то, что я повелю тебе. Павел ответил:

- Отче, я готов исполнять все то, что ты скажешь мне. Антоний же, испытывая его, сказал:

- Стой и молись на сем месте до тех пор, пока я не приду и не принесу тебе того, над чем ты должен трудиться. Оставив Павла, Антоний вошел в пещеру.

Целую неделю он не выходил к нему, но тайно через окно наблюдал за ним и видел его все то время неподвижно стоящим день и ночь на одном месте.

Тогда, выйдя из келии, Антоний принес старцу финиковые ветви и, омочив их в воде, сказал ему:

- Плети, старец, веревку так же, как я плету.

И плел Павел веревку до девятого часа и с большим трудом сплел пятнадцать локтей. Антоний же, посмотрев работу, сказал:

- Нехорошо ты сплел, расплети и плети снова.

А был уже седьмой день, как он не давал ему ничего есть. Все же сие делал Антоний для того,

чтобы удалить Павла от себя, ибо он думал, что тот уйдет от него, не выдержав испытания. Но Павел продолжал с большим трудом расплетать веревку и снова сплетать ее; и как он ни был голоден, однако нисколько не огорчился и не возроптал. Тогда Антоний сжалился над ним, - и вот, когда уже солнце заходило, он сказал Павлу:

– Старец, не хочешь ли немного вкусить хлеба?

– Как ты хочешь, отче, – отвечал Павел.

Антоний пришел в умиление от сих слов Павла, который, и страдая от голода, не спешил, однако, к утолению его хлебом, но отдавался на волю Антония.

Они вкусили немного хлеба с водою и, вставши из-за стола, возблагодарили Господа.

Испытывал святой Антоний Павла и в молитвах, по целым ночам не ложась спать и поя псалмы со многими поклонами, но и в сем Павел оказался терпеливым и бодрым.

Раз, когда они вкушали пищу, Антоний велел Павлу вкусить более того, чем сколько вкушал сам, ибо он жалел его, как еще непривыкшего к строгому посту.

Но тот ответил:

– Если ты, отче, будешь есть еще, то и я буду.

– Мне довольно, – сказал Антоний, – потому что я монах.

А Павел ответил:

– И мне довольно, потому что и я хочу быть монахом.

И всегда Павел исполнял все, что ни повелевал ему Антоний.

Однажды Антоний велел сшить ему одежду; когда Павел сшил ее, Антоний сказал:

– Плохо ты сшил, – распори ее и сшей снова.

И вновь сшитую он велел распороть и опять шить.

Все сие делал Антоний для того, чтобы испытать терпение и послушание Павла. А тот нисколько не роптал на сие, но с усердием и старательностию исполнял все повеления Антония.

Наконец, Антоний убедился в способности Павла к пустынножительству и сказал ему:

– Вот ты уже и соделался иноком во имя Господа Иисуса.

И велел Антоний жить ему в одиночестве, сделав келию для него на расстоянии четырех метаний камнем от своей. И пребывал блаженный Павел близ святого Антония в той отдельной келии, трудясь день и ночь в подвигах иноческих; за сие получил он от Бога власть над духами нечистыми, чтобы изгонять их и исцелять недуги.

Раз к святому Антонию приведен был юноша, имевший в себе духа нечистого, весьма злого и сильного, одного из князей тьмы, который хулил Бога.

Но Антоний сказал:

– Не мое это дело, ибо не получил я от Бога власти над сильнейшими бесами, но Павел препростый имеет сей дар. И пошел он с юношею к Павлу и сказал ему:

– Авва Павел! изгони из сего юноши нечистого духа, дабы юноша мог вернуться в дом свой здоровым, хваля Бога.

Но Павел сказал:

– А ты, отче, почему же не изгнал его?

Антоний отвечал:

– Имею я одно неотложное дело и потому привел его к тебе.

И, оставив бесноватого юношу и Павла, Антоний ушел. А Павел, помолившись Богу, сказал бесу:

– Диавол! Авва Антоний велит тебе выйти из человека сего.

Диавол же с бранью ответил:

– Не выйду, всезлобный и лживый старик.

Тогда Павел, взяв ту кожу, в которой ходил, начал бить его, говоря:

– Выходи, – так повелел тебе святой Антоний.

Но диавол не желал выходить. Тогда Павел сказал:

– Или ты выйди, или я помолюсь Христу и будет тебе худо.

Но бес, хуля Христа, говорил:

– Не выйду.

Тогда Павел разгневался на беса, и в полдень, когда в Египте солнце жжет как огненная пещь, взошел на камень и встал на нем, как неподвижный столп, взывая ко Христу:

– Господи Иисусе Христе, распятый при Понтие Пилате! Ты ведаешь, что не сойду я с сего камня, хотя бы пришлось мне и умереть на нем, и не вкушу ни хлеба, ни воды до тех пор, пока Ты не услышишь меня и не изгонишь беса из сего юноши.

Когда еще говорил он сие, бес начал кричать:

– Выхожу, выхожу и не знаю, где буду находиться.

И выйдя из юноши, бес обратился в большого змея, длиною в 70 локтей, и поселился в Чермном море. Так святой Павел победил диавола простотою и смирением своим; ибо слабейших бесов изгоняют люди силою веры, а начальствующих князей бесовских побеждают люди силою смирения, как сей святой Павел.

Блаженный Павел имел и дар прозрения. Раз, войдя в один монастырь, встал он у церкви,

наблюдая, кто с какою мыслию входит в нее. Была вечерня и все входили в церковь с радостным лицом и просветленною душою, и с каждым из них входил с радостию и ангел хранитель. Один же брат шел в церковь с лицом мрачным, душою озлобленною, будучи окружен бесами, из которых каждый влек его к себе; ангел же хранитель его следовал в отдалении, – в унынии и с плачем. Видя сие, святой опечалился и весьма скорбел о погибшем брате; от великой печали не вошел святой Павел и в церковь, но с плачем сидел вне ее. Когда церковная служба окончилась, то все братия выходили такими же, какими и входили, и свет Божественный озарял их. Увидал Павел и того, который прежде был мрачным; и вот лицо его светилось как бы лицо ангела, и благодать Духа Святого осеняла его, и ангел хранитель радостно поддерживал за руку его; бес же издали рыдал и не дерзал хотя немного приблизиться к нему.

Увидав столь быструю перемену, происшедшую с братом, блаженный обрадовался и, остановив его, поведал окружающим о том, что видел и затем спросил брата о причине его внезапного изменения.

Тот, видя себя обличенным Божиим откровением, в присутствии всего народа, рассказал о себе все:

– Я, – сказал он, – весьма грешен: много лет прожил я до нынешнего дня в беззаконии. Войдя сегодня в церковь, услышал я, что читают книгу пророка Исаии, или лучше, – Самого Бога, через пророка говорящего:

«Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; научитесь делать добро: и если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю» (Ис. 1:16-18). Услышав сие, я умилился душою, отверзлись во мне духовные очи и, познав свое злодейство и нечестие, я с сокрушением сказал в душе своей Богу: «Ты, Господи, пришел в мир для спасения грешников, как то через пророка Своего Ты мне ныне поведал; исполни сие со мною грешным на деле. Ибо я даю обет отныне, при помощи Твоей, не только никому не делать никакого зла, но и оставить всякое беззаконие и послужить Тебе, Владыко, чистою совестию; только Ты Сам приими меня кающегося и не отвергни меня, припадающего к Тебе. С такими обещаниями, – продолжал он, – вышел я из церкви, решив в сердце своем не грешить более перед Богом.

Услышав сие, все громким голосом прославили Бога, принимающего всякого, обращающегося к Нему с покаянием.

Так прозорлив был святой Павел, ибо за простоту свою и незлобие свое он преисполнен был благодати Божией. Да и кто же приятен Богу более незлобивого? «Непорочность и правота, – говорит Господь устами Псалмопевца, – да охраняют меня» (Пс. 24:21).

Преподобный прожил в святой простоте своей много лет и, сотворив много чудес, отошел ко Господу. Тот, кто был на земле простым и неученым, теперь стал премудрейшим на небеси, более всех мудрецов мира сего, и с мудрыми херувимами созерцает он Христа, Божию Силу и Божию Премудрость. Ибо истинная мудрость в том и состоит, чтобы бояться Бога и в чистоте души и незлобии сердца служить Ему и благоугождать.

Молитвами, Господи, угодника Твоего, Павла препростого, умудри и нас в исполнении заповедей Твоих. Дай нам иметь началом премудрости – страх Твой, дабы мы, из благоговения к Тебе, уклонившись от греха, могли творить перед Тобою добро и получить милость Твою во веки. Аминь.

Святитель Спиридон Тримифунский

Родиною дивного Спиридона был остров Кипр. Сын простых родителей и сам простодушный, смиренный и добродетельный, он с детства был пастырем овец, а пришедши в возраст, сочетался законным браком и имел детей. Он вел чистую и богоугодную жизнь. Подражая – Давиду в кротости, Иакову – в сердечной простоте и Аврааму – в любви к странникам. Прожив немного лет в супружестве, жена его умерла, и он еще безпрепятственнее и усерднее стал служить Богу добрыми делами, тратя весь свой достаток на принятие странников и пропитание нищих; этим он, живя в миру, так благоугодил Богу, что удостоился от Него дара чудотворения: он исцелял неизлечимые болезни и одним словом изгонял бесов. За это Спиридон был поставлен епископом города Тримифунта в царствование Императора Константина Великого и сына его Констанция. И на епископской кафедре он продолжал творить великие и дивные чудеса.

Однажды на о. Кипре было бездождие и страшная засуха, за которою последовал голод, а за голодом мор, и множество людей гибло от этого голода. Небо заключилось, и нужен был второй Илия, или подобный ему, который бы отверз небо своею молитвою (3Цар. гл. 17): таким оказался святой Спиридон, который, видя бедствие, постигшее народ, и отечески жалея погибающих от голода, обратился с усердною молитвою к Богу, и тотчас небо покрылось со всех сторон облаками и пролился обильный дождь на землю, не прекращавшийся несколько дней; святой помолился опять, и настало вёдро. Земля обильно напоена была влагою и дала обильный плод: дали богатой урожай нивы, покрылись плодами сады и виноградники и, после голода, было во всем великое изобилие, по молитвам угодника Божия Спиридона. Но через несколько лет за грехи людские, по попущению Божию, опять постиг страну ту голод, и богатые хлеботорговцы радовались дороговизне, имея хлеб, собранный за несколько урожайных лет, и, открыв свои житницы, начали продавать его по высоким ценам. Был тогда в Тримифунте один хлеботорговец, страдавший ненасытною жадностью к деньгам и неутолимою страстью к наслаждениям. Закупив в разных местах множества хлеба и привезши его на кораблях в Тримифунт, он не захотел, однако, продавать его по той цене, какая в то время стояла в городе, но ссыпал её в склады, чтобы дождаться усиления голода и тогда, продав подороже, получить больший барыш. Когда голод сделался почти всеобщим и усиливался со дня на день, он стал продавать свой хлеб по самой дорогой цене. И вот, пришел к нему один

бедный человек и, униженно кланяясь, со слезами умолял его оказать милость - подать немного хлеба, чтобы ему, бедняку, не умереть с голоду вместе с женою и детьми. Но немилосердный и жадный богач не захотел оказать милость нищему и сказал:

- Ступай, принеси деньги, и у тебя будет всё, что только купишь.

Бедняк, изнемогая от голода, пошел к святому Спиридону и, с плачем, поведал ему о своей бедности и о бессердечии богатого.

- Не плачь, - сказал ему святой, - иди домой, ибо Дух Святой говорит мне, что завтра дом твой будет полон хлеба, а богатый будет умолять тебя и отдавать тебе хлеб даром.

Бедный вздохнул и пошел домой. Едва настала ночь, как, по повелению Божию, пошёл сильнейший дождь, которым подмыло житницы немилосердного сребролюбца, и водою унесло весь его хлеб. Хлеботорговец с своими домашними бегал по всему городу и умолял всех помочь ему и не дать ему из богача сделаться нищим, а тем временем бедные люди, видя хлеб, разнесённый потоками по дорогам, начали подбирать его. Набрал себе с избытком хлеба и тот бедняк, который вчера просил его у богача. Видя над собою явное наказание Божие, богач стал умолять бедного брать у него задаром столько хлеба, сколько он пожелает.

Так Бог наказал богатого за немилосердие и, по пророчеству святого, избавил бедного от нищеты и голода. Один известный святому земледелец пришел к тому же самому богачу и во время того же голода с просьбою дать ему взаймы хлеба на прокорм и обещался с лихвою возвратить данное ему, когда настанет жатва. У богача, кроме размытых дождем, были еще и другие житницы, полные хлеба; но он, недостаточно наученный первою своею потерею и не излечившись от скупости, – и к этому бедняку оказался таким же немилосердным, так что не хотел даже и слушать его.

– Без денег, – сказал он, – ты не получишь от меня ни одного зерна.

Тогда бедный земледелец заплакал и отправился к святителю Божию Спиридону, которому и рассказал о своей беде. Святитель утешил его и отпустил домой, а на утро сам пришел к нему и принес целую груду золота (откуда взял он золото, – об этом речь после). Он отдал это золото земледельцу и сказал:

– Отнеси, брат, это золото тому торговцу хлебом и отдай его в залог, а торговец пусть даст тебе столько хлеба взаймы, сколько тебе сейчас нужно для пропитания; когда же настанет урожай и у тебя будет излишек хлеба, ты выкупи этот залог и принеси его опять ко мне.

Бедный земледелец взял из рук святительских золото и поспешно пошел к богатому. Корыстолюбивый богач обрадовался золоту и тотчас же отпустил бедному хлеба, сколько ему было нужно. Потом голод миновал, был хороший урожай, и, после жатвы, земледелец тот отдал с лихвою богачу взятый хлеб и, взяв от него назад залог, отнес его с благодарностью к святому Спиридону. Святой взял золото и направился к своему саду, захватив с собою и земледельца.

– Пойдем, сказал он со мною, брат, и вместе отдадим это Тому, Кто так щедро дал нам взаймы.

Вошедши в сад, он положил золото у ограды, возвел очи к небу и воскликнул:

– Господи мой, Иисусе Христе, Своею волею всё созидающий и претворяющий! Ты, некогда Моисеев жезл на глазах у царя Египетского превратил в змия (Исх. 7:10), – повели и этому золоту, ранее превращенному Тобою из животного, опять принять первоначальный вид свой: тогда и сей человек узнает, какое попечение имеешь Ты о нас и самым делом научится тому,

что сказано в Св. Писании, – что «Господь творит всё, что хочет» (Пс. 134,6)!

Когда он так молился, кусок золота вдруг зашевелился и обратился в змею, которая стала извиваться и ползать.

Таким образом, сначала змея, по молитве святого, обратилась в золото, а потом также чудесно из золота опять стала змеею. При виде сего чуда, земледелец затрепетал от страха, пал на землю и называл себя недостойным оказанного ему чудесного благодеяния. Затем змея уползла в свою нору, а земледелец, полный благодарности, возвратился к себе домой и изумлялся величию чуда, сотворенного Богом по молитвам святого.

Один добродетельный муж, друг святого, по зависти злых людей, был оклеветан пред городским судьею и заключен в темницу, а потом и осужден на смерть без всякой вины. Узнав об этом, блаженный Спиридон пошел избавить друга от незаслуженной казни. В то время в стране было наводнение и ручей, бывший на пути святого, переполнился водою, вышел из берегов и сделался непереходимым. Чудотворец припомнил, как Иисус Навин с ковчегом завета посуху перешел разлившийся Иордан (Иис. Нав. 3,14-17) и, веруя во всемогущество Божие, приказал потоку, как слуге:

– Стань! так повелевает тебе Владыка всего мира, дабы я мог перейти и спасен был муж, ради которого я спешу.

Лишь только он сказал эго, тотчас поток остановился в своем течении и открыл сухой путь – не только для святого, но и для всех, шедших вместе с ним. Свидетели чуда поспешили к судии и известили его о приближении святого и о том, что совершил он на пути, и судия тотчас же освободил осужденного и возвратил его святому невредимым.

Провидел также преподобный и тайные грехи людские. Так, однажды, когда он отдыхал от пути у одного страннопримца, женщина, находившаяся в незаконном сожительстве, пожелала умыть по тамошнему обычаю, ноги святому. Но он, зная ее грех, сказал ей, чтобы она к нему не прикасалась. И это он сказал не потому, что гнушался грешницею и отвергал ее: разве может гнушаться грешниками ученик Господа, евшего и пившего с мытарями и грешниками? (Мф. 9,11) Нет, он желал заставить женщину вспомнить о своих прегрешениях и устыдиться своих нечистых помыслов и дел. И когда та женщина настойчиво продолжала стараться прикоснуться к ногам святого и умыть их, тогда святой, желая избавить ее от погибели, обличил ее с любовью и кротостью, напомнил ей о ее грехах и побуждал ее покаяться. Женщина удивлялась и ужасалась тому, что самые, по видимому, тайные деяние и помыслы ее не скрыты от прозорливых очей человека Божия. Стыд охватил ее и с сокрушенным сердцем упала она к ногам святого и обмывала их уже не водою, а слезами, и сама открыто созналась в тех грехах, в которых была обличена. Она поступила также, как некогда блудница, упоминаемая в Евангелии, а святой, подражая Господу, милостиво сказал ей: «прощаются тебе грехи» (Лк. 7,48), и еще: «вот, ты выздоровел; не греши больше» (Иоан. 5,14). И с того времени женщина та совершенно исправилась и для многих послужила полезным примером.

До сих пор говорилось только о чудесах, какие совершил святой Спиридон при жизни; теперь должно сказать и о ревности его по вере православной.

В царствование Константина Великого, первого Императора-христианина, в 325 году по Р. Хр., в Никее собрался 1-й Вселенский собор, для низложение еретика Ария, нечестиво называвшего Сына Божия тварью, а не творцом всего, и для исповедания Его Единосущным с Богом Отцом. Ария в его богохульстве поддерживали епископы значительных тогда церквей:

Евсевий Никомидийский, Марис Халкидонский, Феогний Никейский и др. Поборниками же православия были украшенные жизнью и учением мужи: великий между святыми Александр, который в то время был еще пресвитером и вместе заместителем святого Митрофана, патриарха Цареградского, находившегося на одре болезни и потому не бывшего на соборе, и славный Афанасий, который еще не был украшен и пресвитерским саном и проходил диаконское служение в церкви александрийской; эти двое возбуждали в еретиках особое негодование и зависть именно тем, что многих превосходили в уразумении истин веры, не будучи еще почтены епископскою честью; с ними вместе был и святой Спиридон, и обитавшая в нем благодать была полезнее и сильнее в деле увещания еретиков, чем речи иных, их доказательства и красноречие. С соизволения Царя, на соборе присутствовали и греческие мудрецы, называвшиеся перипатетиками; мудрейший из них выступил на помощь Арию и гордился своею особенно искусною речью, стараясь высмеять учение православных. Блаженный Спиридон, человек неученый, знавший только Иисуса Христа, «притом распятого» (1Кор. 2,2), просил отцов позволить ему вступить в состязание с этим мудрецом, но святые отцы, зная, что он человек простой, совсем незнакомый с греческою мудростью, запрещали ему это. Однако, святой Спиридон, зная какую силу имеет премудрость свыше и как немощна пред нею мудрость человеческая, обратился к мудрецу и сказал:

– Философ! Во имя Иисуса Христа, выслушай, что я тебе скажу.

Когда же философ согласился выслушать его, святой начал беседовать.

– Един есть Бог, – сказал он, – сотворивший небо и землю и создавший из земли человека и устроивший все прочее, видимое и невидимое, Словом Своим и Духом; и мы веруем, что Слово это есть Сын Божий и Бог, Который умилосердившись над нами заблудшими, родился от Девы, жил с людьми, пострадал и умер ради нашего спасение и воскрес и с Собою совоскресил весь род человеческий; мы ожидаем, что Он же придет судить всех нас праведным судом и каждому воздаст по делам его; веруем, что Он одного существа с Отцом, равной с Ним власти и чести… Так исповедуем мы и не стараемся исследовать эти тайны любопытствующим умом, и ты – не осмеливайся исследовать, как всё это может быть, ибо тайны эти выше твоего ума и далеко превышают всякое человеческое знание.

Затем, немного помолчав, святой спросил:

– Не так ли и тебе всё это представляется, философ?

Но философ молчал, как будто ему никогда не приходилось состязаться. Он не мог ничего сказать против слов святого, в которых видна была какая-то Божественная сила, во исполнение сказанного в Св. Писании: «ибо Царство Божие не в слове, а в силе» (1Кор. 4,20).

Наконец, он сказал:

– И я думаю, что всё действительно так, как говоришь ты.

Тогда старец сказал:

– Итак, иди и прими сторону святой веры.

Философ, обратившись к своим друзьям и ученикам, заявил:

– Слушайте! Пока состязание со мною велось посредством доказательств, я выставлял против одних доказательств другие и своим искусством спорить отражал всё, что мне представляли. Но когда, вместо доказательств от разума, из уст этого старца начала исходить какая-то особая

сила, – доказательства бессильны против нее, так как человек не может противиться Богу. Если кто-нибудь из вас может мыслить так же, как я, то да уверует во Христа и вместе со мною да последует за сим старцем, устами которого говорил Сам Бог».

И философ, приняв православную христианскую веру, радовался, что был побежден в состязании святым на свою же собственную пользу. Радовались и все православные, а еретики потерпели великое посрамление.

По окончании собора, после осуждения и отлучения Ария, все бывшие на соборе, а равно и святой Спиридон, разошлись по домам. В это время умерла дочь его Ирина; время своей цветущей юности она в чистом девстве провела так, что удостоилась Царства Небесного. Между тем к святому пришла одна женщина и, с плачем, рассказала, что она отдала его дочери Ирине некоторые золотые украшения для сохранения, а так как та в скором времени умерла, то отданное пропало без вести. Спиридон искал по всему дому, не спрятаны ли где украшения, но не нашел их. Тронутый слезами женщины, святой Спиридон вместе с своими домашними подошел к гробу дочери своей и, обращаясь к ней, как к живой, воскликнул:

– Дочь моя Ирина! Где находятся украшения, вверенные тебе на хранение?

Ирина, как бы пробудившись от крепкого сна, отвечала:

– Господин мой! Я спрятала их в этом месте дома.

И она указала место.

Тогда святой сказал ей:

– Теперь спи, дочь моя, пока не пробудит тебя Господь всех во время всеобщего воскресения.

На всех присутствовавших, при виде такого дивного чуда, напал страх. А святой нашел в указанном умершею месте спрятанное и отдал той женщине.

По смерти Константина Великого, Империя его разделилась на две части. Восточная половина досталась старшему сыну его Констанцию. Находясь в Антиохии, Констанций впал в тяжкую болезнь, которую врачи не могли исцелить. Тогда Царь оставил врачей и обратился ко Всемогущему целителю душ и телес – Богу с усердною молитвою о своем исцелении. И вот в видении ночью Император увидел Ангела, который показал Ему целый сонм епископов и среди них особенно – двоих, которые, по-видимому, были вождями и начальниками остальных; Ангел поведал при этом Царю, что только эти двое могут исцелить его болезнь.

Пробудившись и размышляя о виденном, он не мог догадаться, кто были виденные им два епископа: имена и род их остались ему неизвестными, а один из них тогда, кроме того, не был еще и епископом.

Долгое время Царь был в недоумении и, наконец, по чьему-то доброму совету собрал к себе епископов из всех окрестных городов и искал между ними виденных Им в видении двоих, но не нашел. Тогда он собрал епископов во второй раз и теперь уже в большем числе и из более отдаленных областей, но и среди них не нашел виденных Им. Наконец, Он велел собраться к Нему епископам всей Его Империи. Царское приказание, лучше сказать, прошение достигло и острова Кипра и города Тримифунта, где епископствовал святой Спиридон, которому все уже было открыто Богом относительно Царя. Тотчас же святой Спиридон отправился к Императору, взяв с собою ученика своего Трифиллия, вместе с которым он являлся Царю в видении и который в то время, как сказано было, не был еще епископом. Прибыв в Антиохию,

они пошли во дворец к Царю. Спиридон был одет в бедные одежды и имел в руках финиковый посох, на голове – митру, а на груди у него привешен был глиняный сосудец, как это было в обычае у жителей Иерусалима, которые носили обыкновенно в этом сосуде елей от святого Креста. Когда святой в таком виде входил во дворец, один из дворцовых служителей, богато одетый, счел его за нищего, посмеялся над ним и, не позволяя ему войти, ударил его по щеке; но преподобный, по своему незлобию и памятуя слова Господа (Мф. 5,39), подставил ему другую щеку; служитель понял, что пред ним стоит епископ и, сознав свой грех, смиренно просил у него прощения, которое и получил.

Едва только святой вошел к Царю, последний тотчас узнал его, так как в таком именно образе он явился Царю в видении. Констанций встал, подошел к святому и поклонился ему, со слезами прося его молитв к Богу и умоляя об уврачевании своей болезни. Лишь только святой прикоснулся к голове Царя, последний тотчас же выздоровел и чрезвычайно радовался своему исцелению, полученному по молитвам святого. Царь оказал ему великие почести и в радости провел с ним весь тот день, оказывая великое уважение к своему доброму врачу.

Трифиллий тем временем был крайне поражен всей царской пышностью, красотой дворца, множеством вельмож, стоящих перед Царем, сидящим на троне, – причем всё имело чудный вид и блистало золотом, – и искусной службе слуг, одетых в светлые одежды. Спиридон сказал ему:

– Чему ты так дивишься, брат? Неужели царское величие и слава делают Царя более праведным, чем другие?

Разве Царь не умирает так же, как и последний нищий, и не предается погребению? Разве не предстанет Он одинаково с другими Страшному Судии? Зачем то, что разрушается, ты предпочитаешь неизменному и дивишься ничтожеству, когда должно прежде всего искать того, что невещественно и вечно, и любить нетленную небесную славу?

Много поучал преподобный и самого даря, чтобы памятовал о благодеянии Божием и сам был бы благ к подданным, милосерд к согрешающим, благосклонен к умоляющим о чем-либо, щедр к просящим и всем был бы отцом – любящим и добрым, ибо кто царствует не так, тот должен быть назван не царем, а скорее мучителем. В заключение святой заповедал Царю строго держать и хранить правила благочестия, отнюдь не принимая ничего противного Церкви Божией.

Царь хотел возблагодарить святого за свое исцеление по его молитвам и предлагал ему множество золота, но он отказывался принять, говоря:

– Нехорошо, Царь, платить ненавистью за любовь, ибо то, что я сделал для тебя, есть любовь: в самом деле, оставить дом, переплыть такое пространство морем, перенести жестокие холода и ветры – разве это не любовь? И за всё это мне взять в отплату золото, которое есть причина всякого зла и так легко губит всякую правду? Так говорил святой, не желая брать ничего, и только самыми усиленными просьбами Царя был убежден – но только принять от Царя золото, а не держать его у себя, ибо тотчас же роздал всё полученное просившим. Кроме того, согласно увещаниям сего святого, Император Констанций освободил от податей священников, диаконов и всех клириков и служителей церковных, рассудив, что неприлично служителям Царя Бессмертного платить дань Царю смертному. Расставшись с Царем и возвращаясь к себе, святой был принят на дороге одним христолюбцем в дом. Здесь к нему пришла одна женщина-язычница, не умевшая говорить по-гречески. Она принесла на руках своего мёртвого сына и, горько плача, положила его у нот святого. Никто не знал ее языка, но самые слёзы ее ясно свидетельствовали о том, что она умоляет святого воскресить ее мёртвого ребенка. Но святой,

избегая тщетной славы, сначала отказывался совершить это чудо; и всё-таки, по своему милосердию, был побежден горькими рыданиями матери и спросил своего диакона Артемидота: – Что нам сделать, брат?

– Зачем ты спрашиваешь меня, отче, отвечал диакон: что другое сделать тебе, как не призвать Христа – Подателя жизни, столь много раз исполнявшего твои молитвы? Если ты исцелил Царя, то неужели отвергнешь нищих и убогих?

Еще более побуждаемый этим добрым советом к милосердию, святитель прослезился и, преклонив колена, обратился к Господу с теплою молитвою. И Господь, чрез Илию и Елисея возвративший жизнь сыновьям вдовы сарептской и соманитяныни (3Цар. 17,21; 4Цар. 4,35), услышал и молитву Спиридона и возвратил дух жизни языческому младенцу, который, оживши, тотчас же заплакал. Мать, увидев свое дитя живым, от радости упала мёртвою: не только сильная болезнь и сердечная печаль умерщвляют человека, но иногда тоже самое производит и чрезмерная радость. Итак, женщина та умерла от радости, а зрителей ее смерть повергла, – после неожиданной радости, по случаю воскрешения младенца, – в неожиданную печаль и слёзы. Тогда святой опять спросил диакона: – Что нам делать?

Диакон повторил свой прежний совет, и святой опять прибег к молитве. Возведя очи к небу и вознеся ум к Богу, он молился Вдыхающему дух жизни в мертвых и Изменяющему всё единым хотением Своим. Затем он сказал умершей, лежавшей на земле: – Воскресни и встань на ноги!

И она встала, как пробудившаяся от сна, и взяла своего живого сына на руки.

Святой запретил женщине и всем присутствовавшим там рассказывать о чуде кому бы то ни было; но диакон Артемидот, после кончины святого, не желая умолчать о величии и силе Божиих, явленных чрез великого угодника Божие Спиридона, поведал верующим обо всем происшедшем. Когда святой возвратился домой, к нему пришел один человек, желавший купить из его стада сто коз. Святой велел ему оставить установленную цену и потом взять купленное. Но он оставил стоимость девяноста девяти коз и утаил стоимость одной, думая, что это не будет известно святому, который, по своей сердечной простоте, совершенно чужд был всяких житейских забот. Когда оба они находились в загоне для скота, святой велел покупателю взять столько коз, за сколько он уплатил, и покупатель, отделив сто коз, выгнал их за ограду. Но одна из них, как бы умная и добрая раба, знающая, что она не была продана своим господином, скоро вернулась и опять вбежала в ограду. Покупатель опять взял ее и потащил за собою, но она вырвалась и опять прибежала в загон. Таким образом до трех раз вырывалась она у него из рук и прибегала к ограде, а он силою уводил ее, и, наконец, взвалил ее на плечи и понес к себе, при чем она громко блеяла, бодала его рогами в голову, билась и вырывалась, так что все видевшие это удивлялись. Тогда святой Спиридон, уразумев, в чем дело и не желая в то же время при всех обличить нечестного покупателя, сказал ему тихо:

– Смотри, сын мой, должно быть, не напрасно животное это так делает, не желая быть отведенным к тебе: не утаил ли должной цены за него? Не потому ли оно и вырывается у тебя из рук и бежит к ограде? Покупатель устыдился, открыл свой грех и просил прощения, а затем отдал деньги и взял козу, – и она сама кротко и смирно пошла в дом купившего ее впереди своего нового хозяина.

На острове Кипре было одно селение, называвшееся Фриера. Пришедши туда по одному делу, святой Спиридон вошел в церковь и велел одному из бывших там, диакону, сотворить краткую молитву: святой утомился от долгого пути тем более, что тогда было время жатвы и стояли сильные жары. Но диакон начал медленно исполнять приказанное ему и нарочно растягивал молитву, как бы с некоею гордостью произносил возгласы и пел, и явно похвалялся своим

голосом. Гневно посмотрел на него святой, хотя и добр был от природы и, порицая его, сказал: «замолчи»! – И тотчас же диакон онемел: он лишился не только голоса, но и самого дара слова, и стоял, как совершенно не имеющий языка. На всех присутствовавших напал страх. Весть о случившемся быстро разнеслась по всему селению, и все жители сбежались посмотреть на чудо и пришли и ужас. Диакон упал к ногам святого, знаками умоляя разрешить ему язык, а вместе с тем умоляли о том же епископа друзья и родственники диакона. Но не сразу святой снизошел на просьбу, ибо суров был он с гордыми и тщеславными, и, наконец, простил провинившегося, разрешил ему язык и возвратил дар слова; при этом он, однако же, запечатлел на нем след наказания, не возвратив его языку полной ясности, и на всю жизнь оставил его слабоголосым, косноязычным и заикающимся, чтобы он не гордился своим голосом и не хвалился отчетливостью речи.

Однажды святой Спиридон вошел в своем городе в церковь к вечерне. Случилось так, что в церкви не было никого, кроме церковнослужителей. Но, несмотря на то, он велел возжечь множество свечей и лампад и сам стал пред алтарем в духовном умилении. И когда он в положенное время возгласил: «Мир всем!» – и не было народа, который бы на возглашаемое святителем благожелание мира дал обычный ответ, внезапно послышалось сверху великое множество голосов, возглашающих: «И духу твоему». Хор этот был велик и строен и сладкогласнее всякого пения человеческого. Диакон, произносивший ектении, пришел в ужас, слыша после каждой ектении какое-то дивное пение сверху: «Господи, помилуй!». Пение это было услышано даже находившимися далеко от церкви, из коих многие поспешно пошли на него, и, по мере того, как они приближались к церкви, чудесное пение всё более и более наполняло их слух и услаждало сердца. Но когда они вошли в церковь, то не увидали никого, кроме святителя с немногими церковными служителями и не слыхали уже более небесного пения, от чего пришли в великое изумление.

В другое время, когда святой также стоял в церкви на вечернем пении, в лампаде не хватило елея и огонь стал уже гаснуть. Святой скорбел об этом, боясь, что, когда погаснет лампада, прервется и церковное пение, и не будет, таким образом, выполнено обычное церковное правило. Но Бог, исполняющий желание боящихся Его, повелел лампаде переполниться елеем чрез края, как некогда сосуду вдовицы во дни пророка Елисея (4Цар. 4,2-6). Служители церковные принесли сосуды, подставили их под лампаду и наполнили их чудесно елеем. – Этот вещественный елей явно служил указанием на преизобильную благодать Божию, коей был преисполнен святой Спиридон и напояемо было им его словесное стадо.

На о. Кипре есть город Кирина. Однажды сюда прибыл из Тримифунта святой Спиридон по своим делам вместе с учеником своим, Трифиллием, который был тогда уже епископом Левкусийским, на о. Кипре. Когда они переходили через гору Пентадактил и находились на месте, называемом Паримна (отличающемся красотою и богатою растительностью), то Трифиллий прельстился этим местом и пожелал и сам, для своей церкви, приобрести какое-либо поместье в этой местности. Долго он размышлял об этом про себя; но мысли его не утаились от прозорливых духовных очей великого отца, который сказал ему:

– Зачем, Трифиллий, ты постоянно думаешь о суетном и желаешь поместьев и садов, которые на самом деле не имеют никакой цены и только кажутся чем-то существенным, и своей призрачною ценностью возбуждают в сердцах людей желание обладать ими? Наше сокровище неотъемлемое – на небесах (1Пет. 1,4), у нас есть храмина нерукотворенная (2Кор. 5,4), – к ним стремись и ими заранее (чрез богомыслие) наслаждайся: они не могут переходить из одного состояния в другое, и кто однажды сделается обладателем их, тот получает наследие, которого уже никогда не лишится.

Эти слова принесли Трифиллию великую пользу, и впоследствии он своею истинно

христианскою жизнью достиг того, что сделался избранным сосудом Христовым, подобно Апостолу Павлу, и сподобился бесчисленных дарований от Бога.

Так святой Спиридон, сам будучи добродетельным, направлял к добродетели и других, и тем, кто следовал его увещаниям и наставлениям, они служили на пользу, а отвергавших их постигал худой конец, как это видно из следующего.

Один купец, житель того же Тримифунта, отплыл в чужую страну торговать и пробыл там двенадцать месяцев.

В это время жена его впала в прелюбодеяние и зачала. Вернувшись домой, купец увидел жену свою беременною и понял, что она без него прелюбодействовала. Он пришел в ярость, стал бить ее и, не желая с нею жить, гнал ее из своего дома, а потом пошел и рассказал обо всем святителю Божию Спиридону и просил у него совета.

Святитель, сокрушаясь душевно о грехе женщины и о великой скорби мужа, призвал жену и, не спрашивая ее, действительно ли она согрешила, так как о грехе свидетельствовали уже самая беременность ее и плод, зачатой ею от беззакония, прямо сказал ей:

– Зачем осквернила ты ложе мужа своего и обесчестила его дом?

Но женщина, потеряв всякий стыд, осмелилась явно солгать, что она зачала не от кого другого, а именно от мужа. Присутствовавшие вознегодовали на нее еще более за эту ложь, чем за самое прелюбодеяние, и говорили ей:

– Как же ты говоришь, что зачала от мужа, когда его двенадцать месяцев не было дома? Разве может зачатый плод двенадцать месяцев и даже более оставаться в чреве?

Но она стояла на своем и утверждала, что зачатое ею дожидалось возвращения своего отца, чтобы родиться при нем. Отстаивая эту и подобную ложь и споря со всеми, она подняла шум и кричала, что ее оклеветали и обидели. Тогда святой Спиридон, желая довести ее до раскаяния, кротко сказал ей:

– Женщина! В великий грех впала ты, – велико должно быть и покаяние твое, ибо для тебя всё-таки осталась надежда на спасение: нет греха, превышающего милосердие Божие. Но я вижу, что в тебе прелюбодеянием произведено отчаяние, а отчаянием – бесстыдство, и было бы справедливо понести тебе достойное и скорое наказание; и всё-таки, оставляя тебе место и время для покаяния, мы во всеуслышание объявляем тебе: плод не выйдет из чрева твоего, пока ты не скажешь истины, не прикрывая ложью того, что и слепой, как говорится, видеть может.

Слова святого в скором времени сбылись. Когда женщине наступило время родить, ее постигла лютая болезнь, причинявшая ей великие мучения удерживавшая плод в ее чреве. Но она, ожесточившись, не захотела признаться в своем грехе, в котором и умерла, не родивши, мучительною смертью. Узнав об этом, святитель Божий прослезился, пожалев, что он судил грешницу таким судом, и сказал:

– Не буду я больше произносить суда над людьми, если сказанное много так скоро сбывается над ними на деле.

Одна женщина, по имени Софрония, благонравная и благочестивая, имела мужа – язычника. Она не раз обращалась к святителю Божию Спиридону и усердно умоляла его постараться обратить ее мужа к истинной вере. Муж ее был соседом святителя Божия Спиридона и уважал

его, а иногда они, как соседи, бывали даже друг у друга в домах. Однажды собралось много соседей святого и язычника; были и они сами. И вот, вдруг святой говорит одному из слуг во всеуслышание:

– Вон у ворот стоит вестник, присланный от работника, пасущего мое стадо, с вестью, что весь скот, когда работник заснул, пропал, заблудившись в горах: ступай, скажи ему, что пославший его работник уже нашел весь скот в целости в одной пещере.

Слуга пошел и передал посланному слова святого. Вскоре затем, когда не успели еще собравшиеся встать из за стола, пришел от пастуха другой вестник – с известием, что всё стадо найдено. Слыша это, язычник был несказанно удивлен тем, что святой Спиридон знает происходящее за глазами, как совершающееся вблизи; он вообразил, что святой есть один из богов, и хотел сделать ему то, что и некогда жители Ликаонии сделали Апостолам Варнаве и Павлу, то есть, привести жертвенных животных, приготовить венцы и совершить жертвоприношение. Но святой сказал ему:

– Я – не бог, а только слуга Божий и человек, во всем подобный тебе. А что я знаю то, что совершается за глазами, – это дает мне мой Бог, и если и ты уверуешь в Него, то познаешь величие Его всемогущества и силы.

С своей стороны и жена язычника Софрония, улучив время, стала убеждать мужа отречься от языческих заблуждений и познать Единого Истинного Бога и уверовать в Него. Наконец, силою благодати Христовой, язычник был обращен к истинной вере и просвещен святым крещением. Так спасся «неверующий муж» (1Кор. 7,14), как говорит св. Апостол Павел.

Рассказывают также о смирении блаженного Спиридона, как он, будучи святителем и великим чудотворцем, не гнушался пасти овец бессловесных и сам ходил за ними. Однажды воры ночью проникли в загон, похитили несколько овец и хотели уйти. Но Бог, любя угодника Своего и охраняя его скудное имущество, невидимыми узами крепко связал воров, так что они не могли выйти из ограды, где и оставались в таком положении, против воли, до утра. На рассвете святой пришел к овцам и, увидев воров, связанных силою Божиею по рукам и по ногам, своею молитвою развязал их и дал им наставление о том, чтобы не желали чужого, а питались трудом рук своих; потом он дал им одного барана, чтобы, как он сам сказал, «не пропал даром их труд и бессонная ночь», и отпустил их с миром.

Один тримифунтский купец имел обычай брать у святого взаймы деньги для торговых оборотов, и когда, по возвращении из поездок по своим делам, приносил взятое обратно, то святой обыкновенно говорил ему, чтобы он сам положил деньги в ящик, из которого взял. Так мало заботился он о временном приобретении, что и не справлялся даже никогда, правильно ли уплачивает должник! Между тем купец много раз уже поступал таким образом, сам вынимая, с благословения святого, из ковчега деньги и сам опять вкладывая туда принесенные обратно, и дела его процветали. Но однажды он, увлекшись корыстолюбием, не положил принесенного золота в ящик и удержал его у себя, а святому сказал, что вложил. В скором времени он обнищал, так как утаённое золото не только не принесло ему прибыли, но и лишило успеха его торговлю и, как огонь, пожрало всё его имущество. Тогда купец опять пришел к святому и просит у него взаймы. Святой отослал его в свою спальню к ящику с тем, чтобы он взял сам. Он сказал купцу:

– Ступай и возьми, если сам ты положил».

Купец пошел и, не нашедши в ящике денег, воротился к святому с пустыми руками. Святой сказал ему:

– Но ведь в ящике, брат мой, не было до сих пор ничьей другой руки, кроме твоей. Значит, если бы ты положил тогда золото, то теперь мог бы опять взять его.

Купец, устыдившись, пал к ногам святого и просил прощения. Святой тотчас же простил его, но при этом сказал, в назидание ему, чтобы он не желал чужого и не осквернял совести своей обманом и ложью. Так, неправдою приобретенная прибыль есть не прибыль, а в конце концов – убыток.

В Александрии созван был однажды собор епископов: патриарх александрийский созвал всех подчиненных ему епископов и хотел общею молитвою ниспровергнуть и сокрушить все языческие идолы, которых там было еще очень много. И вот, в то время, когда приносились Богу многочисленные усердные молитвы, – как соборные, так и частные, – все идолы и в городе и в окрестностях пали, только один особо чтимый язычниками идол остался цел на своем месте. После того как патриарх долго и усердно молился о сокрушении этого идола, однажды ночью, когда он стоял на молитве, явилось ему некоторое Божественное видение и повелено было не скорбеть о том, что идол не сокрушается, и скорее послать в Кипр и призвать оттуда Спиридона, епископа Тримифунтского, ибо для того и оставлен был идол, чтобы быть сокрушенным молитвою сего святого.

Патриарх тотчас же написал послание к святому Спиридону, в котором призывал его в Александрию и говорил о своём видении, и немедленно направил это послание в Кипр. Получив послание, святой Спиридон сел на корабль и отплыл в Александрию. Когда корабль остановился у пристани, называемой Неаполем, и святой сходил на землю, – в ту же минуту идол в Александрии с его многочисленными жертвенниками рушился, почему в Александрии и узнали о прибытии святого Спиридона. Ибо, когда патриарху донесли, что идол пал, патриарх сказал остальным епископам:

– Друзья! Спиридон Тримифунтский приближается.

И все, приготовившись, вышли на встречу святому и, с честью приняв его, радовались о прибытии к ним такого великого чудотворца и светильника мира.

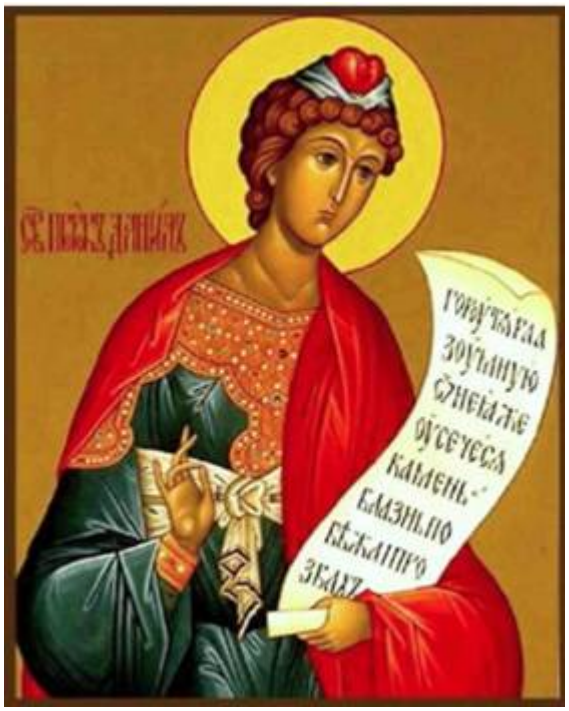
Церковные историки Никифор и Созомен пишут, что святой Спиридон чрезвычайно заботился о строгом соблюдении церковного чина и сохранении во всей неприкосновенности до последнего слова книг Священного Писания. Однажды произошло следующее. На о. Кипре было собрание епископов всего острова по делам церковным. Среди епископов находились святой Спиридон и упоминавшийся выше Трифиллий, – человек, искусившийся в книжной премудрости, так как в молодости своей он много лет провел в Берите, изучая писание и науки. Собравшиеся отцы просили его произнести в церкви поучение народу. Когда он поучал, пришлось ему помянуть слова Христа, сказанные Им расслабленному: «встань и возьми одр твой» (Мк. 2,12). Трифиллий слово «одр» заменил словом «ложе» и сказал: «встань и возьми ложе твое». Услышав это, святой Спиридон встал с места и, не вынося изменение слов Христовых, сказал Трифиллию:

– Неужели ты лучше сказавшего «одр», что стыдишься употребленного Им слова?

Сказав это, он при всех вышел из церкви. Итак поступил он не по злобе и не потому, что сам был совсем неученым: пристыдив слегка Трифиллия, кичившегося своим красноречием, он научил его смирению и кротости. К тому же святой Спиридон пользовался (среди епископов) великою честью, как самый старший летами, славный жизнью, первый по епископству и великий чудотворец, а потому, из уважение к лицу, всякий мог уважать и его слова. На преподобном Спиридоне почивала столь великая благодать и милость Божия, что во время

жатвы в самую жаркую пору дня его святая глава оказалась однажды покрытою прохладною росою, нисходившею свыше. Это было в последний год его жизни. Вместе с жнецами он вышел на жнитво (ибо был смиренен и работал сам, не гордясь высотою своего сана), и вот, когда он жал свою ниву, внезапно, в самый жар, оросилась глава его, как это было некогда с руном Гедеоновым (Суд. 6,38), и все, бывшие с ним на поле, видели это и дивились. Потом волосы на главе у него вдруг изменились: одни сделались желтыми, другие – чёрными, иные – белыми, и только Сам Бог знал, для чего это было и что предзнаменовало. Святой осязал голову рукою и сказал бывшим при нем, что приблизилось время разлучения души его с телом, и стал поучать всех добрым делам, и особенно – любви к Богу и ближнему. По прошествии нескольких дней святой Спиридон во время молитвы предал свою святую и праведную душу Господу, Которому в праведности и святости служил всю свою жизнь, и был с честью погребен в церкви Святых Апостолов в Тримифунте. Там и установлено было совершать ежегодно память его, и при гробе его совершаются многочисленные чудеса во славу дивного Бога, прославляемого во святых Его, Отца и Сына и Святого Духа, Которому и от нас да будет слава, благодарение, честь и поклонение во веки. Аминь.

Святой пророк Даниил и с ним три юноши



Святой пророк Даниил происходил из рода царского, из колена Иудина. В юных летах он был взят в плен Навуходоносором и вместе с царем иудейским Иоакимом был отведен из Иерусалима в Вавилон; там он еще в юности прославился божественными дарованиями, – в особенности же, когда мудро обличил неправедных и беззаконных судей, и избавил от смерти неповинную Сусанну.

В то время Иудеи, находившиеся в плену Вавилонском, имели двух старцев – судей, избранных разбирать случающиеся между ними распри. В определенные дни старцы эти собирались в дом некоего знатного и богатого мужа Иоакима и там разбирали распри среди народа Иудейского.

У Иоакима была жена, по имени Сусанна, дочь Хелкия, – очень красивая и богобоязненная. Родители ее были люди праведные и воспитали дочь свою во всех правилах закона Моисеева. Старцы же те были люди беззаконные: под видом суда они творили неправду, так что исполнилось на них слово Писания: «беззаконие вышло из Вавилона от старейшин-судей»

(Дан. 13, 5).

Эти-то старцы видели Сусанну, ежедневно входящую в сад мужа своего и выходящую оттуда, и в них родилась похоть к ней. И извратили они ум свой и уклонили глаза свои, чтобы не смотреть на небо и не вспоминать о праведных судах; однако не открывали друг другу о страсти своей, так как стыдились в том признаться. Каждый из них искал удобного времени, для удовлетворения своей страсти. И они прилежно сторожили каждый день, чтобы видеть Сусанну, и говорили друг другу:

– Пойдем домой, потому что – час обеда, – и вышедши расходились друг от друга, но возвратившись, снова приходили на то же самое место и, когда допытывались друг у друга о причине того, признались в похоти своей.

Тогда они вместе назначили время, когда бы могли найти ее одну.

Однажды, когда они выжидали удобного дня, Сусанна вошла, как всегда, с двумя только служанками и захотела мыться в саду, потому что было жарко. И не было там никого, кроме двух старцев, которые спрятались и сторожили ее. Сусанна сказала служанкам:

– Принесите мне масла и мыла и заприте двери сада, чтобы мне помыться.

Они так и сделали, как она сказала: заперли двери сада и вышли боковыми дверями, чтобы принести, что приказано было им, и не видали старцев, потому что они спрятались. И вот, когда служанки вышли, встали оба старца, и приблизились к Сусанне и сказали:

– Вот двери сада заперты и никто нас не видит, а мы имеем похотение к тебе. Поэтому согласись с нами и побудь с нами. Если же не так, то мы будем свидетельствовать против тебя, что с тобою был юноша и ты поэтому отослала от себя служанок твоих.

Тогда застонала Сусанна и сказала:

– Тесно мне отовсюду: ибо если я сделаю это, смерть мне; а если не сделаю, то не избегну от рук ваших. Лучше для меня не сделать этого, и впасть в руки ваши, нежели согрешить пред Богом.

И закричала Сусанна громким голосом; закричали также и оба старца против нее. И один побежал и отворил двери сада.

Когда же находившиеся в доме услышали крик в саду, вскочили боковыми дверями, чтобы видеть, что случилось с Сусанною. И когда старцы сказали слова свои, слуги ее чрезвычайно были пристыжены, потому что никогда ничего такого о Сусанне говорено не было.

И было на другой день, когда собрался народ к Иоакиму, мужу ее, пришли и оба старца, полные беззаконного умысла против Сусанны, чтобы предать ее смерти. И сказали они пред народом:

– Пошлите за Сусанною, дочерью Хелкия, женою Иоакима,– и послали.

И пришла она, и родители ее, и дети ее, и все родственники ее. Сусанна была очень нежна и красива лицом. И эти беззаконники приказали открыть лицо ее, (так как оно было закрыто), чтобы насытиться красотою ее.

Родственники же и все знающие ее плакали. А оба старца, вставши посреди народа, положили

руки на голову ее. Она же в слезах смотрела на небо, ибо сердце ее уповало на Господа. И сказали старцы:

– Когда мы ходили по саду одни, вошла эта женщина с двумя служанками, и затворила двери сада, и отослала служанок. И пришел к ней юноша, который скрывался там, и лег с нею. Мы, находясь в углу сада и видя такое беззаконие, побежали к ним и увидели их вместе, но юношу не могли удержать, потому что он был сильнее нас, и, отворив двери сада, он выскочил. Но эту мы схватили и допрашивали: кто был тот юноша? но она не захотела объявить нам. Об этом мы свидетельствуем.

И поверило им собрание, как старейшинам народа и судиям, и осудили Сусанну на смерть.

Тогда возопила Сусанна громким голосом и сказала:

– Боже вечный, ведающий сокровенное и знающий все, прежде бытия их. Ты знаешь, что они ложно свидетельствовали против меня, и вот я умираю, не сделав ничего из того, что эти люди злостно выдумали на меня.

И услышал Господь голос ее.

Когда она ведена была на смерть, Бог возбудил Духом Святым молодого юношу, по имени Даниила. И он закричал громким голосом:

– Чист я от крови ее!

Тогда обратился к нему весь народ и сказал:

– Что это за слово, которое ты сказал?

Тогда Даниил, став посреди них, сказал:

– Так ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не исследовав и не узнав истины, осудили дочь Израиля?

Возвратитесь на суд, ибо эти старцы ложно против нее засвидетельствовали.

И тотчас весь народ возвратился, и сказали старцы Даниилу:

– Садись посреди нас и объяви нам, потому что Бог дал тебе старейшинство.

И сказал Даниил народу:

– Отделите их друг от друга подальше, и я допрошу их.

Когда же они отделены были один от другого, Даниил призвал одного из них и сказал ему:

– Состарившийся в злых днях! ныне обнаружились грехи твои, которые ты делал прежде, производя суды неправедные, осуждая невинных и оправдывая виновных, тогда как Господь говорит: невинного и правого не умерщвляй (Втор. 25, 1). Итак, если ты видел сию женщину, скажи, под каким деревом видел ты их разговаривающими друг с другом?

Он сказал: «под мастиковым». Даниил сказал:

– Точно солгал ты на твою голову, ибо вот, ангел Божий, приняв решение от Бога, рассечет

тебя пополам.

Удалив его, Даниил приказал привести другого, и сказал ему:

– Племя Ханаана, а не Иуды! красота прельстила тебя, и похоть развратила сердце твое. Так поступали вы с дочерьми Израиля, и они из страха имели общение с вами; но дочь Иуды не потерпела беззакония вашего.

Итак, скажи мне: под каким деревом ты застал их разговаривающими между собою?

Он сказал:

– Под зеленым дубом.

Даниил сказал ему:

– Точно ты солгал на твою голову, ибо ангел Божий с мечем ждет, чтобы рассечь тебя пополам, чтобы истребить вас.

Тогда все собрание закричало громким голосом и благословило Бога, спасающего надеющихся на Него, и восстало на обоих старцев, потому что Даниил их устами обличил их, что они ложно свидетельствовали. И поступили с ними так, как они злоумыслили против ближнего, по закону Моисееву, и умертвили их; и спасена была в тот день кровь невинная. А Хелкия и жена его прославили Бога за дочь свою Сусанну с Иоакимом, мужем ее, и со всеми родственниками, потому что не найдено было в ней постыдного дела.

И Даниил стал велик пред народом с того дня и потом – ради мудрости своей и бывших в нем божественных дарований.

В то время Навуходоносор, царь Вавилонский, сказал Асфеназу, начальнику евнухов своих, чтобы он из пленных сынов Израиля из рода царского и княжеского, привел отроков, у которых нет никакого телесного недостатка, красивых видом, и понятливых для всякой науки, и смышленых и годных служить в чертогах царских, и чтобы научил их книгам и языку Халдейскому. И назначил им царь ежедневную пищу с царского стола и вино, которое сам пил, и велел воспитывать их три года, по истечении которых они должны были предстать пред царя. Между ними были из сынов Иудиных Даниил и с ним три других отрока, также царского рода: Анания, Азария и Мисаил. И переименовал их начальник евнухов: Даниила – Валтасаром, Ананию – Седрахом, Мисаила – Мисахом и Азарию – Авденаго. Даниил вместе с тремя товарищами своими положил в сердце своем не оскверняться яствами со стола царского и вином, какое пьет царь, и потому просил начальника евнухов о том, чтобы не оскверняться им. Бог даровал Даниилу милость и благорасположение начальника евнухов, который сказал Даниилу:

– Боюсь я господина моего, царя, который сам назначил вам пищу и питье; если он увидит лица ваши худощавее, нежели у отроков – сверстников ваших, то вы сделаете голову мою виновною пред царем.

Тогда сказал Даниил Амелсару, которого начальник евнухов приставил к Даниилу, Анании, Азарии и Мисаилу:

– Сделай опыт над рабами твоими в течения десяти дней; пусть дают нам в пищу овощи и воду для питья. И потом пусть явятся пред тобою лица наши и лица тех отроков, которые питаются царскою пищею, и затем поступай с рабами твоими, как знаешь.

Он послушался их в этом, и испытывал их десять дней. По истечении же десяти дней, лица их оказались красивее, и телом они были полнее всех тех отроков, которые питались царскими яствами. Тогда Амелсар брал их кушанье и вино для питья, и давал им овощи. И даровал Бог четырем сим отрокам, знание и разумение всякой книги и мудрости, а Даниилу еще даровал разуметь и всякие видения и сны. По окончании тех дней, когда царь приказал представить их, начальник евнухов представил их Навуходоносору. И царь говорил с ними, и из всех отроков не нашлось подобных Даниилу, Анании, Азарии и Мисаилу, – и стали они служить пред царем. И во всяком деле мудрого уразумения, о чем ни спрашивал их царь, он находил их в десять раз выше всех тайноведцев и волхвов, какие были во всем царстве его.

Во второй год царствования своего, Навуходоносор видел сон, и возмутился дух его, и сон удалился от него. И велел царь созвать тайноведцев, гадателей, чародеев и халдеев, чтобы они рассказали царю сон его. Они пришли и стали пред царем. И сказал им царь:

– Сон снился мне, и тревожился дух мой; желаю знать этот сон.

И сказали халдеи царю:

– Царь! во веки живи! Скажи сон рабам твоим, и мы объясним значение его.

Отвечал царь, и сказал халдеям:

– Слово отступило от меня; если вы не скажете мне сновидение и значение его, то в куски будете изрублены, и дома ваши обратятся в развалины.

Халдеи отвечали царю, и сказали:

– Нет на земле человека, который мог бы открыть это дело царю, и потому ни один царь, великий и могущественный, не требовал подобного ни от какого тайноведца, гадателя и халдея. Дело, которого царь требует, так трудно, что никто другой не может открыть его царю, кроме богов, которых обитание не с плотью. Царь страшно разгневался на это, и приказал истребить всех мудрецов Вавилонских. Когда вышло повеление убивать мудрецов, стали разыскивать Даниила и товарищей его, чтобы умертвить их. Тогда Даниил обратился с советом и мудростью к Ариоху, начальнику царских телохранителей, которому было повелено убивать мудрецов Вавилонских и спросил его о причине сего грозного повеления царя. Тогда Ариох рассказал все дело Даниилу. Даниил вошел, и упросил царя дать ему время, для того чтобы представить истолкование сна. Получив просимое, Даниил возвратился в дом свой, и рассказал обо всем Анании, Азарии и Мисаилу, товарищам своим, чтобы они просили милости у Бога об этой тайне, дабы он, Даниил, и товарищи не погибли с прочими мудрецами Вавилонскими. И тогда открыта была тайна Даниилу в ночном видении, и Даниил прославил Бога. После сего Даниил пошел к Ариоху, – которому царь повелел умертвить мудрецов Вавилонских, и сказал ему:

– Не убивай мудрецов Вавилонских; введи меня к царю, и я открою значение сна. Ариох немедленно привел Даниила к царю, и сказал ему:

– Я нашел человека из пленных сынов Иудейских, который может открыть царю значение сна. Царь сказал Даниилу:

– Можешь ли ты сказать мне сон, который я видел и значение его? Даниил отвечал Царю:

– Тайны, о которых царь спрашивает, не могут открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайноведцы, ни гадатели. Но есть на небесах Бог, открывающий тайны, – и Он открыл царю

Навуходоносору, что будет в последние дни; по снисхождению же к нашему смирению, Он и нам открыл сон твой, ибо я узнал о нем не по особенной своей мудрости, но по откровению милосердого Бога. Сон твой и видения главы твоей на ложе твоем были такие. Ты, царь, на ложе твоем думал, что будет после сего (т. е. кто будет после тебя царствовать), – и Открывающий тайны показал тебе что будет. Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан; в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его – из серебра, чрево его и бедра его – медные, голени его железные, ноги его – частью железные, частью – глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались, как прах на летних гумнах, и ветер унес их и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, сделался великого горою, и наполнил всю землю. Вот сон твой, царь. А значение его таково: голова золотая – это ты и бывшие прежде тебя цари Вавилонские. Серебро – означает, что после тебя восстанет другое царство, ниже твоего. После этого будет третье царство – медное, которое будет владычествовать над всею землею. Затем восстанет царство четвертое, которое будет крепко, как железо, ибо как железо разбивает и раздробляет все (и медь, и серебро, и золото), так и оно будет все раздроблять и сокрушать. А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из железа, а частью из глины горшечной – это значит, что царство то будет разделено и отчасти в нем будет твердость железная, но будет нечто и рыхлое. Что же касается до смешения железа с глиною, то это значит, что они попытаются войти в общение посредством брачных союзов; но не соединятся друг с другом, точно так же, как железо не скрепляется глиною. Во дни этих царей Бог Небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится. Оно раздробит и разрушит все эти царства, а само останется на веки, и власть над ним не перейдет к другому народу. Вот что означает сон, и истолкования его верно.

Тогда царь Навуходоносор пал на лице свое и поклонился Даниилу и велел принести ему дары и благовонные курения. И сказал царь Даниилу:

– Истинно Бог ваш есть Бог богов, Господь над господами, и Владыка царей, когда ты мог открыть эту тайну. Тогда возвысил царь Даниила и дал ему много больших подарков, и поставил его над всею областью Вавилонскою, и главным начальником над всеми мудрецами Вавилонскими. Также и товарищей Даниила – Ананию, Азарию и Мисаила – по просьбе Даниила, почтил великими почестями, сделав начальниками страны Вавилонской.

В восемнадцатый год плена Вавилонского Навуходоносор, царь Вавилонский, сделал золотого истукана, вышиною в шестьдесят локтей, шириною в шесть локтей, и поставил его на поле Деире, в области Вавилонской.

И послал царь Навуходоносор собрать сатрапов, наместников, воевод, верховных судей, казнохранителей, законоведцев, блюстителей суда и всех областных правителей, чтобы они пришли на торжественное открытие истукана, который поставил царь Навуходоносор. И собрались сатрапы, наместники, военачальники, верховные судьи, казнохранители, законоведцы, блюстители суда и все областные правители на открытие истукана, и стали пред ним. На том же поле Навуходоносор устроил и раскаленную огнем печь – для погубления тех, кто не стал бы повиноваться его царскому повелению. Тогда глашатай громко воскликнул:

– Объявляется вам, народы, племена и языки! В то время, как услышите звуки трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и всякого рода музыкальных орудий, падите и поклонитесь золотому истукану, который поставил царь Навуходоносор. А кто не падет и не поклонится, тотчас будет брошен в печь, раскаленную огнем.

Посему, когда все народы услышали звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и всякого рода музыкальных орудий, то пали все народы, племена и языки, и поклонились золотому истукану.

В это самое время приступили некоторые из Халдеев и донесли царю на Ананию, Азарию и Мисаила, сказав:

– Богам твоим они не служат и золотому истукану, который ты поставил, не покланяются.

Тогда царь, призвав их, стал спрашивать, правда ли то, что говорят про них? Они же отвечали:

– Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, Он нас избавит. Если же и не будет сего, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, который ты поставил, не поклонимся.

Тогда Навуходоносор исполнился ярости и повелел, разжегши печь в семь раз сильнее, нежели как обыкновенно разжигали ее, бросить в нее связанными Ананию, Азарию и Мисаила. Воля царя была исполнена в точности: мужи эти были скованы и во всей одежде брошены в средину раскаленной печи. При этом, так как повеление царя было весьма строго и печь была раскалена чрезвычайно, то даже исполнители этой казни погибли от огня. А сии три мужа – Анания, Азария и Мисаил, будучи скованы и ввержены в самую средину пламени, не только не потерпели никакого вреда, но и свободно ходили посреди пламени, воспевая Бога, и благословляя Господа. А между тем слуги царя, ввергшие их, не переставали разжигать печь нефтью, смолою, паклею и хворостом; и поднимался пламень над печью на сорок девять локтей; и вырывался, и сожигал тех из халдеев, которых достигал около печи. Но Ангел Господень сошел в печь вместе с Азариею и бывшими с ним. И выбросил пламень огня из печи, и сделал, что в средине печи был как бы шумящий влажный ветер, и огонь нисколько не прикоснулся к ним, и не повредил им, и не смутил их. Тогда сии трое, как бы одними устами, воспели в печи, и благословили и прославили Бога:

– Благословен Ты, Господи, Боже отцов наших, и хвальный и превозносимый во веки и проч. (Дан. 3, 52-90)

Навуходоносор царь, услышав, что они поют, изумился и поспешно встал, и сказал вельможам своим:

– Не троих ли мужей бросили мы в огонь связанными?

Они в ответ сказали царю:

– Истинно так, царь!

На это он сказал:

– Вот я вижу четырех мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда, и вид четвертого подобен Сыну Божию.

Тогда подошел Навуходоносор к устью печи, раскаленной огнем, и сказал:

– Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего, выйдите и подойдите!

Тогда Анания, Азария и Мисаил вышли из среды огня. И собравшись сатрапы, наместники, военачальники и советники царя усмотрели, что над телами мужей сих огонь не имел силы:

волоса на головах их не опалены, одежды их не изменились и даже горелым от них не пахло. И поклонился пред ними царь Богу и сказал:

– Благословен Бог Седраха, Мисаха и Авденаго, Который послал Ангела Своего, и избавил рабов Своих, надеявшихся на Него. И от меня дается повеление, чтобы из всякого народа, племени и языка – кто произнесет хулу на Бога Седраха, Мисаха и Авденаго, был изрублен в куски и дом его обращен в развалины, ибо нет иного Бога, Который мог так спасать рабов Своих.

После того царь почтил трех отроков еще большею честью, возвысив их над всеми и удостоив начальства над прочими Иудеями в его царстве.

Между тем Навуходоносор, благоденствуя на престоле своем, очень возгордился и, спустя немного времени, увидал другой сон, который предзнаменовал его падение и смирение.

Он увидел во сне дерево посреди земли. Большое это было дерево и крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краев всей земли. Листья его были прекрасны, и плодов на нем множество, так что можно было бы всем прокормиться от него; под ним находили тень полевые звери, в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть. И вот, низшел с небес Бодрствующий и Святой. Воскликнув громко, Он сказал: – «Срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него, и разбросайте плоды его; пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его; но главный корень его оставьте в земле, и пусть он, в узах железных и медных, среди полевой травы орошается небесною росою, и с животными пусть обитает в траве земной. Сердце человеческое отнимется от него, и дастся ему сердце звериное, и пройдут над ним семь времен».

Этот сон смутил царя, и он, снова собрав всех мудрецов Вавилонских, гадателей и чародеев, поведал им сновидения свое, чтобы они объяснили ему его значение. Но никто не мог этого сделать, доколе не был призван Даниил, на котором почивал Дух Божий. Услышав сон царя и подумав, Даниил сказал:

– Господин мой! твоим бы ненавистникам этот сон, и врагам твоим значение его. Дерево, которое ты видел, это – ты, царь, возвеличившийся и укрепившийся, и величие твое возросло, и достигло до небес, и власть твоя – до краев земли. Но вскоре ты потеряешь царство: тебя отлучат от людей, и обитание твое будет с полевыми зверями; травою будут кормить тебя, как вола; росою небесною ты будешь орошаем, и так пройдет семь лет, доколе ты не познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим, и дает его, кому хочет. А что повелено было оставить главный корень дерева, – это значит, что царство твое останется при тебе до тех пор, пока ты не познаешь власть небесную. Посему, царь. да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным, – может быть, Бог и простит твои преступления.

Так объяснил святой Даниил сон царю, и сбылось все сказанное им.

По прошествии двенадцати месяцев, расхаживая по царским чертогам в Вавилоне, царь сказал:

– Это ли не величественный Вавилон, который построил я в доме царства силою моего могущества и в славу моего величества!

Еще речь сия была в устах царя, как с неба раздался голос:

– Тебе говорят, царь Навуходоносор: царство отошло от тебя! И отлучат тебя от людей, и будет обитания твое с полевыми зверями; травою будут кормить тебя, как вола, и семь времен

пройдут над тобою, доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим. и дает его, кому хочет.

Тотчас же слово это исполнилось над Навуходоносором: ум его затмился, и он впал в неистовство. Тогда оковали его цепями; и так как он не мог быть спокоен под кровлею дворца, то его оставили под открытым небом, и отлучен он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росою небесною, так что волосы у него выросли как у льва, и ногти как у птицы. По окончании семи лет, в продолжение которых никто другой не смел занять его царство, Навуходоносор возвел глаза свои к небу, и разум его возвратился к нему; и благословил он Всевышнего, восхвалил и прославил Присносущего, Которого владычество – владычество вечное, и Которого царство в роды и роды. «И все, живущие на земле – ничего не значат, – размышлял царь, – по воле своей Он действует как в небесном воинстве, так и среди живущих на земле; и нет никого, кто мог бы противиться руке Его и сказать Ему: что ты сделал?» В то время возвратился к царю разум его, и к славе царства его возвратились к нему сановитость и прежний вид его; тогда взыскали его советники его и вельможи его, и восстановлен он был на царство свое и величие его еще более возвысилось.

И жил Навуходоносор, хваля, благословляя и прославляя Царя Небесного. Царствовал он всего сорок три года и скончался в мире. По смерти Навуходоносора, царство Вавилонское наследовал сын его Евильмеродах. Он освободил из дома темничного пленного царя Иудейского – Иехонию, содержимого там в оковах. И беседовал с ним дружелюбно и поставил престол его выше престолов царей, которые были у него в Вавилоне; переменил темничные одежды его, и он всегда обедал у него, во все дни жизни своей (4 Цар. 25, 27-30; Иер. 52, 31-34).

По смерти Евильмеродаха, воцарился зять Навуходоносора Набонид, сделавший соправителем своим сына своего, Валтасара. В его царствование пророк Даниил удостоился многих видений, в коих, под образом различных зверей, было указано на последующих царей и царства, на антихриста, кончину века и Страшный Суд.

– Видел я, – говорит Даниил, – что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело как снег, и волосы главы Его, как чистая волна; престол Его, как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь.

Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели на судилище, и раскрылись книги (Дан. 7, 9-10).

В одно время царь Валтасар сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих, и пред глазами их пил вино.

Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносор, дед его, вынес из храма Иерусалимского, чтобы пить из них вино царю, вельможам его, женам и наложницам. Тогда принесены были золотые и серебряные сосуды и пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы его.

Пили вино, и славили идолов, золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных, а Бога Вечного, имеющего власть над ними, не прославили. В тот самый час вышли персты руки человеческой, и писали на стене чертога царского, на которую падал свет от светильника, и царь видел кисть руки, которая писала. Тогда царь изменился в лице своем; мысли смутили его, связи чресл его ослабели, и колени его стали биться одно о другое. Сильно закричал царь, чтобы привели обаятелей, халдеев и гадателей, и сказал царь мудрецам Вавилонским:

– Кто прочитает написанное, и объяснит мне значения его, тот будет облечен в багряницу, и золотая цепь будет на шее у него, и третьим властелином будет в царстве.

И вошли все мудрецы царя, но не могли прочитать написанного и объяснить царю значение его. Царь Валтасар чрезвычайно встревожился, и вельможи его смутились. Тогда в палату пиршества вошла царица – бабка Валтасара, жена Навуходоносора и поведала ему о Данииле, имеющем в себе Духа Божия, который во дни деда его Навуходоносора был поставлен начальником над всеми мудрецами, чародеями, халдеями и гадателями – за великий разум и премудрость его и уменье объяснять сны и видения. Тогда введен был Даниил, и царь сказал ему:

– Ты ли Даниил, один из пленных сынов Иудейских, которых дед мой, царь Навуходоносор, привел из Иудеи? Я слышал о тебе, что Дух Божий в тебе, и свет, и разум, и высокая мудрость найдена в тебе. Итак, прочитай мне написанное на стене перстами невидимой руки и объясни значения его, чего не могли сделать многие мудрецы, волхвы и гадатели, приходившие ко мне. Итак, если можешь прочитать написанное и объяснить мне значения его, то облечен будешь в багряницу, и золотая цепь будет на шее твоей, и третьим властелином будешь в моем царстве.

Тогда отвечал Даниил и сказал царю:

– Дары твои пусть останутся у тебя, и почести отдай другому; а написанное я прочитаю царю и значение объясню ему.

Сказав это царю, святой Даниил сначала начал напоминать ему о деде его Навуходоносоре, как тот за свою гордость был наказан Богом – потерял образ человеческий, был отлучен от людей и питался травою. Далее Даниил стал обличать царя за гордость его, что он, позабыв о наказании Божием деда своего, не смирил сердца своего пред Господом, но вознесся против Господа небес и сосуды храма Его осквернил винопитием на пиршестве с вельможами и наложницами своими. Обличал он его также и за то, что тот, славя богов золотых и серебряных, медных, железных, каменных и деревянных, которые ничего не видят, не слышат и не понимают, не прославил Бога, в руках Которого дыхание его и вся судьба его. Обличив во всем этом царя, Даниил обратился к написанному и начал читать. И вот что было написано: мене, текел, фарес. Написанное же Даниил объяснил так: мене – значит исчислил Бог царство твое и положил конец ему; текел – ты взвешен на весах, и найден очень легким; фарес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам. Услышав это, царь, согласно обещанию своему, почтил Даниила, хотя и беспокоился духом из-за печального предсказания. И облекли Даниила в багряницу, возложили златую цепь на шею его и царь возвестил о нем, чтобы он был третьим властелином в царстве его.

Предсказания Даниила сбылось. В ту же самую ночь Валтасар, царь Вавилонский, был убит, а Дарий Мидянин, вместе с Киром Персидским принял царство, будучи шестидесяти двух лет.

Во время своего царствования, Дарий поставил в царстве сто двадцать сатрапов, а над ними трех князей, из которых один был Даниил; эти сатрапы должны были давать им отчеты, чтобы царю не было никакого обременения. Даниил превосходил прочих князей и сатрапов, потому что в нем был высокий дух, и царь помышлял уже поставить его главою над всем царством.

Тогда князья и сатрапы начали искать предлога к обвинению Даниила по управлению царством: но никакого предлога и погрешностей не могли найти, потому что он был верен. И эти люди сказали:

– Не найти нам предлога против Даниила, если мы не найдем его против него в законе Бога

его.

Тогда эти князья и сатрапы приступили к царю, и так сказали ему:

– Царь Дарий! во веки живи! Все князья царства, наместники, сатрапы, советники и военачальники согласились между собою, чтобы сделано было царское постановление и издано повеление: кто в течение тридцати дней будет просить какого-либо бога, или человека, кроме тебя, царь, того бросить в львиный ров, на съедение. Итак, утверди, царь, это определения и подпиши указ, чтобы он был неизменен, как закон Мидийский и Персидский, и не был нарушаем.

Царь Дарий, не поняв лукавого намерения их, подписал указ и это повеление. Даниил, узнав, что подписан такой указ, пошел в дом свой; окна же в горнице его были открыты против Иерусалима, и он три раза в день преклонял колена, и молился своему Богу, и славословил Его, как это делал он и прежде того. Тогда эти люди подсмотрели и нашли Даниила молящимся и просящим милости пред Богом своим. Потом пришли и напомнили царю об его повелении:

– Не ты ли, царь, подписал указ, чтобы всякого человека, который в течение тридцати дней будет просить какого-либо бога или человека, кроме тебя, царь, бросать в львиный ров?

Царь отвечал и сказал:

– Это слово твердо, как закон Мидян и Персов, не допускающий изменения.

Тогда отвечали они и сказали царю, что Даниил, из пленных сынов Иудеи, не обращает внимания ни на царя, ни на указ, им подписанный, но три раза в день молится своими молитвами. Царь, услышав это, сильно опечалился, и положил в сердце своем спасти Даниила, и даже до захождения солнца усиленно старался избавить его. Но те люди приступили к царю и сказали ему:

– Знай, царь, что по закону Мидян и Персов никакое определение или постановление, утвержденное царем, не может быть изменено.

Тогда царь повелел привести Даниила и бросить его в ров львиный; при этом царь сказал Даниилу:

– Бог твой, Которому ты неизменно служишь, спасет тебя!

После того принесен был большой камень и положен на отверстие рва, и царь запечатал его перстнем своим и перстнем вельмож своих, дабы враги Даниила не сделали ему чего-либо хуже: ибо злым людям он доверял не больше, чем лютым зверям. Затем царь пошел в свой дворец, лег спать без ужина, и даже не велел вносить к нему пищи, и сон бежал от него.

Бог же заградил уста львов, и они не сделали никакого вреда Даниилу.

Поутру царь встал на рассвете, и поспешно пошел ко рву львиному. И воскликнул царь громким голосом:

– Даниил, раб Бога живого! Бог твой, Которому ты неизменно служишь, мог ли спасти тебя от львов?

Тогда Даниил сказал царю:

– Царь! во веки живи! Бог мой послал Ангела Своего и заградил пасть львам, и они не повредили мне, потому что я оказался пред Ним чист; да и пред тобою, царь, я не сделал преступления.

Тогда царь чрезвычайно возрадовался о Данииле, и повелел вывести его изо рва; и поднят был Даниил изо рва, и никакого повреждения не оказалось на нем. И приказал царь, и приведены были те люди, которые обвиняли Даниила, и брошены в львиный ров, как они сами, так и дети их и жены их; и еще не достигли они до дна рва, как львы овладели ими, и сокрушили все кости их. После того царь Дарий написал всем народам, племенам и языкам, живущим по всей земле:

– Мир вам да умножится! Мною дается повеление, чтобы во всякой области царства моего трепетали и благоговели пред Богом Даниловым; потому что Он есть Бог живой и присносущий, и царство Его несокрушимо, и владычество Его бесконечно. Он избавляет и спасает., и совершает чудеса и знамения на небе и на земле; Он избавил Даниила от силы львов.

И был Даниил в великой чести у царя Дария как никто более, и царь объявил его своим самым первым другом.

В такой же чести были три товарища Даниила: Анания, Азария и Мисаил.

Иудейский историк Иосиф Флавий повествует о Данииле, что он, как первый сановник, имел великую власть в царстве Персидском, и что в городе Экбатанах он построил знаменитую башню, которая во времена означенного историка, спустя несколько сот лет после постройки, казалась новою, как будто бы сейчас была построена. В этой башне погребались цари Мидийские и Персидские, а охранение ее было поручено одному из Иудейских священников.

После царя Дария царь Кир также имел святого Даниила в великой чести, ибо сделал его наперсником своим и посредником между народом. И жил Даниил вместе с царем и был славнее всех друзей его.

Был у Вавилонян идол, по имени Вил, и издерживали на него каждый день двадцать больших мер пшеничной муки, сорок овец и вина шесть мер. Царь чтил его, и ходил каждый день поклоняться ему; Даниил же покланялся Богу своему. И сказал ему царь:

– Почему ты не покланяешься Вилу?

Он отвечал:

– Потому что я не поклоняюсь идолам, сделанным руками человеческими, но поклоняюсь живому Богу, сотворившему небо и землю и владычествующему над всякою плотью.

Царь сказал:

– Не думаешь ли ты, что Вил не живой Бог? Не видишь ли, сколько он ест и пьет каждый день?

Даниил, улыбнувшись, сказал:

– Не обманывайся, царь; ибо он внутри глина, а снаружи медь, и никогда не ел и не пил.

Тогда царь, разгневавшись, призвал жрецов своих и сказал им:

– Если вы не скажете мне, кто съедает все это, то умрете. Если же вы докажете мне, что

съедает это Вил, то умрет Даниил, потому что произнес хулу на Вила.

И сказал Даниил царю:

– Да будет по слову твоему.

Жрецов Вила было семьдесят, кроме жен и детей. И пришел царь с Даниилом в храм Вила, и сказали жрецы Вила:

– Вот, мы выйдем вон, а ты, царь, поставь пищу, и, налив вина, запри двери, и запечатай перстнем твоим. И если завтра ты придешь, и не найдешь, что все съедено Вилом, то умрем мы, или же умрет Даниил, который солгал на нас.

Они не обращали на это внимания, потому что под столом сделали потаенный вход, и им всегда входили, и съедали пищу. Когда они вышли, царь поставил пищу пред Вилом, а Даниил приказал слугам своим, и они принесли пепел, и посыпали весь храм в присутствии одного царя, и вышедши заперли двери, и запечатали царским перстнем, и ушли. Жрецы же, по обычаю своему, пришли ночью с женами и детьми своими, и все съели и выпили.

На другой день царь встал рано и Даниил с ним, и спросил царь:

– Целы ли печати, Даниил?

– Целы царь, – отвечал тот.

И как скоро отворены были двери, царь, взглянув на стол, воскликнул громким голосом:

– Велик ты, Вил, и нет никакого обмана в тебе!

Даниил, улыбнувшись, удержал царя, чтобы он не входил внутрь, и сказал:

– Посмотри на пол и заметь, чьи это следы?

– Вижу следы мужчин, женщин и детей, – сказал царь. И разгневавшись, царь приказал схватить жрецов, жен их и детей, и они показали потаенные двери, которыми они входили и съедали, что было на столе. Тогда царь повелел умертвить их, а Вила отдал Даниилу, и он разрушил его и храм его (Дан. 14, 3-23).

Был на том месте большой дракон, и Вавилоняне чтили его.

И сказал царь Даниилу:

– Не скажешь ли и об этом, что он медь? Вот он живой, и ест и пьет; ты не можешь сказать, что этот бог не живой; итак, поклонись ему.

Даниил сказал:

– Господу Богу моему покланяюсь, потому что Он Бог живой. Но ты, царь, дай мне позволение, и я умерщвлю дракона без меча и жезла.

Царь сказал:

– Даю тебе.

Тогда Даниил взял смолы, жира и волос, сварил это вместе и, сделав из этого ком, бросил его в пасть дракону, и дракон расселся. И сказал Даниил:

– Вот ваши святыни!

Когда же Вавилоняне услышали о том, сильно вознегодовали и восстали против царя, и сказали:

– Царь сделался Иудеем: Вила разрушил и убил дракона, и предал смерти жрецов.

И пришедши к царю, сказали:

– Предай нам Даниила, иначе мы умертвим тебя и дом твой.

И когда царь увидел, что они сильно настаивают, принужден был предать им Даниила. Они же бросили его в ров львиный, и он пробыл там шесть дней. Во рве было семь львов, и давалось им каждый день по два тела и по две овцы; в это время им не давали этой пищи, чтобы они съели Даниила. Но Бог, как и прежде, заградил уста львов, – и Даниил во рве сидел с ними, как с кроткими агнцами.

Был в Иудее пророк Аввакум, который, сварив похлебку и накрошив хлеба в блюдо, шел на поле, чтобы отнести это жнецам. Но Ангел Господень сказал Аввакуму:

– Отнеси этот обед, который у тебя, в Вавилон к Даниилу, в ров львиный.

Аввакум сказал:

– Господин! Вавилона я никогда не видал, и рва не знаю.

Тогда Ангел Господень взял его за темя и, поднявши его за волосы, поставил в Вавилоне над рвом силою духа своего. И воззвал Аввакум, и сказал:

– Даниил! Даниил! возьми обед, который Бог послал тебе.

Даниил сказал:

– Вспомнил ты обо мне, Боже, и не оставил любящих Тебя.

И встал Даниил, и ел; Ангел же Божий мгновенно поставил Аввакума на его место.

В седьмой день пришел царь, чтобы поскорбеть о Даниеле и, подошедши ко рву, взглянул в него, и вот, Даниил сидел. И воскликнул царь громким голосом и сказал:

– Велик ты, Господь Бог Даниилов, и нет иного, кроме Тебя!

И приказал вынуть Даниила, а виновников его погубления бросить в ров, – и они тотчас были съедены в присутствии его (Дан. 14, 28-42).

Даниил и три друга его достигли до глубокой старости.

Святой Кирилл Александрийский и некоторые другие повествуют, что по смерти Навуходоносора и прочих царей, у которых были в чести Даниил и его товарищи, воцарился другой царь, по имени Камбиз. Узнав об их вере и будучи ими обличен в своем нечестии, он повелел отсечь голову сначала Анании. Азария же, подставив одежду свою, принял ее.

Отсеченную же голову Азарии принял Мисаил, голову же Мисаила, подставив одежду, принял Даниил. Наконец, отсекли голову и Даниилу. Говорят, что по усечении их каждая голова пристала к своему телу и Ангел Господень, взяв тела святых, отнес их на гору Гевал и там они были положены под камнем.

Чрез четыреста же лет, на день воскресения Господа нашего Иисуса Христа, вместе с некоторыми другими и сии воскресли и, явившись многим, снова почили (Мф. 27, 52-53). Память их святыми отцами положено совершать за семь дней до Рождества Христова, потому что и они происходили из колена Иудина, от которого ведет свой род и Спаситель наш, и таким образом приходится по плоти сродником сих святых. Молитвами сих святых да устроит в мире житие наше Христос Бог наш, Которому слава со Отцом и Святым Духом во веки.

Аминь.

Блаженная Матрона Московская

Родилась блаженная Матрона (Матрона Димитриевна Никонова) в 1885 году в селе Себино Епифанского уезда (ныне Кимовского района) Тульской губернии. Село это расположено километрах в двадцати от знаменитого Куликова поля. Родители ее – Димитрий и Наталия, крестьяне – были людьми благочестивыми, честно трудились, жили бедно. В семье было четверо детей: двое братьев – Иван и Михаил, и две сестры – Мария и Матрона. Матрона была младшей. Когда она родилась, родители ее были уже немолоды. При той нужде, в которой жили Никоновы, четвертый ребенок мог стать прежде всего лишним ртом. Поэтому из-за бедности еще до рождения последнего ребенка мать решила избавиться от него. Об убийстве младенца во чреве матери в патриархальной крестьянской семье не могло быть и речи. Зато существовало множество приютов, где незаконнорожденные и необеспеченные дети воспитывались за казенный счет или на средства благотворителей.

Мать Матроны решила отдать будущего ребенка в приют князя Голицина в соседнее село Бучалки, но увидела вещий сон. Еще не родившаяся дочь явилась Наталии во сне в виде белой птицы с человеческим лицом и закрытыми глазами и села ей на правую руку. Приняв сон за знамение, богобоязненная женщина отказалась от мысли отдать ребенка в приют. Дочь родилась слепой, но мать любила свое «дитя несчастное». Священное Писание свидетельствует, что Всеведущий Бог иногда предъизбирает Себе служителей еще до их рождения. Так, Господь говорит святому пророку Иеремии: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя» (Иер. 1, 5).

Господь, избрав Матрону для особого служения, с самого начала возложил на нее тяжелый крест, который она с покорностью и терпением несла всю жизнь.

При крещении девочка была названа Матроной в честь преподобной Матроны Константинопольской, греческой подвижни-цы V века, память которой празднуется 9 (22) ноября.

О богоизбранности девочки свидетельствовало то, что при крещении, когда священник, опустил дитя в купель, присутствующие увидели над младенцем столб благоухающего легкого дыма. Об этом поведал родственник блаженной Павел Иванович Прохоров, присутствовавший при крещении. Священник, отец Василий, которого прихожане почитали как праведника и блаженного, был несказанно удивлен: «Я много крестил, но такое вижу в первый раз, и этот младенец будет свят». Еще отец Василий сказал Наталии: «Если девочка что-то попросит, вы обязательно обратитесь прямо ко мне, идите и говорите прямо, что нужно».

Он добавил, что Матрона встанет на его место и предскажет даже его кончину. Так впоследствии и получилось. Однажды ночью Матронушка вдруг сказала матери, что отец Василий умер. Удивленные и испуганные родители побежали в дом священника. Когда они пришли, то оказалось, что он действительно только что скончался.

Рассказывают и о внешнем, телесном знаке богоизбранности младенца – на груди девочки была выпуклость в форме креста, нерукотворный нательный крестик. Позже, когда ей было уже лет шесть, мать как-то стала ругать ее: «Зачем ты крестик с себя снимаешь?» «Мамочка, у меня свой крестик на груди», – отвечала девочка. «Милая дочка, – опомнилась Наталия, – прости меня! А я-то все тебя ругаю...»

Подруга Наталии позже рассказывала, что, когда Матрона была еще младенцем, мать жаловалась: «Что мне делать? Девка грудь не берет в среду и пятницу, спит в эти дни сутками, разбудить ее невозможно». Матрона была не просто слепая, у нее совсем не было глаз. Глазные впадины закрывались плотно сомкнутыми веками, как у той белой птицы, что видела ее мать во сне. Но Господь дал ей духовное зрение. Еще в младенчестве по ночам, когда родители спали, она пробиралась в святой угол, каким-то непостижимым образом снимала с полки иконы, клала их на стол и в ночной тишине играла с ними.

Матронушку часто дразнили дети, даже издевались на нею: девочки стегали крапивой, зная, что она не увидит, кто именно ее обижает. Они сажали ее в яму и с любопытством наблюдали, как она наощупь выбиралась оттуда и брела домой.

С семи-восьмилетнего возраста у Матронушки открылся дар предсказания и исцеления больных. Дом Никоновых находился поблизости от церкви Успения Божией Матери. Храм красивый, один на семь-восемь окрестных деревень. Родители Матроны отличались глубоким благочестием и любили вместе бывать на богослужениях. Матронушка буквально выросла в храме, ходила на службы сначала с матерью, потом одна, при всякой возможности. Не зная, где дочка, мать обычно находила ее в церкви. У нее было свое привычное место – слева, за входной дверью, у западной стены, где она неподвижно стояла во время службы. Она хорошо знала церковные песнопения и часто подпевала певчим. Видимо, еще в детстве Матрона стяжала дар непрестанной молитвы.

Когда мать, жалея ее, говорила Матронушке: «Дитя ты мое несчастное!» – она удивлялась: «Я-то несчастная? У тебя Ваня несчастный да Миша». Она понимала, что ей дано от Бога гораздо больше, чем другим. Даром духовного рассуждения, прозорливости, чудотворения и исцеления Матрона была отмечена Богом с ранних пор. Близкие стали замечать, что ей ведомы не только

человеческие грехи, преступления, но и мысли. Она чувствовала приближение опасности, предвидела стихийные и общественные бедствия. По ее молитве люди получали исцеление от болезней и утешение в скорбях. К ней стали ходить и ездить посетители. К избе Никоновых шли люди, тянулись подводы, телеги с больными из окрестных сел и деревень, со всего уезда, из других уездов и даже губерний. Привозили лежачих больных, которых девочка поднимала на ноги. Желая отблагодарить Матрону, они оставляли ее родителям продукты и подарки. Так девочка, вместо того чтобы стать обузой для семьи, стала ее главной кормилицей.

Родители Матроны любили ходить в храм вместе. Однажды в праздник мать Матроны одевается и зовет с собой мужа. Но он отказался и не пошел. Дома он читал молитвы, пел. Матрона тоже была дома. Мать же, находясь в храме, все думала о своем муже: «Вот, не пошел». И все волновалась. Литургия закончилась, Наталия пришла домой, а Матрона ей говорит: « Ты, мама, в храме не была». «Как не была? Я только что пришла и вот раздеваюсь!» А девочка замечает: «Вот отец был в храме, а тебя там не было.» Духовным зрением она видела, что мать находилась в храме только телесно.

Как-то осенью Матронушка сидела на завалинке. Мать ей говорит: «Что же ты сидишь, холодно, иди в избу». Матрона отвечает: «Мне дома сидеть нельзя, огонь мне подставляют, вилами колют». Мать недоумевает: «Там нет никого». А Матрона ей поясняет: «Ты же, мама, не понимаешь, сатана меня искушает!» Однажды Матрона говорит матери: «Мама, готовься, у меня скоро будет свадьба». Мать рассказала священнику, тот пришел, причастил девочку (он всегда причащал ее на дому по ее желанию). И вдруг через несколько дней едут и едут повозки к дому Никоновых, идут люди со своими бедами и горестями, везут больных и почему-то все спрашивают Матронушку. Она читала над ними молитвы и очень многих исцеляла. Мать се спрашивает: «Матрюшенька, да что же это такое?» А она отвечает: «Я же тебе говорила, что будет свадьба».

Ксения Ивановна Сифарова, родственница брата блаженной Матроны рассказывала, как однажды Матрона сказала матери: «Я сейчас уйду, а завтра будет пожар, но ты не сгоришь». И действительно, утром начался пожар, чуть ли не вся деревня сгорела, затем ветер перекинул огонь на другую сторону деревни, и дом матери остался цел.

В отрочестве ей представилась возможность попутешествовать. Дочь местного помещика, благочестивая и добрая девица Лидия Янькова, брала Матрону с собой в паломничества: в Киево-Печерскую лавру, Троице-Сергиеву лавру, в Петербург, другие города и святые места России. До нас дошло предание о встрече Матронушки со святым праведным Иоанном Кронштадтским, который по окончании службы в Андреевском соборе Кронштадта попросил народ расступиться перед подходящей к солее 14-летней Матроной и во всеуслышание сказал: «Матронушка, иди-иди ко мне. Вот идет моя смена – восьмой столп России». Значения этих слов матушка никому не объяснила, но ее близкие догадывались, что отец Иоанн провидел особое служение Матронушки России и русскому народу во времена гонений на Церковь. Прошло немного времени, и на семнадцатом году Матрона лишилась возможности ходить: у нее внезапно отнялись ноги. Сама матушка указывала на духовную причину болезни. Она шла по храму после причастия и знала, что к ней подойдет женщина, которая отнимет у нее способность ходить. Так и случилось. «Я не избегала этого – такова была воля Божия».

До конца дней своих она была «сидячей». И сидение ее – в разных домах и квартирах, где она находила приют, – продолжалось еще пятьдесят лет. Она никогда не роптала из-за своего недуга, а смиренно несла этот тяжкий крест, данный ей от Бога.

Еще в раннем возрасте Матрона предсказала революцию, как «будут грабить, разорять храмы и всех подряд гнать». Образно она показывала, как будут делить землю, хватать с жадностью

наделы, лишь бы захватить себе лишнее, а потом все бросят землю и побегут кто куда. Земля никому не нужна будет.

Помещику из их села Себино Янькову Матрона советовала перед революцией все продать и уехать за границу. Если бы он послушал блаженную, то не видел бы разграбления своего имения и избежал ранней, преждевременной смерти, а дочь его – скитаний.

Односельчанка Матроны, Евгения Ивановна Калачкова, рассказывала, что перед самой революцией одна барыня купила дом в Себино, пришла к Матроне и говорит: «Я хочу строить колокольню». «Что ты задумала делать, то не сбудется», – отвечает Матрона. Барыня удивилась: «Как же не сбудется, когда все у меня есть – и деньги, и материалы?» Так ничего с постройкой колокольни и не вышло.

Для церкви Успения Божией Матери по настоянию Матроны (которая уже приобрела известность в округе и просьба которой воспринималась как благословение) была написана икона Божией Матери «Взыскание погибших». Вот как это произошло.

Однажды Матрона попросила мать передать священнику, что у него в библиотеке, в таком-то ряду, лежит книга с изображением иконы «Взыскание погибших». Батюшка очень удивился. Нашли икону, а Матронушка и говорит: «Мама, я выпишу такую икону». Мать опечалилась - чем же платить за нее? Потом Матрона говорит матери:

«Мама, мне все снится икона «Взыскание погибших». Божия Матерь к нам в церковь просится». Матронушка благословила женщин собирать деньги на икону по всем деревням. Среди прочих жертвователей один мужик дал рубль нехотя, а его брат - одну копейку на смех. Когда деньги принесли к Матронушке, она перебрала их, нашла этот рубль и копейку и сказала матери: «Мама, отдай им, они мне все деньги портят».

Когда собрали необходимую сумму, заказали икону художнику из Епифани. Имя его осталось неизвестно. Матрона спросила у него, сможет ли он написать такую икону. Он ответил, что для него это дело привычное.

Матрона велела ему покаяться в грехах, исповедаться и причаститься Святых Христовых Тайн. Потом она спросила: «Ты точно знаешь, что напишешь эту икону?» Художник ответил утвердительно и начал писать.

Прошло много времени, наконец он пришел к Матроне и сказал, что у него ничего не получается. А она отвечает ему: «Иди, раскайся в своих грехах» (духовным зрением она видела, что есть еще грех, который он не исповедал). Он был потрясен, откуда она это знает. Потом снова пошел к священнику, покаялся, снова причастился, попросил у Матроны прощения. Она ему сказала: «Иди, теперь ты напишешь икону Царицы Небесной».

На собранные по деревням деньги по благословению Матроны была заказана в Богородицке и другая икона Божией Матери «Взыскание погибших».

Когда она была готова, ее понесли крестным ходом с хоругвями от Богородицка до самой церкви в Себино.

Матрона ходила встречать икону за четыре километра, ее вели под руки. Вдруг она сказала: «Не ходите дальше, теперь уже скоро, они уже идут, они близко». Слепая от рождения говорила как зрячая: «Через полчаса придут, принесут икону». Действительно, через полчаса показался крестный ход. Отслужили молебен, и крестный ход направился в Себино. Матрона то держалась за икону, то ее вели под руки рядом с ней. Этот образ Божией Матери

«Взыскание погибших» стал главной местной святыней и прославился многими чудотворениями. Когда бывала засуха, его выносили на луг посреди села и служили молебен. После него люди не успевали дойти до своих домов, как начинался дождь.

На протяжении всей жизни блаженную Матрону окружали иконы. В комнате, где она прожила впоследствии особенно долго, было целых три красных угла, а в них - иконы сверху донизу, с горящими перед ними лампадами. Одна женщина, работавшая в храме Ризоположения в Москве, часто ходила к Матроне и вспоминала потом, как та ей говорила: «Я в вашей церкви все иконы знаю, какая где стоит».

Удивляло людей и то, что Матрона имела и обычное, как и у зрячих людей, представление об окружающем мире. На сочувственное обращение близкого к ней человека, Зинаиды Владимировны Ждановой: «Жаль, матушка, что вы не видите красоту мира!» - она как-то ответила: «Мне Бог однажды открыл глаза и показал мир и творение Свое. И солнышко видела, и звезды на небе и все, что на земле, красоту земную: горы, реки, травку зеленую, цветы, птичек...»

Но есть еще более удивительное свидетельство прозорливости блаженной. З. В. Жданова вспоминает:

«Матушка была совершенно неграмотная, а все знала. В 1946 году я должна была защищать дипломный проект «Министерство военно-морского флота» (я тогда училась в архитектурном институте в Москве). Мой руководитель, непонятно за что, все время меня преследовал. За пять месяцев он ни разу не проконсультировал меня, решив «завалить» мой диплом. За две недели до защиты он объявил мне: «Завтра придет комиссия и утвердит несостоятельность вашей работы!» Я пришла домой вся в слезах: отец в тюрьме, помочь некому, мама на моем иждивении, одна надежда была - защититься и работать.

Матушка выслушала меня и говорит: «Ничего, ничего, защитишься! Вот вечером будем пить чай, поговорим!»

Я еле-еле дождалась вечера, и вот матушка говорит: «Поедем мы с тобой в Италию, во Флоренцию, в Рим, посмотрим творения великих мастеров...» И начала перечислять улицы, здания! Остановилась: «Вот палаццо Питти, вот другой дворец с арками, сделай так же, как и там - три нижних этажа здания крупной кладкой и две арки въезда». Я была потрясена ее ведением. Утром прибежала в институт, наложила кальку на проект и коричневой тушью сделала все исправления. В десять часов прибыла комиссия. Посмотрели мой проект и говорят: «А что, ведь проект получился, отлично выглядит - защищайтесь!»

Много людей приезжало за помощью к Матроне. В четырех километрах от Себино жил мужчина, у которого не ходили ноги. Матрона сказала: «Пусть с утра идет ко мне, ползет. Часам к трем доползет, доползет». Он полз эти четыре километра, а от нее пошел на своих ногах, исцеленный.

Однажды к Матроне на Пасхальной седмице пришли женщины из деревни Орловки. Матрона принимала, сидя у окна. Одной она дала просфору, другой – воду, третьей – красное яйцо и сказала, чтобы она это яйцо съела, когда выйдет за огороды, на гумно. Женщина эта положила яйцо за пазуху, и они пошли. Когда вышли за гумно, женщина, как велела ей Матрона, разбила яйцо, а там – мышь. Они испугались и решили вернуться обратно. Подошли к окну, а Матрона говорит: «Что, гадко мыша-то есть?» «Матронушка, ну как же есть-то его?» «А как же ты людям продавала молоко, тем паче сиротам, вдовам, бедным, у которых нет коровы? Мышь была в молоке, ты ее вытаскивала, а молоко давала людям». Женщина говорит: «Матронушка,

да ведь они не видели мышь-то и не знали, я ж ее выбрасывала оттуда». – «А Бог-то знает, что ты молоко от мыша продавала!» Много людей приходило к Матроне со своими болезнями и скорбями. Имея предстательство пред Богом, она помогала многим.

А.Ф. Выборнова, отца которой крестили вместе с Матроной, рассказывает подробности одного из таких исцелений. «Мать моя родом из села Устье, и там у нее был брат. Однажды встает он – ни руки, ни ноги не двигаются, сделались как плети. А он в целительные способности Матроны не верил. За мамой в село Себино поехала дочь брата: «Крестная, поедем скорее, с отцом плохо, сделался как глупый: руки опустил, глаза не смотрят, язык еле шевелится». Тогда моя мать запрягла лошадь и они с отцом поехали в Устье. Приехали к брату, а он на маму посмотрел и еле выговорил «сестра». Собрала она брата и привезла к нам в деревню. Оставила его дома, а сама пошла к Матрюше спросить, можно ли его привезти. Приходит, а Матрюша ей говорит: «Ну что, говорил твой брат, что я ничего не могу, а сам сделался, как плетень». А она его еще не видела! Потом сказала: «Веди его ко мне, помогу». Почитала над ним, дала ему воды, и на него напал сон. Он уснул как убитый и утром встал совсем здоровым. «Благодари сестру, ее вера тебя исцелила», – только и сказала Матрона брату».

Помощь, которую подавала Матрона болящим, не только не имела ничего общего с заговорами, ворожбой, так называемым народным целительством, экстрасенсорикой, магией и прочими колдовскими действиями, при совершении которых «целитель» входит в связь с темной силой, но имела принципиально отличную, христианскую природу. Именно поэтому праведную Матрону так ненавидели колдуны и различные оккультисты, о чем свидетельствуют люди, близко знавшие ее в московский период жизни. Прежде всего Матрона молилась за людей. Будучи угодницей Божией, богато наделенная свыше духовными дарами, она испрашивала у Господа чудесную помощь недугующим. История Православной Церкви знает много примеров, когда не только священнослужители или монахи-аскеты, но и жившие в миру праведники молитвой врачевали нуждающихся в помощи.

Матрона читала молитву над водой и давала ее приходившим к ней. Пившие воду и окроплявшиеся ею избавлялись от различных напастей. Содержание этих молитв неизвестно, но, конечно, тут не могло быть и речи об освящении воды по установленному Церковью чину, на что имеют каноническое право лишь священнослужители. Но также известно, что благодатными целительными свойствами обладает не только святая вода, но и вода некоторых водоемов, источников, колодцев, ознаменованных пребыванием и молитвенной жизнью близ них святых людей, явлением чудотворных икон.

В 1925 году Матрона перебирается в Москву, в которой проживет до конца своих дней. В этом огромном столичном городе было множество несчастных, потерянных, отпавших от веры, духовно больных людей с отравленным сознанием. Живя около трех десятилетий в Москве, она совершала то духовно-молитвенное служение, которое многих отвратило от гибели и привело ко спасению.

Москву блаженная очень любила, говорила, что «это святой город, сердце России». Оба брата Матроны, Михаил и Иван, вступили в партию, Михаил стал сельским активистом. Понятно, что присутствие в их доме блаженной, которая целыми днями принимала народ, делом и примером учила хранить веру православную, становилось для братьев невыносимым. Они опасались репрессий. Жалея их, а также стариков родителей (мать Матроны скончалась в 1945 году), матушка и переехала в Москву. Начались скитания по родным и знакомым, по домикам, квартирам, подвалам. Почти везде Матрона жила без прописки, несколько раз чудом избежала ареста. Вместе с ней жили и ухаживали за ней послушницы – хожалки.

Это был новый период ее подвижнической жизни. Она становится бездомной странницей.

Порой ей приходилось жить у людей, относившихся к ней враждебно. С жильем в Москве было трудно, выбирать не приходилось.

З. В. Жданова рассказывала, какие лишения порой приходилось претерпевать блаженной: «Я приехала в Сокольники, где матушка часто жила в маленьком фанерном домике, отданном ей на время. Была глубокая осень. Я вошла в домик, а в домике – густой, сырой и промозглый пар, топится железная печка-буржуйка. Я подошла к матушке, а она лежит на кровати лицом к стене, повернуться ко мне не может, волосы примерзли к стене, еле отодрали. Я в ужасе сказала: «Матушка, да как же это? Ведь вы же знаете, что мы живем вдвоем с мамой, брат на фронте, отец в тюрьме и что с ним – неизвестно, а у нас – две комнаты в теплом доме, сорок восемь квадратных метров, отдельный вход; почему же вы не попросились к нам?» Матушка тяжело вздохнула и сказала: «Бог не велел, чтобы вы потом не пожалели».

Жила Матрона до войны на Ульяновской улице у священника Василия, мужа ее послушницы Пелагеи, пока он был на свободе. Жила на Пятницкой улице, в Сокольниках (в летней фанерной постройке), в Вишняковском переулке (в подвале у племянницы), жила также у Никитских ворот, в Петровско-Разумовском, гостила у племянника в Сергиевом Посаде (Загорске), в Царицыно. Дольше всего (с 1942 по 1949 год) она прожила на Арбате, в Староконюшенном переулке. Здесь в старинном деревянном особняке, в 48-метровой комнате, жила односельчанка Матроны, Е. М. Жданова с дочерью Зинаидой. Именно в этой комнате три угла занимали иконы, сверху донизу. Перед иконами висели старинные лампады, на окнах – тяжелые дорогие занавески (до революции дом принадлежал мужу Ждановой, происходившему из богатой и знатной семьи). Рассказывают, что некоторые места Матрона покидала спешно, духом предугадывая готовящиеся неприятности, всегда накануне прихода к ней милиции, так как жила без прописки. Времена были тяжелые, и люди боялись ее прописать. Тем она спасала от репрессий не только себя, но и приютивших ее хозяев. Много раз Матрону хотели арестовать. Были арестованы и посажены в тюрьму (или сосланы) многие из ее ближних. Зинаида Жданова была осуждена как участница церковно-монархической группы. Ксения Ивановна Сифарова рассказывала, что племянник Матроны Иван жил в Загорске. И вдруг она мысленно вызывает его к себе. Пришел он к своему начальнику и говорит: «Хочу у вас отпроситься, прямо не могу, надо мне к моей тете ехать». Он приехал, не зная, в чем дело. А Матрона ему говорит: «Давай, давай, перевези меня скорей в Загорск, к теще своей». Только они уехали, как пришла милиция. Много раз так было: только хотят ее арестовать, а она накануне уезжает.

Анна Филипповна Выборнова вспоминает такой случай. Однажды пришел милиционер забирать Матрону, а она ему и говорит: «Иди, иди скорей, у тебя несчастье в доме! А слепая от тебя никуда не денется, я сижу на постели, никуда не хожу.» Он послушался. Поехал домой, а у него жена от керогаза обгорела. Но он успел довести ее до больницы. Приходит он на следующий день на работу, а у него спрашивают: «Ну что, слепую забрал?» А он отвечает: «Слепую я забирать никогда не буду Если б слепая мне не сказала, я б жену потерял, а так я ее все-таки в больницу успел отвезти».

Живя в Москве, Матрона бывала в своей деревне – то вызовут ее по какому-то делу, то соскучится по дому, по матери.

Внешне жизнь ее текла однообразно: днем – прием людей, ночью – молитва. Подобно древним подвижникам, она никогда не укладывалась спать по-настоящему, а дремала, лежа на боку, на кулачке. Так проходили годы. Как-то в 1939 или 1940-м году Матрона сказала: «Вот сейчас вы все ругаетесь, делите, а ведь война вот-вот начнется. Конечно, народу много погибнет, но наш русский народ победит».

В начале 1941 года двоюродная сестра З. В. Ждановой Ольга Носкова спрашивала у матушки совета, идти ли ей в отпуск (давали путевку, а ей не хотелось ехать отдыхать зимой). Матушка сказала: «Нужно идти в отпуск сейчас, потом долго-долго не будет отпусков. Будет война. Победа будет за нами. Москву враг не тронет, она только немного погорит. Из Москвы уезжать не надо».

Когда началась война, матушка просила всех приходящих к ней приносить ивовые ветки. Она их ломала на палочки одинаковой длины, очищала от коры и молилась. Ее ближние вспоминали, что пальцы ее были в ранках. Матрона могла духовно присутствовать в различных местах, для ее духовного взора пространства не существовало. Она часто говорила, что бывает невидимо на фронтах, помогает нашим воинам. Она передала всем, что в Тулу немцы не войдут. Ее пророчество оправдалось.

В день Матронушка принимала до сорока человек. Люди приходили со своими бедами, душевной и телесной болью. Она никому не отказывала в помощи, кроме тех, кто приходил с лукавым намерением. Иные видели в матушке народную целительницу, которая в силах снять порчу или сглаз, но после общения с ней понимали, что перед ними Божий человек, и обращались к Церкви, к ее спасительным таинствам. Помощь ее людям была бескорыстной, она ни с кого ничего не брала.

Молитвы матушка читала всегда громко. Знавшие ее близко говорят о том, что молитвы эти были известные, читаемые в храме и дома: «Отче наш», «Да воскреснет Бог», девяностый псалом, «Господи Вседержителю, Боже сил и всякия плоти» (из утренних молитв). Она подчеркивала, что помогает не сама, а Бог по ее молитвам: «Что, Матронушка – Бог, что ли? Бог помогает!» – отвечает она Ксении Гавриловне Потаповой на просьбу помочь ей.

Исцеляя недужных, матушка требовала от них веры в Бога и исправления греховной жизни. Так, одну посетительницу она спрашивает, верует ли она, что Господь силен ее исцелить. Другой, заболевшей падучей болезнью, велит не пропускать ни одной воскресной службы, на каждой исповедоваться и причащаться Святых Христовых Тайн. Живущих в гражданском браке она благословляет обязательно венчаться в Церкви. Всем обязательно носить нательный крест.

С чем приходили к матушке люди? С обычными бедами: неизлечимая болезнь, пропажа, уход мужа из семьи, несчастная любовь, потеря работы, гонения со стороны начальства… С житейскими нуждами и вопросами. Выходить ли замуж? Менять ли место жительства или службы? Не меньше было болящих, одержимых разными недугами: кто-то внезапно занемог, кто-то ни с того, ни с сего начал лаять, у кого-то руки-ноги свело, кого-то преследуют галлюцинации. В народе таких людей называют «порчеными» колдунами, знахарями, чародеями. Это люди, которым, как говорят в народе, «сделали», которые подверглись особому демоническому воздействию.

Однажды четверо мужчин привели к Матроне старушку. Она махала руками, как ветряная мельница. Когда матушка отчитала ее, она ослабла и исцелилась.

Матрона МосковскаяПрасковья Сергеевна Аносова, часто посещавшая в психиатрической лечебнице своего брата, вспоминает: «Однажды, когда мы ехали к нему, с нами ехал мужчина с женой – дочь из больницы выписывать. Обратно мы опять ехали вместе. Вдруг эта девушка (ей было 18 лет) начала лаять. Я и говорю ее маме: «Жаль мне вас, мы мимо Царицыно едем, давай завезем дочку к Матронушке…» Отец этой девушки, генерал, сначала и слышать ничего не хотел, говорил, что все это выдумки. Но жена его настояла, и мы поехали к Матронушке… И вот стали девушку подводить к Матронушке, а она сделалась как кол, руки как палки, потом стала на Матронушку плевать, вырывалась. Матрона говорит: «Оставьте ее, теперь она уже

ничего не сделает». Девушку отпустили. Она упала, стала биться и кружиться по полу, ее стало рвать кровью. А потом эта девушка уснула и проспала трое суток. За ней ухаживали. Когда она очнулась и увидела мать, то спросила: «Мама, где мы находимся?» Та ей отвечает: «Мы, дочка, находимся у прозорливого человека…» И все ей рассказала, что с ней было. И с этого времени девушка совершенно исцелилась».

З. В. Жданова рассказывает, что в 1946 году в их квартиру, где жила тогда Матрона, привели женщину, которая занимала высокое положение. У нее сошел с ума единственный сын, муж погиб на фронте, сама она, конечно, была безбожницей. Она ездила с больным сыном в Европу, но известные врачи помочь ему не смогли. «Я пришла к вам от отчаяния, – сказала она, – мне идти некуда». Матрона спросила: «Если Господь вылечит твоего сына, поверишь ли ты в Бога?» Женщина сказала: «Я не знаю, как это – верить». Тогда Матрона попросила воды и в присутствии несчастной матери стала громко читать над водой молитву. Подавая ей затем эту воду, блаженная сказала: «Поезжай сейчас в Кащенко (психиатрическая больница в Москве), договорись с санитарами, чтобы они его крепко держали, когда будут выводить. Он будет биться, а ты постарайся плеснуть этой водой ему в глаза и обязательно попади в рот».

Зинаида Владимировна вспоминает: «Через некоторое время мы с братом стали свидетелями, как эта женщина вновь приехала к Матроне. Она на коленях благодарила матушку, говоря, что теперь сын здоров. А дело было так. Она приехала в больницу и все сделала, как матушка велела. Там был зал, куда с одной стороны барьера вывели ее сына, а она подошла с другой стороны. Пузырек с водой был у нее в кармане. Сын бился и кричал: «Мама, выброси то, что у тебя лежит в кармане, не мучай меня!» Ее поразило: откуда он узнал? Она быстро плеснула водой ему в глаза, попала в рот, вдруг он успокоился, глаза стали ясными, и он сказал: «Как хорошо!» Вскоре его выписали».

Часто Матрона накладывала руки на голову и говорила: «Он, он, сейчас я тебе крылышки подрежу, повоюй, повоюй пока!» «Ты кто такой?» – спросит, а в человеке вдруг зажужжит. Матушка опять скажет: «Ты кто?» – и еще сильнее зажужжит, а потом она помолится и промолвит: «Ну, повоевал комар, теперь хватит!» И человек уходит исцеленный.

Помогала Матрона и тем, у кого не ладилась семейная жизнь. Однажды к ней пришла женщина и рассказала, что ее замуж выдали не по любви, и с мужем она плохо живет. Матрона ей отвечает: « А кто виноват? Виновата ты. Потому что у нас Господь глава, а Господь в мужском образе, и мужчине мы, женщины, должны подчиняться, ты должна венец сохранить до конца жизни своей. Виновата ты, что плохо с ним живешь…»

Женщина эта послушала блаженную, и ее семейная жизнь наладилась.

«Матушка Матрона всю жизнь боролась за каждую приходящую к ней душу, – вспоминает Зинаида Жданова, – и одерживала победу. Она никогда не сетовала, не жаловалась на трудности своего подвига. Не могу себе простить, что ни разу не пожалела Матушку, хотя и видела, как ей было трудно, как она болела за каждого из нас. Свет тех дней согревает до сих пор. В доме перед образами теплились лампады, любовь матушки и ее тишина окутывали душу. В доме были святость, радость, покой, благодатное тепло. Шла война, а мы жили как на небе».

Какой запомнилась Матрона близким людям? С миниатюрными, словно детскими, короткими ручками и ножками. Сидящей, скрестив ножки, на кровати или сундуке. Пушистые волосы на прямой пробор. Крепко сомкнутые веки. Доброе светлое лицо. Ласковый голос.

Она утешала, успокаивала болящих, гладила их по голове, осеняла крестным знамением, иногда шутила, порой строго обличала и наставляла. Она не была строгой, была терпима к

человеческим немощам, сострадательна, тепла, участлива, всегда радостна, никогда не жаловалась на свои болезни и страдания. Матушка не проповедовала, не учительствовала. Давала конкретный совет, как поступить в той или иной ситуации, молилась и благословляла.

Она вообще была немногословна, кратко отвечала приходящим на вопросы. Остались некоторые ее наставления общего характера.

Матушка учила не осуждать ближних. Она говорила: «Зачем осуждать других людей? Думай о себе почаще.

Каждая овечка будет подвешена за свой хвостик. Что тебе до других хвостиков?» Матрона учила предавать себя в волю Божию. Жить с молитвой. Часто налагать на себя и окружающие предметы крестное знамение, ограждаясь тем самым от злой силы. Советовала чаще причащаться Святых Христовых Тайн. «Защищайтесь крестом, молитвою, святой водой, причащением частым… Перед иконами пусть горят лампады».

Учила также любить и прощать старых и немощных. «Если вам что-нибудь будут неприятное или обидное говорить старые, больные или кто из ума выжил, то не слушайте, а просто им помогите. Помогать больным нужно со всем усердием и прощать им надо, что бы они ни сказали и ни сделали».

Матронушка не позволяла придавать значения снам: «Не обращай на них внимания, сны бывают от лукавого – расстроить человека, опутать мыслями».

Матрона предостерегала не бегать по духовникам в поисках «старцев» или «прозорливцев». Бегая по разным отцам, говорила она, можно потерять духовную силу и правильное направление жизни.

Вот ее слова: «Мир лежит во зле и прелести, и прелесть – прельщение душ – будет явная, остерегайся». «Если идете к старцу или священнику за советом, молитесь, чтобы Господь умудрил его дать правильный совет».

Учила не интересоваться священниками и их жизнью. Желающим христианского совершенства советовала не выделяться внешне среди людей (черной одеждой и т. д.). Она учила терпению скорбей. З. В. Ждановой она говорила: «Ходи в храм и ни на кого не смотри, молись с закрытыми глазами или смотри на какой-нибудь образ, икону». Подобное наставление есть также у преподобного Серафима Саровского и других святых отцов. Вообще в наставлениях Матроны не было ничего, что шло бы вразрез со святоотеческим учением.

Матушка говорила, что краситься, то есть употреблять декоративную косметику – большой грех: человек портит и искажает образ естества человеческого, дополняет то, чего не дал Господь, создает поддельную красоту, это ведет к развращению.

Про девушек, которые уверовали в Бога, Матрона говорила: «Вам, девицам, Бог все простит, если будете преданы Богу. Кто себя обрекает не выходить замуж, та должна держаться до конца. Господь за это венец даст».

Матронушка говорила: «Враг подступает – надо обязательно молиться. Внезапная смерть бывает, если жить без молитвы. Враг у нас на левом плече сидит, а на правом – ангел, и у каждого своя книга: в одну записываются наши грехи, в другую – добрые дела. Чаще креститесь! Крест – такой же замок, как на двери». Она наставляла не забывать крестить еду. «Силою Честнаго и Животворящаго Креста спасайтесь и защищайтесь!» О колдунах матушка говорила: «Для того, кто вошел добровольно в союз с силой зла, занялся чародейством, выхода

нет. Нельзя обращаться к бабкам, они одно вылечат, а душе повредят».

Матушка часто говорила близким, что сражается с колдунами, со злой силой, невидимо воюет с ними. Однажды пришел к ней благообразный старик, с бородой, степенный, пал перед ней на колени весь в слезах и говорит: «У меня умирает единственный сын». А матушка наклонилась к нему и тихо спросила: «А ты как ему сделал? На смерть или нет?» Он ответил: «На смерть». А матушка говорит: «Иди, иди от меня, незачем тебе ко мне приходить». После его ухода она сказала: «Колдуны Бога знают! Если бы вы так молились, как они, когда вымаливают у Бога прощение за свое зло!»

Матушка почитала покойного священника Валентина Амфитеатрова. Говорила, что он велик перед Богом и что на могилке своей он помогает страждущим, некоторых из своих посетителей посылала за песочком с его могилы.

Массовое отпадение людей от Церкви, воинствующее богоборчество, нарастание отчуждения и злобы между людьми, отвержение миллионами традиционной веры и греховная жизнь без покаяния привели многих к тяжким духовным последствиям. Матрона это хорошо понимала и чувствовала.

В дни демонстрации матушка просила всех не выходить на улицу, закрывать окна, форточки, двери – полчища демонов занимают все пространство, весь воздух и охватывают всех людей. (Может быть, блаженная Матрона, часто говорившая иносказательно, хотела напомнить о необходимости держать закрытыми от духов злобы «окна души» – так святые отцы называют человеческие чувства.)

З. В. Жданова спросила матушку: «Как же Господь допустил столько храмов закрыть и разрушить?» (Она имела в виду годы после революции.) А матушка отвечала: «На это воля Божия, сокращено количество храмов потому, что верующих будет мало и служить будет некому». «Почему же никто не борется?» Она: «Народ под гипнозом, сам не свой, страшная сила вступила в действие... Эта сила существует в воздухе, проникает везде. Раньше болота и дремучие леса были местом обитания этой силы, потому что люди ходили в храмы, носили крест и дома были защищены образами, лампадами и освящением. Бесы пролетали мимо таких домов, а теперь бесами заселяются и люди по их неверию и отвержению от Бога». Желая приоткрыть завесу над ее духовной жизнью, некоторые любопытные посетители старались подсмотреть, что Матрона делает по ночам. Одна девушка видела, что она всю ночь молилась и клала поклоны...

Живя у Ждановых в Староконюшенном переулке, Матронушка исповедовалась и причащалась у священника Димитрия из храма на Красной Пресне. Непрестанная молитва помогала блаженной Матроне нести крест служения людям, что было настоящим подвигом и мученичеством, высшим проявлением любви. Отчитывая бесноватых, молясь за каждого, разделяя людские скорби, матушка так уставала, что к концу дня не могла даже говорить с близкими и только тихо стонала, лежа на кулачке. Внутренняя, духовная жизнь блаженной все же осталась тайной даже для близких к ней людей, останется тайной и для остальных. Не зная духовной жизни матушки, тем не менее люди не сомневались в ее святости, в том, что она была настоящей подвижницей. Подвиг Матроны заключался в великом терпении, идущем от чистоты сердца и горячей любви к Богу. Именно о таком терпении, которое будет спасать христиан в последние времена, пророчествовали святые отцы Церкви. Как настоящая подвижница, блаженная учила не словами, а всей своей жизнью. Слепая телесно, она учила и продолжает учить истинному духовному зрению. Не имевшая возможности ходить, она учила и учит идти по трудному пути спасения.

В своих воспоминаниях Зинаида Владимировна Жданова пишет: «Кто такая была Матронушка? Матушка была воплощенный ангел-воитель, будто меч огненный был в ее руках для борьбы со злой силой. Она лечила молитвой, водой... Она была маленькая, как ребенок, все время полулежала на боку, на кулачке. Так и спала, по-настоящему никогда не ложилась. Когда принимала людей, садилась, скрестив ножки, две ручки вытянуты прямо над головой пришедшего в воздухе, наложит пальчики на голову стоящего перед ней на коленях человека, перекрестит, скажет главное, что надобно его душе, помолится.

Она жила, не имея своего угла, имущества, запасов. Кто пригласит, у того она и жила. Жила на приношения, которыми сама не могла распоряжаться. Была в послушании у злой Пелагеи, которая всем распоряжалась и раздавала все, что приносили матушке, своим родственникам. Без ее ведома матушка не могла ни пить, ни есть...

Матушка, казалось, знала все события наперед. Каждый день прожитой ею жизни - поток скорбей и печалей приходящих людей. Помощь больным, утешение и исцеление их. Исцелений по ее молитвам было много.

Возьмет двумя руками голову плачущего, пожалеет, согреет святостью своей, и человек уходит окрыленный. А она, обессиленная, только вздыхает и молится ночи напролет. У нее на лбу была ямка от пальчиков, от частого крестного знамения. Крестилась она медленно, усердно, пальчики искали ямку...»

Во время войны много было случаев, когда она отвечала приходившим на их вопросы - жив или нет. Кому-то скажет - жив, ждите. Кому-то - отпевать и поминать.

Можно предполагать, что к Матроне приезжали и те, кто искал духовного совета и руководства. О матушке знали многие московские священники, монахи Троице-Сергиевой лавры. По неведомым судьбам Божиим не оказалось рядом с матушкой внимательного наблюдателя и ученика, способного приоткрыть завесу над ее духовным деланием и написать об этом в назидание потомкам.

Часто ездили к ней земляки из ее родных мест, тогда из всех окрестных деревень ей писали записочки, а она отвечала на них. Приезжали к ней и за двести, и за триста километров, а она знала имя человека. Бывали и москвичи, и приезжие из других городов, прослышавшие о прозорливой матушке. Люди разного возраста: и молодые, и старые, и люди средних лет. Кого-то она принимала, а кого-то нет. С некоторыми говорила притчами, с другими - простым языком.

Зинаида как-то пожаловалась матушке: «Матушка, нервы...» А она: «Какие нервы, вот ведь на войне и в тюрьме нет нервов... Надо владеть собой, терпеть».

Матушка наставляла, что лечиться нужно обязательно. Тело - домик,. Богом данный, его нужно ремонтировать. Бог создал мир, травы лечебные, и пренебрегать этим нельзя.

Своим близким матушка сочувствовала: «Как мне вас жаль, доживете до последних времен. Жизнь будет хуже и хуже. Тяжкая. Придет время, когда перед вами положат крест и хлеб, и скажут - выбирайте!» «Мы выберем крест, - отвечали они, - а как же тогда можно жить будет?» «А мы помолимся, возьмем земельки, скатаем шарики, помолимся Богу, съедим и сыты будем!»

В другой раз она говорила, подбадривая в тяжелой ситуации, что не надо ничего бояться, как бы ни было страшно. «Возят дитя в саночках, и нет никакой заботы! Господь сам все управит!»

Матронушка часто повторяла: «Если народ теряет веру в Бога, то его постигают бедствия, а

если не кается, то гибнет и исчезает с лица земли. Сколько народов исчезло, а Россия существовала и будет существовать.

Молитесь, просите, кайтесь! Господь вас не оставит и сохранит землю нашу!»

Последний земной приют Матронушка нашла на подмосковной станции Сходня (улица Курганная, дом 23), где поселилась у дальней родственницы, покинув комнату в Староконюшенном переулке. И сюда тоже потоком шли посетители и несли свои скорби. Лишь перед самой кончиной матушка, уже совсем слабая, ограничила прием. Но люди все равно шли, и некоторым она не могла отказать в помощи. Говорят, что о времени кончины ей было открыто Господом за три дня, и она сделала все необходимые распоряжения.

Матушка просила, чтобы ее отпели в церкви Ризоположения. (В это время служил там любимый прихожанами священник Николай Голубцов. Он знал и почитал блаженную Матрону.) Она не велела приносить на похороны венки и пластмассовые цветы.

До последних дней жизни она исповедовалась и причащалась у приходивших к ней священников. По своему смирению она, как и обыкновенные грешные люди, боялась смерти и не скрывала от близких своего страха.

Перед смертью пришел ее исповедовать священник, отец Димитрий, она очень волновалась, правильно ли сложила ручки. Батюшка спрашивает: «Да неужели и вы боитесь смерти?» «Боюсь».

2 мая 1952 года она почила. 3 мая в Троице-Сергиевой лавре на панихиду была подана записка о упокоении новопреставленной блаженной Матроны. Среди множества других она привлекла внимание служащего иеромонаха. «Кто подал записку? - взволнованно спросил он.- Что, она умерла?» (Многие насельники Лавры хорошо знали и почитали Матрону.) Старушка с дочерью, приехавшие из Москвы, подтвердили: накануне матушка скончалась, и нынче вечером гроб с телом будет поставлен в московской церкви Ризоположения на Донской улице. Так лаврские монахи узнали о кончине Матроны и смогли приехать на ее погребение. После отпевания, которое совершил отец Николай Голубцов, все присутствующие подходили и прикладывались к ее рукам.

4 мая в Неделю жен-мироносиц при большом стечении народа состоялось погребение блаженной Матроны. По ее желанию она была погребена на Даниловском кладбище, чтобы «слышать службу» (там находился один из немногих действующих московских храмов). Отпевание и погребение блаженной были началом ее прославления в народе как угодницы Божией.

Блаженная предсказывала: «После моей смерти на могилку мою мало будет ходить людей, только близкие, а когда и они умрут, запустеет моя могилка, разве изредка кто придет… Но через много лет люди узнают про меня и пойдут толпами за помощью в своих горестях и с просьбами помолиться за них ко Господу Богу, и я всем буду помогать и всех услышу».

Еще перед смертью она сказала: «Все, все приходите ко мне и рассказывайте, как живой, о своих скорбях, я буду вас видеть, и слышать, и помогать вам». А еще матушка говорила, что все, кто доверит себя и жизнь свою ее ходатайству ко Господу, спасутся. «Всех, кто обращается ко мне за помощью, я буду встречать при их смерти, каждого».

Более чем через тридцать лет после кончины матушки, ее могилка на Даниловском кладбище сделалась одним из святых мест православной Москвы, куда приезжали люди со всех концов России и из-за рубежа со своими бедами и болезнями.

Блаженная Матрона была православным человеком в глубоком, традиционном значении этого слова. Сострадание к людям, идущее из полноты любящего сердца, молитва, крестное знамение, верность святым уставам Православной Церкви - вот что было средоточием ее напряженной духовной жизни. Природа ее подвига своими корнями уходит в многовековые традиции народного благочестия. Поэтому и помощь, которую люди получают, молитвенно обращаясь к праведнице, приносит духовные плоды: люди утверждаются в православной вере, воцерковляются внешне и внутренне, приобщаются к повседневной молитвенной жизни. Матрону знают десятки тысяч православных людей. Матронушка - так ласково называют ее многие. Она - так же, как при земной своей жизни, помогает людям. Это чувствуют все те, кто с верою и любовью просит ее о заступничестве и ходатайстве перед Господом, к Которому блаженная старица имеет великое дерзновение.

Святая Блаженная Ксения Петербургская

К числу лиц истинно-юродивых Христа ради, к числу истинно-блаженных, прошедших весь путь нравственного самоусовершенствования и всецело посвятивших себя на служение Господу Богу, бесспорно принадлежит и столь всем известная и глубоко чтимая подвижница XVIII века Ксения Григорьевна Петрова, почивающая на Смоленском кладбище в Петербурге. К великому прискорбию всех почитателей рабы Божией Блаженной Ксении, память народная не сохранила нам решительно никаких известий о том, кто была Ксения по происхождению, кто были ее родители, где она получила образование и воспитание. Можно лишь с вероятностью предполагать, что по происхождению своему Ксения была рода не простого, ибо была она замужем за Андреем Феодоровичем Петровым, состоявшим в ранге полковника и служившим придворным певчим. Память народная, как мы сказали, не знает Ксению Григорьевну как женщину обычную, жившую обыкновенными человеческими интересами. И, действительно, мало ли людей на Божьем свете, мало ли их было и в Петербурге? Где же их всех запомнить! Есть среди людей и много лиц замечательных, известных и при жизни и по смерти какими-либо выдающимися талантами, особливыми заслугами и перед родиной и перед Церковью Православной, но многие ли из них навсегда остаются в памяти народа? Нет, весьма и весьма немногие! Как все человеческое - и знаменитые некогда лица и их заслуги мало-помалу заволакиваются как бы туманом и, наконец, совершенно исчезают из памяти народа, совершенно забываются. Лишь мемуары истории надолго сохраняют известия, и то только о некоторых, особенно выдающихся деятелях. Но Ксения Григорьевна, будучи женой полковника, ничем не выделялась из среды других, современных ей женщин, не совершила она

и никаких особенных заслуг ни перед Церковью Православной, ни перед своей родиной, а потому и память народная не сохранила о ней, за первые годы ее жизни, решительно никаких известий. Взамен этого память народная хорошо знает и твердо помнит Ксению Григорьевну, как женщину Христа ради юродивую, как подвижницу Божию, как Блаженную. Твердо помнит народная память и причину, послужившую для Ксении поводом к полному отрешению ее от мира, от всех мирских радостей, удовольствий, привязанностей. Причиной этой была совершенно неожиданная, внезапная смерть горячо любимого, цветущего здоровьем мужа Ксении Григорьевны – Андрея Феодоровича Петрова. Этот неожиданный удар так сильно поразил Ксению Григорьевну, так повлиял на молодую 26-летнюю, бездетную вдову, что она сразу как бы забыла все земное, человеческое, все радости и утехи, и вследствие этого многим казалась как бы сумасшедшей, лишившейся рассудка... Так на нее стали смотреть даже ее родные и знакомые, и особенно после того, как Ксения раздала решительно все свое имущество бедным, а дом подарила своей хорошей знакомой, Параскеве Антоновой. Родные Ксении подали даже прошение начальству умершего Андрея Феодоровича, прося не позволять Ксении в безумстве раздавать свое имущество. Начальство умершего Петрова вызвало Ксению к себе, но из разговоров с ней вполне убедилось, что Ксения совершенно здорова, а потому имеет право распорядиться своим имуществом, как ей угодно. Так смотрели плотские люди на рабу Божию Ксению, не понимая того, что в душе ее со времени смерти мужа совершался великий переворот: происходило полное перерождение плотской женщины в женщину духовную. И, действительно, неожиданная смерть горячо любимого мужа, в котором сосредоточивалась вся цель и весь интерес ее жизни, ясно показала Ксении, сколь непрочно и сколь суетно земное участие. Она сразу поняла, что истинного счастья на земле быть не может, что все земное служит лишь помехой, препятствием для достижения истинного счастья на небе в Боге. Вот почему раба Божия Ксения тотчас же, по смерти мужа, решилась освободиться от всего земного, от всех мирских привязанностей: имущество свое раздала бедным, дом подарила г-же Антоновой, а сама осталась решительно ни с чем, дабы ничто уже не служило ей препятствием к достижению истинного счастья на небе, в Боге. Для достижения же этого счастья она избрала тяжелый путь юродства Христа ради. Облачившись в костюм мужа, т.е. надевши на себя его белье, кафтан, камзол, она стала всех уверять, что Андрей Феодорович вовсе не умирал, а умерла его супруга Ксения Григорьевна и уже никогда потом не откликалась, если ее называли Ксенией Григорьевной, и всегда охотно отзывалась, если ее называли Андреем Феодоровичем. Какого-либо определенного местожительства Ксения не имела. Большею частью она целый день бродила по Петербургской стороне и по преимуществу в районе прихода церкви св. апостола Матфея, где в то время жили в маленьких деревянных домиках небогатые люди. Странный костюм бедной, едва обутой женщины, не имевшей места, где главу приклонить, ее иносказательные разговоры, ее полная кротость, незлобие – давали нередко злым людям и особенно уличным мальчишкам повод и смелость глумиться, смеяться над Блаженной. Но перед Блаженной всегда был образ великого, безвинного Страдальца – Христа, безропотно сносившего и поругания, и оплевания, и заушения, и распятие, и смерть. Вот почему и Блаженная так же безропотно сносила всякого рода глумления над собою. Лишь однажды, когда Ксения уже стала почитаться за угодницу Божию, жители Петербургской стороны видели ее в страшном гневе. Уличные мальчишки, завидя юродивую, по обычаю стали над ней смеяться, дразнить ее. Блаженная, по обычаю, безропотно сносила это. Но злые дети не ограничились одними издевательствами. Видя безропотность и беззащитность Блаженной, они наряду с издевательствами стали бросать в нее грязью, камнями... Тогда, по-видимому, и у Блаженной не хватило терпения. Как вихрь бросилась она за злыми мальчишками, грозя им своею палкою, которую всегда она носила с собою. Жители Петербургской стороны, увидя Блаженную в страшном гневе, пришли в ужас от поступка беспризорных, злых детей и тотчас же приняли все меры к тому, чтобы никто не обижал Блаженную. Мало-помалу к странностям Блаженной привыкли, мало-помалу поняли, что она не простая побирушка-нищая, а какая-то особенная. Многие поэтому стали жалеть ее,

старались чем-либо помочь ей. Эта жалость особенно стала проявляться с того времени, как камзол и кафтан мужа на Блаженной совершенно истлели, и она стала одеваться, зимой и летом, в жалкие лохмотья, а на босых ногах, распухших и красных от мороза, носила рваные башмаки. Видя едва одетую, измокшую или озябшую юродивую, многие давали ей теплую одежду, обувь, милостыню, но Ксения ни за что не соглашалась надеть на себя теплую одежду, и всю жизнь проходила в жалких лохмотьях – красной кофточке и зеленой юбке, или наоборот в зеленой кофточке и красной юбке. Милостыню она также не принимала, а брала лишь от добрых людей «царя на коне» (копейки с изображением всадника), и тотчас же отдавала этого «царя на коне» таким же беднякам, как и сама она. Бродя целыми днями по грязным, немощеным улицам Петербурга, Ксения изредка заходила к своим знакомым, обедала у них, беседовала, а затем снова отправлялась странствовать. Где она проводила ночи, долгое время оставалось неизвестным. Этим заинтересовались не только жители Петербургской стороны, но и местная полиция, для которой неизвестность местопребывания Блаженной по ночам казалась даже подозрительной. Решено было во что бы то ни стало разузнать, где проводит ночи эта странная женщина и что она тогда делает. И жители Петербургской стороны, и местная полиция сумели удовлетворить свое любопытство и успокоиться. Оказалось, что Ксения, несмотря ни на какое время года, несмотря ни на какую погоду, уходит на ночь в поле, коленопреклонно становится здесь на молитву и не встает уже с этой молитвы до самого восхода солнца, попеременно делая земные поклоны на все четыре стороны света. В другой раз рабочие, производившие постройку новой каменной церкви на Смоленском кладбище, стали замечать, что ночью, во время их отсутствия, кто-то натаскивает на верх строящейся церкви целые горы кирпича. Долго дивились этому рабочие, долго недоумевали, откуда берется кирпич на верху строящейся церкви. Наконец, решили разузнать, кто мог быть этот даровой, неутомимый работник, каждую ночь таскающий для них кирпич. Оказалось, что этот неутомимый работник была раба Божия Блаженная Ксения. Может быть, много и других, неведомых миру подвигов совершала Блаженная. К сожалению, при ней не было никого, кто мог бы быть свидетелем этих подвигов. В одиночестве совершала она жизненный путь свой. Между тем, путь этот был длинный: целых 45 лет жила она после смерти своего мужа, целых 45 лет вела она неустанную борьбу с врагом человечества – диаволом и с гордостью житейской! Где, почти необутая и еле одетая, Блаженная Ксения во все время своего странствования давала отдых, покой своему телу, – осталось известным одному только Господу Богу. Мы можем лишь удивляться тому, как могла она, старенькая и слабая, выдерживать наши проливные, пронизывающие до костей, осенние дожди, наши страшные, трескучие морозы, когда на лету мерзнут птицы, и легко застывают хорошо одетые, молодые, здоровые люди! Нужно было обладать или организмом сверхчеловеческим, или носить в себе такой сильный, внутренний, духовный жар, такую глубокую, несомненную веру, при которой и невозможное становится возможным. Но, припоминая великих угодников Божиих, которые силою своей веры творили дивные, непосильные и непонятые для человеческого ума чудеса, не будем и подвиги Блаженной считать небывалыми, невозможными для человека во плоти. А что Ксения Блаженная действительно имела такую веру, при которой все возможно, что она, живя телом в мире, душой своей всегда витала выше мира и пребывала всегда в живом, непосредственном общении с Богом, видно уже из того чудесного дара предвидения будущего, которым наделил Господь Свою угодницу, и благодаря которому Блаженная наперед знала о таких событиях, которые не могут быть предугаданы и предсказаны умом человеческим.

Вот те случаи обнаружения дара прозорливости рабы Божией Ксении, которые надежно хранит народная память.

Однажды приходит в гости к купчихе Крапивиной Блаженная Ксения. Радушно встреченная хозяйкой и другими лицами, бывшими в квартире г-жи Крапивиной, Ксения несколько времени беседовала с ними, поблагодарила хозяйку за угощение, и, когда стала прощаться, то,

указывая на Крапивину, сказала: «Вот, зелена крапива, а скоро, скоро завянет». Ни Крапивина, ни ее гости не придали какого-либо особого значения словам Блаженной, но оказалось, что в скором же времени молодая, цветущая здоровьем г-жа Крапивина неожиданно заболела и умерла. Тут только гости Крапивиной вспомнили слова Блаженной: «зелена крапива, но скоро завянет», и поняли, что этими словами она предсказала близкую кончину Крапивиной. В другой раз приходит Ксения к своей хорошей знакомой, г-же Параскеве Антоновой, которой она раньше подарила свой дом, и говорит ей: «Вот ты тут сидишь да чулки штопаешь, и не знаешь, что тебе Бог сына послал! Иди скорее на Смоленское кладбище!»

Антонова, с молодых годов хорошо знакомая с Блаженной, отлично знала, что с уст Ксении никогда не сходит слово неправды, а потому и теперь, несмотря на странность ее слов, тотчас же поверила, что, должно быть действительно, что-нибудь случилось особенное, и поспешно побежала на Смоленское кладбище. На одной из улиц Васильевского острова, вблизи Смоленского кладбища, Антонова увидала большую толпу народа. Влекомая любопытством, Антонова подошла к толпе и постаралась разузнать, что тут случилось. Оказалось, что какой-то извозчик сбил с ног беременную женщину, которая тут же на улице разрешилась от бремени мальчиком, а сама немедленно скончалась. Сжалившись над ребенком, Параскева Антонова тотчас же взяла ребенка к себе. Узнать, кто была его умершая мать, кто был его отец, несмотря на усиленные старания как Петербургской полиции, так и самой Антоновой, не удалось, и ребенок остался на руках у г-жи Антоновой. Она дала ему прекрасное образование и воспитание. Впоследствии он сделался видным чиновником и до самой смерти берег и покоил свою приемную мать, будучи для нее самым почтительным и горячо любящим сыном. С глубоким благоговением относился он также и к памяти рабы Божией Блаженной Ксении, которая так много добра оказала его приемной матери и такое участие приняла в судьбе его, едва родившегося и уже оставшегося полным сиротой, ребенка.

Недалеко от часовни рабы Божией Ксении находится могила Евдокии Денисьевны Гайдуковой, скончавшейся в 1827 году. Эта Гайдукова принадлежала к числу тех лиц, которых любила и иногда посещала раба Божия Ксения. Однажды зашла к ней Блаженная Ксения в предобеденное время. Обрадованная ее приходом, Евдокия Денисьевна тотчас же поспешила накрыть на стол, усадила за стол Ксению и стала угощать ее чем Бог послал.

Кончился обед. Евдокия Денисьевна стала благодарить Ксению за ее посещение и извиняться за плохое угощение.

«Не взыщи, – говорила она, – голубчик Андрей Феодорович, больше мне угостить тебя нечем, ничего сегодня не готовила».

«Спасибо, матушка, спасибо за твое угощение, – отвечала Ксения, – только лукавить-то зачем? Ведь побоялась же ты дать мне уточки!»

Сильно сконфузилась Евдокия Денисьевна; в печи у ней, действительно, была жареная утка, которую она приберегала для отсутствующего мужа. Тотчас же бросилась Евдокия Денисьевна к печке и стала вынимать оттуда утку.

Но Ксения тотчас же остановила ее: «Нет, нет, что ты? Не надо, не надо, я не хочу утки. Ведь я знаю, что ты радехонька меня всем угостить, да боишься своей кобыльей головы. Зачем же его сердить?»

Кобыльей головой Ксения называла мужа Евдокии Денисьевны, которого очень не любила за его пьянство, грубый характер и за скверную ругань в пьяном виде.

К числу знакомых рабы Божией Ксении, к которым она иногда наведывалась, принадлежало также семейство Голубевых, состоявшее из матери-вдовы и 17-летней красавицы-дочки. Ксения очень любила эту девушку за ее кроткий, тихий нрав и доброе сердце. Однажды заходит к ним в гости Ксения. Мать и дочь сидели за столом, и готовили кофе. «Эх, красавица, – сказала Ксения, обращаясь девушке, – ты вот тут кофе варишь, а муж твой жену хоронит на Охте. Беги скорее туда.»

«Как так?! – отвечала девушка, – у меня не только мужа, но и жениха-то нет. А тут какой-то муж, да еще жену хоронит?»

«Иди», – сердито отвечала Ксения, не любившая каких-либо возражений.

Голубевы, хорошо знавшие, что Ксения никогда не говорит чего-либо напрасно, и почитая ее за угодницу Божию, тотчас же послушались приказания Блаженной и отправились на Охту. Здесь они увидели, что к кладбищу направляется похоронная процессия. Голубевы замешались в толпу провожавших и пошли вместе с процессией на кладбище. Хоронили молодую женщину, жену доктора, скончавшуюся от неблагополучных родов. Началась и кончилась литургия, затем и отпевание. Покойную понесли на место ее последнего упокоения. Вслед за гробом шли и Голубевы. Кончилось и погребение. Народ стал расходиться по домам.

Пошли и Голубевы. Но тут они неожиданно натолкнулись на горько рыдавшего молодого вдовца, который, при виде могильного холма над прахом любимой супруги, потерял сознание и без чувств свалился на руки подбежавших Голубевых. Последние постарались привести его в чувство, познакомились с ним, и через год юная Голубева стала женой доктора.

Счастливо и безмятежно прожила она со своим мужем до глубокой старости, при смерти строго завещав своим детям хранить могилу и чтить память рабы Божией Блаженной Ксении.

Однажды встретила Блаженная Ксения на улице одну благочестивую женщину, свою знакомую, остановила ее и, подавая ей медный пятак с изображением всадника, сказала: «Возьми пятак, тут царь на коне; потухнет!»

Женщина взяла пятак, попрощалась с Ксенией и, недоумевая, что бы значили странные слова ее, пошла домой.

Но едва она вошла в ту улицу, где она жила, как увидела, что загорелся дом ее. Не успела, однако, она добежать до своего дома, как пламя было потушено. Тут только поняла она, что означали слова Блаженной Ксении «возьми пятак; потухнет!»

Всем известно, что Императрица Анна Иоанновна, желая упрочить русский престол за потомством отца своего, царя Иоанна V Алексеевича (брата Петра Великого), вызвала к себе племянницу свою, Анну Леопольдовну, выдала ее замуж за принца Антона Ульриха, и, когда от этого брака родился сын Иоанн, то назначила его своим наследником. По смерти Анны Иоанновны, Иоанн VI Антонович, действительно, был провозглашен Императором (1740 год). Спустя год после этого, а именно – с 24 на 25 ноября 1741 г., – в России произошел государственный переворот. Императрицей была провозглашена дочь Петра Великого, Елисавета Петровна. Иоанна Антоновича заключили в Шлиссельбургскую крепость, а родителей его сослали в ссылку в Холмогоры, где они и скончались. Несчастный Иоанн Антонович протомился под строгим надзором в Шлиссельбургской крепости около 23 лет. В 1764 г., уже в царствование Императрицы Екатерины Великой один из караульных офицеров, Мирович, задумал освободить его из заточения и провозгласить Императором.

Но попытка Мировича не удалась; другие офицеры остались верными Императрице. Во время

происшедшего столкновения Иоанн Антонович был убит.

За три недели до этого печального события, Блаженная Ксения стала ежедневно и целыми днями горько плакать. Все встречавшиеся с ней, видя ее в слезах, жалели ее, думая, что кто-нибудь ее обидел, и спрашивали ее:

«Что ты, Андрей Феодорович, плачешь? Не обидел ли тебя кто-нибудь?»

Блаженная отвечала: «там кровь, кровь, кровь! Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь!»,– и еще сильнее начинала плакать.

Никто не понимал, что сталось со всегда спокойной и благодушной Блаженной. Никто не понимал и странных слов ее.

Лишь три недели спустя, когда по Петербургу разнеслась молва о страдальческой кончине Иоанна Антоновича, все поняли, что своим плачем и словами «Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь!»

– Блаженная предсказывала страдальческую кончину некогда Императора Иоанна VI Антоновича.

Накануне праздника Рождества Христова, 24 декабря 1761 года. Блаженная Ксения целый день суетливо бегала по улицам Петербургской стороны и всюду громко кричала: «Пеките блины, пеките блины; скоро вся Россия будет печь блины!»

Все, видевшие Блаженную, недоумевали, что бы означала ее озабоченность и суетливость, что означают слова ее. Так никто и не понял странных слов и поведения Блаженной.

И что же случилось?

На другой день, т.е. 25 декабря 1761 г., по Петербургу вдруг разнеслась страшная весть: Императрица Елисавета Петровна неожиданно скончалась.

Тут только всем стало понятно, что словами «пеките блины, пеките блины, скоро вся Россия будет печь блины» – Блаженная предсказывала смерть Императрицы.

Несомненно, много и других случаев прозорливости обнаруживала раба Божия Ксения; к сожалению, известий об этих случаях до нас не сохранилось. Но и приведенных уже вполне достаточно, чтобы видеть, что Блаженная, действительно, обладала чудесным даром знания будущего.

Молва о строгой подвижнической жизни Блаженной Ксении, об ее доброте, кротости, смирении, полной нестяжательности, об ее чудном даре прозорливости – широко разнеслась по Петербургу. Все стали смотреть на нее как на угодницу Божию, как на великую подвижницу; все стали не только жалеть ее, но стали глубоко уважать и почитать ее. Вот почему и купцы, и мещане, и чиновники, и другие обыватели Петербургской стороны душевно рады были принять у себя Блаженную в доме, тем более, что стали замечать, что в каком бы доме или семье ни побывала Блаженная, там всегда водворялся какой-то благодатный мир, особенное счастье.

Торговцы заметили, что если Блаженная заходила в лавку, где до того времени не было торговли, и брала себе какую-либо ничтожную из продающихся вещей – орешек, пряничек, та лавка начинала отлично торговать, потому что народ спешил купить что-нибудь именно в той

лавке, куда заглянула Блаженная.

Извозчики заметили, что если кому-либо из них удавалось хоть несколько шагов провезти Блаженную, у того целый день езда шла отлично и он делал хорошую выручку. Вот почему извозчики, еще издали увидя Блаженную, на перегон мчались к ней на своих пролетках, и умоляли ее хоть только присесть в их коляску, в полном убеждении, что это даст им хороший заработок. И чрезвычайно счастлив был тот возница, которому удавалось провезти в своей коляске Блаженную.

Матери детей замечали, что если Блаженная приласкает, или покачает в люльке больного ребенка, тот непременно выздоровеет. Вот почему все они, завидя Блаженную, спешили к ней со своими детьми и просили ее благословить или приласкать их, в уверенности, что тот ребенок, который удостоится ласки или благословения от Блаженной, или которого она просто погладит по головке, непременно будет и здоров и счастлив.

И прожила, таким образом, в постоянном стремлении к истинному счастью в Боге, в постоянной борьбе со врагом рода человеческого и в постоянной готовности оказать добро всем каждому, эта подвижница после смерти своего мужа целых сорок пять лет. За все это время она не только не имела места, где главу подклонить, но не имела даже одежды, обуви, которыми можно было бы прикрыть и согреть озябшее тело. Несмотря на это, она была вполне счастлива. Как птица небесная, летала она Петербургской стороне днем, желая всем и каждому оказать какую-нибудь услугу, а ночью вступала в беседу с Самим Господом Богом, предаваясь молитвенным и другим подвигам. Кротость, смирение, доброта постоянно сияли на изможденном трудами лице ее: видно было, что душа Блаженной далека от мира, что, хотя тело ее находится еще на земле, но дух ее находится на небе, куда она неустанно стремилась. И вот не стало этой подвижницы на земле. Настал час, когда Господу угодно было разрешить ее от борьбы с миром и взять ее к Себе на небо.

Время смерти и погребения святой Блаженной Ксении. Почитание памяти ее по смерти. История сооружения часовни над ее могилой К великому прискорбию всех почитателей Блаженной Ксении, до нашего времени не сохранилось решительно никаких известий о времени и обстоятельствах смерти и погребения рабы Божией Ксении. Лишь на основании некоторых данных можно с большей или меньшей вероятностью сделать некоторые предположения. Составителю настоящей книжки, несмотря на самые тщательные, неоднократные розыски записи дня смерти и погребения Ксении Григорьевны Петровой или Андрея Феодоровича Петрова в росписях о погребенных, хранящихся в архивах Смоленского кладбища, начиная с 1777 года, найти не удалось. Можно таким образом предполагать, что Ксения скончалась ранее 1777 года.

Но этому противоречит сохранившееся известие о том, что Ксения носила по ночам кирпич на вновь строящуюся церковь на Смоленском кладбище, а такою церковью могла быть только, существующая и теперь, церковь Смоленской иконы Божией Матери. А эта церковь начата постройкою в 1794 году и освящена в 1896 году. Стало быть, в эти годы Блаженная Ксения была еще жива. Если же предположить, что Ксения таскала кирпич на постройку какой-либо из ранее существовавших на Смоленском кладбище церквей, то этому предположению противоречит то обстоятельство, что все, ранее существовавшие на кладбище, церкви были деревянные и даже холодные, без печей, стало быть, и кирпич таскать туда было бесцельно. Вернее всего думать, что Ксения действительно таскала кирпич на постройку церкви Смоленской Божией Матери и, стало быть, была жива в 1794 – 1796 годах. Что же касается отсутствия записи о ее смерти и погребении в кладбищенских росписях, то это легко объясняется, с одной стороны, небрежностью, с какой велась в то время запись погребаемых; вследствие именно небрежности, многие лица, о которых достоверно известно, что они

погребены на Смоленском кладбище, в росписях не значатся (например. Рыцари Мальтийского ордена; масса лиц, умерших от холеры в 1848 году и др.), а с другой – весьма вероятным предположением, что все умершие, отпетые не на кладбище, вовсе не заносились в кладбищенские ведомости о погребаемых. Если это так, то и Ксения была отпета не на кладбище, а где-либо в приходской церкви; это предположение можно считать вполне вероятным. На конец же XVIII века или даже на начало IX-го, как приблизительное время смерти Ксении, указывают и некоторые другие данные: 1) день смерти императрицы Елисаветы Петровны, 25 декабря 1761 г., предсказанный Ксенией; 2) даты на могильной плите Ксении: «осталась после мужа 26-ти лет, странствовала 45 лет, а всего жития 71 год»; 3) год смерти современницы Ксении – Евдокии Денисьевны Гайдуковой – 1827.

Сопоставляя все эти данные, также и год постройки Смоленской церкви, можно думать, что Ксения умерла не ранее 1794 года (время постройки церкви) и не позже 1806 года (1761 г., – время смерти Императрицы Елисаветы Петровны + 45 лет странствования Ксении == 1806 г.). Вот именно эти годы можно считать временем смерти Ксении; следовательно, дата рождения ее падает на 1719-1730 годы. Во всяком случае, точно определить год рождения и год смерти Блаженной, за неимением определенных данных, пока невозможно. Что же касается обстоятельств смерти и погребения рабы Божией Ксении, опять-таки за неимением каких-либо данных, сказать об этом что-либо определенное трудно. Но, принимая во внимание то глубокое уважение и ту любовь, какими пользовалась Блаженная у всех жителей Петербургской стороны, принимая во внимание, что еще при жизни Блаженную считали за угодницу Божию, можно думать, что погребение ее было необычайно торжественно: с уверенностью можно думать, что все жители Петербургской стороны, где жила Блаженная, и вообще все знавшие ее при жизни, считали своею обязанностью дать последнее целование усопшей, проститься с ней и проводить ее до последнего места ее упокоения.

Были ли при этом какие-либо особенные, знаменательные проявления помощи от Блаженной, известий не сохранилось. Во всяком случае, если бы даже и не было подобных проявлений, чего мы отнюдь не смеем утверждать, тем не менее все почитатели усопшей, все получившие от нее какую-нибудь помощь, какую-нибудь ласку при ее жизни, старались молитвами своими отблагодарить ее по кончине за все то добро, какое было им оказано, старались не прерывать с ней духовного общения и по ее смерти. Вот почему, наверное, можно думать, что с 1-го же дня погребения Блаженной, могила ее посещалась многими и многими лицами, приходившими помолиться об ее упокоении. И на молитвенную-то память о себе Блаженная из загробного мира откликалась делами милости. Тогда и не знавшие Блаженную при жизни, стали прибегать к ее ходатайству, к ее помощи перед Богом. Служили панихиды по Блаженной. Достоверно известно, что в двадцатых годах прошлого столетия на могилку Ксении народ стекался толпами, веря, что на молитвенный зов Блаженная не замедлит откликнуться помощью. Каждый посетитель могилки Ксении непременно желал хоть что-нибудь иметь у себя с этой могилки, а так как взять с могилки, кроме землицы, было нечего, то брали именно землю, веря, что земля лучшее средство от болезней и горестей.

Ежегодно вся земля с могильной насыпи над гробом усопшей по горсточке разносилась посетителями; ежегодно приходилось делать новую насыпь и ежегодно насыпь снова разбиралась посетителями. Пришлось положить сверху могильной насыпи каменную плиту; но посетители разбили плиту на мелкие кусочки и разнесли по домам; положили новую плиту и с этой плитой случилось то же. Но, разбирая землю и ломая плиты, посетители клали на могилку свои посильные денежные пожертвования, которыми вначале пользовались нищие. Затем могилку Ксении обнесли оградой, к которой прикрепили кружку для сбора пожертвований на сооружение над могилой часовни. И пожертвования не заставили долго ждать себя. На собранные таким образом деньги, при содействии некоторых почитателей рабы

Божией Ксении, над ее могилой была сооружена небольшая, из цокольного камня, часовня с двумя окошечками по бокам, с дубовым иконостасом в восточной стороне и с железной дверью – с западной. Над дверью с наружной стороны сделали надпись: «Раба Божия Ксения». Могильную насыпь над самой могилкой также обделали цоколем, а сверху положили плиту со следующею, неизвестно кем составленною, надписью: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. На сем месте положено тело рабы Божией Ксении Григорьевны, жены придворнаго певчего, в ранге полковника, Андрея Феодоровича. Осталась после мужа 26 лет, странствовала 45 лет, а всего жития 71 год; звалась именем Андрей Феодорович. Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения души своей. Аминь». Святая Блаженная Ксения погребена на Смоленском кладбище к югу от храма во имя Смоленской иконы Божией Матери. В 1902 году на могиле святой блаженной Ксении по проекту архитектора Славина была возведена каменная часовня, восточную стену которой в 1992 году украсила мозаичная икона святой подвижницы. В 1987 году часовня была освящена нынешним Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Сюда стремятся православные паломники со всех концов России и из других стран, чающие получить утешение в скорбях и помощь в благих начинаниях от молитвенницы о душах наших – святой блаженной Ксении.

Мученик Лонгин Сотник

Святой Лонгин жил 2 тысячи лет назад, во времена когда Господь наш, Иисус Христос ходил с проповедью по земле. Лонгин был родом из Каппадокии, небольшой области в современной Турции. Он поступил на службу солдатом в римскую армию и дослужился до звания «сотника», то есть командира отряда из 100 человек. Такой отряд по римски назывался «центурия», поэтому Лонгина называли еще «центурион», то есть командир центурии. Лонгин был хорошим командиром, но у него была неизличимая болезнь глаз, что мешало ему получить более высокие звания.

И вот, Лонгина с его отрядом отправили в далекую провинцию Римской Империи, которая называлась Иудея в подчинение римскому правителю Иудеи – Понтию Пилату. Именно этому отряду Пилат поручил быть на страже при распятии Спасителя. Лонгин и его люди охраняли место казни Господа нашего, а сам Лонгин, как командир с оружием и копьем, стоял у самого Креста, на котором распинали Господа нашего Иисуса Христа. Лонгин и его воины были свидетелями последних мгновений земной жизни Господа, а также великих и страшных знамений, явленных по смерти Его. Увидав чудеса, бывшие при кресте Христовом: землетрясение, затмение солнца, открывшиеся гробы и восставших из них мертвецов и распадение камней, а также великое смирение и кротость, с которой наш Господь переносил все Крестные страдания, сотник Лонгин исповедал, что Христос есть Сын Божий. О сем

событии Божественный евангелист Матфей так говорит: «Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий» (Мф. 27:54. Ср. Мрк. 15:39 и Лк. 23:47).

Распятие на кресте было очень жестокой казнью, так как распятый человек не умирал сразу, а тяжко мучился иногда несколько дней прежде чем умереть. Но так как Господа нашего предали на распятие в пятницу, а на другой день была суббота – священный для иудеев день, то иудеи просили у Пилата побыстрее убить всех казненных и снять их с крестов, до наступления субботы, так как в субботу нельзя было казнить. Воины Лонгина взяв тяжёлую деревянную дубину перебили коленки у распятых слева и справа от Господа, чтобы они умерли быстрее. А когда подошли к Кресту, на котором был расят наш Господь, то увидели что он уже мертв и коленки перебивать у него не стали. Лонгин, чтобы точно убедиться что Господь уже мертв, взял копьё и пронзил им ребра Иисуса Христа, и из раны чудесным образом истекла кровь и вода. Они попали на лицо Лонгина и его глаза от этого исцелились! Вот как это описано в Евангелии от Иоанна: «Но так как тогда была пятница, то Иудеи, дабы не оставить тел на кресте в субботу, – ибо та суббота была день великий, – просили Пилата, чтобы перебить у них голени и снять их. Итак пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним. Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голеней, но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода».

По снятии Господа нашего с Креста, его погребли в пещере, недалеко от места казни. В Иудее мертвых хоронили в пещерах, которые назывались «гробами». Человека клали в небольшую пещеру выдолбленную в горе, а вход заваливали огромным камнем, таким большим, что даже взрослый мужчина не мог его сам сдвинуть. После казни и погребения Спасителя, иудеи упросили Пилата поставить стражу у пещеры, в которой погребли тело Господа нашего. Они сказали: «Этот Человек говорил, что воскреснет после смерти на третий день. Мы этому конечно не верим, но боимся что ученики Его тайно украдут тело Его, а всем скажут что их Учитель воскрес». Поэтому Лонгин со своим отрядом стоял на страже у Гроба Господня. Пещеру с телом Господа нашего завалили огромным камнем, а иудейские старейшины даже поставили на камне свою печать, чтобы никто не мог незаметно отвалить камень. Когда же Господь преславно воскрес от гроба, то Своим чудным восстанием навел на стражу ужас, потому что «Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем… устрашившись его, стражи пришли в трепет и стали, как мертвые» (Мф. 28:2, 4)

После всего случившегося, Лонгин и два воина окончательно уверовали во Христа, и сделались проповедниками Воскресения Христова, – ибо они возвестили Пилату и иудейским старейшина обо всем происшедшем. Иудейские архиереи и старейшины, устроив совещание, дали воинам довольно денег, чтобы они утаили о воскресении Христовом и всем сказали , что это ученики Христа, пришедши ночью, украли Его, когда стража спала (Мф. 28:11-13). Однако Лонгин денег не взял и утаить чуда не захотел, но еще усерднее стал свидетельствовать о Господе, и свидетельство его было истинно. Посему Пилат и все иудейское собрание возненавидели Лонгина, и весь гнев свой, который они прежде имели на Христа, обратили теперь на Лонгина. Лонгин открыто проповедовал о Христе, что Он есть Истинный Бог, и что он, Лонгин, своими глазами видел и животворящую смерть Господа нашего Иисуса Христа и Его Преславное Воскресение. За это свидетельство Лонгин подвергся ненависти и гонению со стороны врагов Иисуса Христа, которые стали изыскивать причину, чтобы погубить его, но не могли ничего найти и не решались причинить вред сотнику, потому что Лонгин был старейший из воинов, человек честный и известный самому римскому императору. Когда же Лонгин узнал об их злом намерении, то восхотел лучше быть отверженным от них и остаться со Христом, чем жить в селениях Иудейских. Он оставил свой воинский сан, одежду и пояс и, взяв двоих друзей своих, которые имели такую же ревность по Христе, уклонился от народного общения и

посвятил себя на служение Единому Богу. Приняв крещение от святых апостолов, Лонгин в скором времени оставил Иерусалим и пошел со своими друзьями на родину, в Каппадокию; там он стал проповедником и апостолом Христовым, и многих обратил к Истинному Богу. Затем, оставив город, Лонгин стал жить в селении своего отца, проводя безмолвную жизнь – в посте и молитвах.

Вскоре сделалось известным всему собранию иудейскому в Иерусалиме, что Лонгин распространяет свое учение по всей Каппадокии и проповедует о воскресении Христовом. Тогда архиереи и старейшины иудейские, исполненные зависти и гнева, пошли к Пилату со многими дарами и стали просить его отправить послание самому императору в Рим с извещением о том, что Лонгин дезертировал из армии, отказался от подчинения римской власти и возмущает в Каппадокии народ, проповедуя им о другом царе. Пилат, приняв дары, согласился на просьбу иудеев и отправил к императору Тиверию послание, заключающее в себе сильную клевету на Лонгина. Вместе с этим письмом Пилата, евреи послали от себя много золота императору и тем самым купили смерть святому Лонгину: ибо вскоре от Тиверия пришло повеление предать Лонгина смерти, как противника императора. Пилат тотчас же послал воинов в Каппадокию, чтобы отсечь голову Лонгина и принести ее в Иерусалим для удостоверения еврейского сборища в смерти Лонгина. По просьбе иудеев Пилат повелел также убить и тех двух воинов, которые вместе с Лонгином оставили воинский сан и там же в Каппадокии с ним вместе проповедовали Христа.

Когда посланные дошли до страны Каппадокийской, то стали усердно расспрашивать о Лонгине, где он живет; узнав, что он пребывает в селении своего отца, они поспешили туда, стараясь показать, что отыскивают Лонгина не на убиение, а как бы для оказания ему некоторой почести. Они боялись, чтобы Лонгин не избежал их рук и чтобы им не возвратиться к пославшим их ни с чем; посему-то они и хотели тайно схватить его.

Между тем святой Лонгин, по откровению Божию, узнал о готовившемся ему венце мученическом. Он вышел сам навстречу посланным от Пилата и любезно приветствовал их. Те же, не зная его, спрашивали:

– Где Лонгин, который некогда был сотником?

– Зачем вам его нужно? – спросил их с своей стороны Лонгин.

– Мы слышали, – отвечали воины, – что он человек добрый, и хотим посетить его; мы воины, а он был командиром воинов – сотником– поэтому мы и хотим видеть его.

Тогда Лонгин сказал:

– Прошу вас, господа мои, зайдите ко мне в дом и отдохните немного с дороги, а я извещу Лонгина о вас, ибо я знаю, где он живет, и тогда он сам придет к вам, так как живет недалеко отсюда.

Воины зашли к Лонгину, и, он предложил им обильное угощение. Когда же настал вечер и воины сильно развеселились от вина, то они рассказали Лонгину, зачем они посланы. Но предварительно просили его и взяли с него клятву, что он никому не передаст этой тайны; воины боялись, чтобы кто-нибудь не рассказал Лонгину и чтобы он не убежал от них; при этом они сказали ему:

– Мы посланы отсечь головы Лонгину и двоим друзьям его, ибо такое пришло повеление к Пилату от императора.

Лонгин, услыхав, что и друзей его ищут умертвить, послал за ними скорее, приглашая их к себе; сам же не хотел сказать воинам, – пока не придут его друзья, – что он и есть сам Лонгин. Когда воины уснули, Лонгин стал на молитву, и всю ту ночь усердно молился Богу, приготовляясь к смерти. С наступлением утра, воины, торопясь отправиться в путь, просили Лонгина указать им того, кого они ищут. Тогда Лонгин сказал им:

– Подождите немного, господа мои, – я послал за ним, и он немедленно придет к вам: поверьте мне, что тот, которого вы ищете, сам предаст себя в руки ваши, – только немного подождите.

Затем Лонгин узнал, что друзья его идут: тотчас он вышел к ним на встречу и, поцеловав, обнял их и сказал:

– Радуйтесь, рабы Христовы, мои соратники, радуйтесь вместе со мною, ибо приблизилось веселие наше, – наступило время разрешения нашего от плотских уз; вот теперь мы вместе предстанем Господу нашему Иисусу Христу. Мы видели Его страдающим, распятым, погребенным и воскресшим со славою; теперь же увидим сидящим одесную (то есть по правую руку) Бога, и насытимся лицезрением славы Его.

Сказав сие своим друзьям, Лонгин рассказал им, что от Пилата и правительства иудейского пришли воины, чтобы умертвить их за свидетельство о воскресении Христовом. Услыхав сие, они возрадовались, что сподобятся быть причастниками венца мученического и скоро предстанут Господу своему, Коего они возлюбили от всей души. Приведя, затем, своих друзей к воинам, Лонгин сказал:

– Вот вам Лонгин и два друга его! Я – Лонгин, которого вы ищете; сии же – два мои друга, со мной вместе видевшие воскресение Христово и уверовавшие; делайте с нами, что вам повелено пославшими вас.

Услышав сие, воины изумились и сначала не поверили, что перед ними сам Лонгин; затем, удостоверившись в истине сего, они устыдились и не желали умерщвлять своего благодетеля. Но Лонгин понуждал исполнить повеленное, сказав при сем:

- Вы ничем не можете лучше отблагодарить меня за мою любовь к вам, как послать меня к Господу моему, Коего я давно желаю видеть.

Облекшись затем в белые погребальные ризы и указав рукою на близ лежащий холм, Лонгин повелел домашним своим похоронить там тело его и двух друзей своих. После сего, помолившись и отдав всем последнее целование, Лонгин и два друга его преклонили под меч главы свои. Воины, усекнув их, взяли с собой главу святого Лонгина и ушли; тела же святых были погребены с честью на том месте, которое указал сам святой Лонгин.

Придя в Иерусалим, воины принесли туда голову святого Лонгина и отдали ее Пилату для удостоверения его и всего сборища иудейского в убиении Лонгина. Пилат и иудеи, увидав главу святого, повелели бросить ее за городом на свалку, и она долго лежала там вместе с мусором, пока не была засыпана пылью. Господь же «хранит все кости» (Пс. 33:21) угодников Своих, сохранил в целости и голову святого Лонгина, находившуюся на свалке.

И когда Господь захотел прославить Своего раба на земле пред людьми, которого уже прославил на небе пред ангелами, то сделал образом: Одна женщина, христианка, вдова из Каппадокии, ослепла обоими глазами и долго искала помощи от врачей, но не получала. После сего она вздумала пойти в Иерусалим - поклониться святым местам и искать там помощи Божией ослепшим своим глазам. Взяв своего единственного сына, она отправилась с ним в путь. Но дойдя до святых мест, сын ее заболел и чрез несколько дней умер; вдова та была

горько опечалена смертью сына: она плакала о двойной потере, ибо лишилась и глаз и сына, который был как бы её глазами и проводником для нее. И вот, когда вдова та горько и неутешно плакала, ей явился в видении святой Лонгин и утешил ее, обещав ей, что она увидит своего сына в небесной славе и получит зрение. Он рассказал ей все о себе: как он был при страдании, распятии, погребении и воскресении Христовом, как, затем, проповедовал в Каппадокии Христа и пострадал за Него со своими друзьями. При этом он повелел ей идти за город и найти там его голову, лежащую в сору и засыпанную пылью.

- Тебе предназначено, - сказал при сем святой Лонгин, - обрести ее для твоего исцеления. Утешившись от печали, вдова встала и попросила проводить ее за город; когда же туда вели, она сказала провожавшим ее:

- Где увидите большую кучу наметенного мусора, там меня и поставьте.

Они так и сделали. Найдя большое количество наметенного мусора, они привели ее туда, и она начала своими руками разгребать сор и раскапывать пыль: хотя она и ничего не видала глазами, но имела великую веру словам, сказанным ей в видении святым Лонгином. И тотчас же, по усмотрению Божию, она получила то, чего искала и внезапно увидела свет солнечный; ибо глаза ее открылись и она увидела голову святого, лежащую в пыли. Вдова та обрадовалась не столько тому, что увидала свет солнечный, сколько тому, что нашла голову святого, благодаря которой получила прозрение. И прославляла она Бога и величала раба Его - святого Лонгина. Взяв и облобызав главу святого, женщина с радостью понесла ее в свой дом; омыла ее, помазала благовонными мазями, и так возрадовалась о нахождении сего духовного сокровища, что забыла печаль свою об умершем сыне. В следующую ночь святой Лонгин опять явился ей в великом свете, ввел сына ее к ней, в блестящей брачной одежде, и любезно и отечески обняв его, сказал вдове:

- Смотри, жена, на своего сына, о котором ты печалишься и плачешь: вот, какая честь и слава ему, - смотри на него и утешайся. Бог причислил его к небесным чинам, которые находятся во Царствии Его. Я же теперь взял его от Спасителя, и он никогда не будет удален от меня. Вот, возьми мою главу и тело своего сына, и похорони их в одном ковчеге, и не плачь о своем единственном сыне, и да не смущается сердце твое, ибо великая слава, радость и нескончаемое веселие дано ему от Бога.

Когда женщина услыхала сие, то поспешно встала и положила голову мученика в один ковчег с телом своего умершего сына и затем возвратилась к себе домой, прославляя и восхваляя Бога. Достигнув своего отечества, она похоронила на честном месте тело своего сына и главу мученика, помыслив так при сем:

- Теперь я знаю, что «любящим Бога, призванным по изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28): я искала исцеления очам телесным, а нашла вместе с тем и исцеление очам душевным. Я была одержима скорбью о смерти моего сына, теперь же имею его на небе, предстоящим Богу во славе, с пророками и мучениками; с ними он всегда радуется и с Лонгином в Царствии Христовом носит крест - знамение победы, посреди ангелов, и как ученик Лонгина радостно воспевает: «воистинну Божий Сын сей бе» и есть и будет. Царство Его - Царство всех веков и владычество Его во всяком роде и роде. Слава Ему во веки. Аминь.

Священномученик Киприан и мученица Иустина

В царствование римского императора Декия жил в Антиохии знаменитый волхвователь и колдун, по имени Киприан, родом из города Карфаген. Происходя от нечестивых родителей, он еще в детстве посвящен был ими на служение языческому Аполлону. Семи лет он был отдан чародеям для научения волхвованию и бесовской мудрости. По достижении десятилетнего возраста, он был послан родителями для приготовления к языческому служению, на гору Олимп, которую язычники называли жилищем богов но на самом деле там было бесчисленное множество идолов, в которых обитали бесы. На этой горе Киприан научился всем диавольским хитростям: он постиг различные бесовские превращения, научился изменять свойства воздуха, наводить ветры, производить гром и дождь, возмущать морские волны, причинять вред садам, виноградниками и полям, насылать болезни и язвы на людей, и вообще научился пагубной мудрости и исполненной зла диавольской деятельности. Он видел и невидимый для простых людей бесовский мир, где были бесчисленные полчища бесов с самим князем тьмы во главе, которому одни бесы предстояли, другие служили, иные восклицали, восхваляя своего князя, а иные были посылаемы в мир для совращения людей. Там же он видел как бесы принимали вид языческих богов и богинь, различных призраков и привидений, для того чтобы обманывать и пугать людей.

Когда Киприану стало пятнадцать лет, он стал слушать уроки семи самых главных языческих жрецов, которые поклонялись бесовскому князю. От них он научился как бы вызывать мертвецов и говорить с ними, но на самом деле все эти спектакли устраивали бесы, претворясь умершими людьми. Двадцати лет от роду Киприан пришел в Египет, и в городе Мемфисе обучался еще большим чародействам и волшебствам. На тридцатом году он пошел к халдеям, чтобы нучиться астролигии и гороскопам, в которые и сейчас верят многие люди. Закончив свое учение, Киприан возвратился на родину, будучи образованным во всяком зле и мерзостях бесовских. На родине Киприана стали почитать как великого мудреца и жреца, хотя на самом деле он был волхвователем, чародеем и душегубцем, великим другом и верным рабом адского князя. Киприан даже лично видел самого бесовского князя и разговаривал с ним.

– Поверьте мне, – говорил Киприан, – что я видел самого князя тьмы – диавола! Ибо он полюбил меня за мои черные дела, хвалил мой разум и пред всеми бесами сказал: «вот мой любимый ученик, всегда готовый к послушанию и достойный общения с нами!». Князь тьмы обещал Киприану, что после смерти он сам станет одним из бесовских повелителей.

Отсюда ясно, каким человеком был Киприан: как друг бесов, совершал он все их дела, причиняя вред людям и обольщая их. Живя в Антиохии, он много людей совратил ко всяким беззакониям, многих погубил отравами и чародейством, а юношей и девиц убивал и приносил в жертву бесам. Многих он научил своему гибельному волхвованию: одних – летать по воздуху, других – плавать в ладьях по облакам. Конечно не сами люди могли делать это, но бесы невидимо помогали им. Всеми язычниками он был почитаем и прославляем, как главнейший жрец и мудрейший слуга их мерзких богов. Многие обращались к нему в своих нуждах, и он помогал им бесовскою силою, которой был исполнен: одним содействовал он в блуде, другим во гневе, вражде, мщении, зависти. Уже весь он находился в глубинах ада и в пасти диавольской, был сыном геенны адской, участником бесовского наследия и их вечной гибели. Казалось бы нет на земле человека с более черным сердцем, чем Киприан. Но Господь же, не хотящий смерти грешника, по Своей неизреченно благости и не побеждаемому людскими грехами милосердию, соизволил выйти искать сего погибшего человека, извлечь из пропасти погрязшего в адской глубине и спасти его, чтобы показать всем людям Свое милосердие, ибо нет греха, могущего победить Его человеколюбие. Спас же Он Киприана от гибели следующим образом. Жила в то время там же, в Антиохии, некая красивая молодая незамужняя девушка, по имени Иустина. Она происходила от языческих родителей: отцом ее был идольский жрец, по имени Едесий, а мать ее звали Клеодонией. Однажды, сидя у окна в своем доме, Иустина случайно услышала слова спасения из уст проходившего мимо диакона, по имени Праилия. Он говорил о вочеловечении Господа нашего Иисуса Христа,– о том, что Он родился от Пречистой Девы и, сотворив многие чудеса, благоизволил пострадать ради нашего спасения, воскрес из мертвых со славою, вознесся на небеса, воссел одесную Отца и царствует вечно. Сия проповедь диакона пала на добрую почву, в сердце Иустины, и начала скоро приносить плоды, искореняя в ней терния неверия. Иустина захотела лучше и совершеннее научиться вере у диакона, но не осмелилась искать его, удерживаемая девическою скромностью. Однако, она тайно ходила в церковь Христову и, часто слушая слово Божие, при воздействии на ее сердце Святого Духа, уверовала во Христа. В скором времени она убедила в сем и свою мать, а затем привела к вере и своего престарелого отца. Видя разум своей дочери и слыша ее мудрые слова, Едесий рассуждал сам с собою: «Идолы сделаны руками человеческими и не имеют ни души, ни дыхания, а потому – каким образом они могут быть богами?». Размышляя о сем, однажды ночью он увидел во сне, по Божественному соизволению, чудесное видение: видел он великий сонм светоносных ангелов, а среди них был Спаситель мира Христос, Который сказал ему:

– Приидите ко Мне, и Я дам вам царствие небесное.

Встав утром, Едесий пошел с женою и дочерью к христианскому епископу, по имени Онтату, прося его научить их Христовой вере и совершить над ними святое крещение. При сем он поведал слова дочери своей и виденное им самим ангельское видение. Услышав сие, епископ возрадовался обращению их и, наставив их в вере Христовой, крестил Едесия, жену его Клеодонию и дочь Иустину, а затем, причастив их Святых Таин, отпустил с миром. Когда же Едесий укрепился в Христовой вере, то епископ, видя его благочестие, сделал его священником. После сего, пожив добродетельно и в страхе Божием год и шесть месяцев, Едесий во святой вере окончил свою жизнь. Иустина же доблестно подвизалась в соблюдении заповедей Господних и решила не выходить замуж а посвятить себя Господу, возлюбив Жениха своего Христа, и служила Ему прилежными молитвами, девством и целомудрием, постом и воздержанием великим.

Но враг, ненавистник человеческого рода, видя такую ее жизнь, позавидовал ее добродетелям и начал вредить ей, причиняя различные бедствия и скорби.

В то время жил в Антиохии некий юноша, по имени Аглаид, разбалованный взрослый сын богатых и знатных родителей. Он жил роскошно, весь отдаваясь развлечениям мира сего и

привык получать всё, что пожелает.

Однажды он увидел Иустину, когда она шла в церковь, и поразился ее красотой. Диавол же внушил дурные намерения в его сердце. Он захотел получить Иустину, чтобы заниматься с ней блудом. Распалившись своими мечтаниями Аглаид всеми мерами стал стараться снискать расположение и любовь Иустины чтобы привести чистую агницу Христову к задуманной им скверне. Он наблюдал за всеми путями, по которым девица должна была идти, и, встречаясь с нею, говорил ей льстивые речи, восхваляя ее красоту и прославляя ее; показывая свою любовь к ней. Девушка же отворачивалась и избегала его, не желая даже слушать его льстивых речей. Не охладевая в своем помрачении к ее красоте, юноша послал к ней с просьбою, чтобы она согласилась стать его женою. Она же отвечала ему:

– Жених мой – Христос; Ему я служу и ради Него храню мою чистоту. Он и душу и тело мое охраняет от всякой скверны.

Слыша такой ответ целомудренной девицы, Аглаид, подстрекаемый диаволом, еще более распалился страстью.

Не будучи в состоянии обольстить ее, он замыслил похитить ее насильно. Собрав на помощь подобных себе безрассудных юношей, он подстерег девицу на пути, по которому она обычно ходила в церковь на молитву; там он встретил ее и схватил. Но Иустина стала кричать и сопротивляться. Услышав ее крики, соседи выбежали из домов и отняли непорочную святую Иустину, из рук нечестивого юноши, как из волчьей пасти. Бесчинники разбежались, а Аглаид возвратился со стыдом в дом свой. Не зная, что делать далее, он пошел к великому волхву и чародею – Киприану, жрецу идольскому и, поведав ему свою скорбь, просил у него помощи, обещая дать ему много золота и серебра.

Выслушав Аглаида, Киприан за большие деньги обещал исполнить его желание.

– Я, – сказал он, – сделаю так, что сама девица будет искать твоей любви и почувствует к тебе страсть даже более сильную, чем ты к ней.

Так утешив юношу, Киприан отпустил его обнадеженным. Взяв затем книги по своему тайному искусству, он призвал одного из нечистых духов, в коем был уверен, что он скоро может распалить страстью к этому юноше сердце Иустины. Бес охотно обещал ему исполнить сие и горделиво говорил:

– Нетрудное это для меня дело, ибо я много раз потрясал города, разорял стены, разрушал дома, производил кровопролития и отцеубийства, поселял вражду и великий гнев между братьями и супругами, и многих, давших обет девства, доводил до греха; инокам, поселявшимся в горах и привычным к строгому посту, даже никогда и не помышлявшим о плоти, я внушал блудное похотение и научал их служить плотским страстям; людей раскаявшихся и отвратившихся от греха я снова обратил к делам злым; многих целомудренных я ввергнул в любодеяние. Неужели же не сумею я девицу сию склонить к любви Аглаида? Да что я говорю? Я самым делом скоро покажу свою силу. Вот возьми это снадобье (он подал наполненный чем-то сосуд) и отдай тому юноше: пусть он окропит им дом Иустины, и увидишь, что сказанное мною сбудется.

Сказав это, бес исчез. Киприан призвал Аглаида и послал его окропить тайно из дьявольского сосуда дом Иустины. Когда это было сделано, блудный бес вошел туда с разожженными стрелами плотской похоти, чтобы уязвить сердце девицы любодеянием, а плоть ее разжечь нечистою похотью.

Иустина имела обычай каждую ночь возносить молитвы ко Господу. И вот, когда она, по обычаю, вставши в третьем часу ночи, молилась Богу, то ощутила внезапно в своем теле как бы любовное волнение и бурю телесной похоти. В таком волнении и внутренней борьбе она оставалась довольно продолжительное время: ей пришел на память юноша Аглаид, и у нее родились дурные мысли. Девица удивлялась и сама себя стыдилась, ощущая, что кровь ее кипит как в котле; она теперь помышляла о том, чего всегда гнушалась как скверны. Но, по благоразумию своему, Иустина поняла, что эта борьба возникла в ней от диавола; тотчас она обратилась к оружию крестного знамения, прибегла к Богу с теплою молитвою и из глубины сердца взывала ко Христу, Жениху своему. Долго и усердно помолившись, святая дева победила невидимого врага. Побежденный ее молитвою, он бежал от нее со стыдом, и снова настало спокойствие в теле и сердце Иустины и она прославила Бога и воспела победную песнь. Бес же возвратился к Киприану с печальною вестью, что он ничего не достиг. Киприан спросил его, почему он не мог победить девицу. Бес, хотя и неохотно, открыл правду:

– Я потому не мог одолеть ее, что видел на ней некое знамение, коего устрашился. Тогда Киприан призвал более злобного беса и послал его соблазнить Иустину. Тот пошел и сделал гораздо больше первого, напав на девицу с большею яростью. Но она вооружилась теплою молитвою и возложила на себя еще сильнейший подвиг: она облеклась в грубую одежду из конского волоса, которая разцарапывала всё тело, и умерщвляла свою плоть воздержанием и постом, вкушая только хлеб с водою. Укротив таким образом страсти своей плоти, Иустина победила второго беса и прогнала его с позором. Он же, подобно первому, ничего не успев, возвратился к Киприану. Тогда Киприан призвал одного из командиров бесовских, поведал ему о слабости посланных бесов, которые не могли победить одной девицы, и просил у него помощи. Тот строго укорял прежних бесов за неискусность их в сем деле и за неуменье воспламенить страсть в сердце девицы. Обнадежив Киприана и обещав иными способами соблазнить девицу, князь бесовский принял вид женщины и вошел к Иустине. И начал он благочестиво беседовать с нею, как будто желая последовать примеру ее добродетельной жизни и целомудрия. Так беседуя, он спросил девицу, какая может быть награда за столь строгую жизнь и за соблюдение чистоты.

Иустина ответила, что награда для живущих целомудренно велика и неизреченна, и весьма удивительно, что люди ни мало не заботятся о столь великом сокровище, как ангельская чистота. Тогда старший бес, обнаруживая свое бесстыдство, начал хитрыми речами соблазнять ее:

– Каким же образом мог бы существовать мир? Как рождались бы люди? Ведь, если бы Ева не вышла замуж за Адама, то как происходило бы умножение человеческого рода? Поистине доброе дело – супружество, которое установил Сам Бог; его и Священное Писание похваляет, говоря: «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно» (Евр. 13:4). Да и многие святые Божии разве не состояли в браке, который Господь дал людям в утешение, чтобы они радовались на детей своих и восхваляли Бога?

Слушая сии слова, Иустина узнала хитрого обольстителя – диавола и искуснее, нежели Ева, победила его. Не продолжая беседы, она тотчас прибегла к защите Креста Господня и положила честное его знамение на своем лице, а сердце свое обратила ко Христу, Жениху своему. И диавол тотчас исчез с еще большим позором, чем первые два беса.

В большом смущении возвратился к Киприану гордый командир бесовский. Киприан же, узнав, что и он ничего не успел, сказал диаволу:

– Ужели и ты, князь сильный и более других искусный в таком деле, не мог победить девицы? Кто же из вас может что-либо сделать с этим непобедимым девическим сердцем? Скажи мне,

каким оружием она борется с вами, и как она делает немощною вашу крепкую силу.

Побежденный силою Божией, диавол неохотно сознался:

– Мы не можем смотреть на крестное знамение, но бежим от него, потому что оно как огонь опаляет нас и прогоняет далеко.

Киприан вознегодовал на диавола за то, что он посрамил его и, понося беса, сказал:

– Такова-то ваша сила, что и слабая дева побеждает вас!

Тогда диавол, желая утешить Киприана, предпринял еще одну попытку: он принял образ Иустины и пошел к Аглаиду в той надежде, что, приняв его за настоящую Иустину, юноша удовлетворит свое желание, и, таким образом, ни его бесовская слабость не обнаружится, ни Киприан не будет посрамлен. И вот, когда бес вошел к Аглаиду в образе Иустин, тот в несказанной радости вскочил, подбежал к мнимой деве, обнял ее и стал лобызать, говоря:

– Хорошо, что пришла ты ко мне, прекрасная Иустина!

Но лишь только юноша произнес слово «Иустина», как бес тотчас исчез, не будучи в состоянии вынести даже имени Иустины. Юноша сильно испугался и, прибежав к Киприану, рассказал ему о случившемся. После сего Киприан начал мстить за свой позор и наводил своим волхвованием разные бедствия на дом Иустины и на дома всех сродников ее, соседей и знакомых, как некогда диавол на праведного Иова (Иов. 1:15-19; 2:7). Он убивал скот их, поражал рабов их язвами, и таким образом ввергал их в чрезмерную печаль. Он поразил болезнью и саму Иустину, так что она лежала в постели, а мать ее плакала о ней. Иустина же утешала мать сою словами пророка Давида: «Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни» (Пс. 117:17).

Не только на Иустину и ее сродников, но и на весь город, по Божию попущению, навел Киприан бедствия, вследствие своей неукротимой ярости и большого посрамления. Появились язвы на животных и различные болезни среди людей; и прошел, по бесовскому действию, слух, что великий жрец Киприан казнить город за сопротивление ему Иустины. Тогда почетнейшие граждане пришли к Иустине и с гневом побуждали ее, чтобы она не печалила более Киприана и выходила замуж за Аглаида, во избежание еще больших бедствий из-за нее для всего города. Она же всех успокаивала, говоря, что скоро все бедствия, причиняемые при помощи бесов Киприаном, прекратятся. Так и случилось. Когда святая Иустина помолилась усердно Богу, тотчас все бесовское наваждение прекратилось; все исцелились от язв и выздоровели от болезней. Когда совершилась такая перемена, люди прославляли Христа, а над Киприаном и его волшебною хитростью издевались, так что он от стыда не мог уже показаться среди людей и избегал встречаться даже с знакомыми. Убедившись, что силы крестного знамения и Христова Имени ничто не может победить, Киприан пришел в себя и сказал диаволу:

– О, губитель и обольститель всех, источник всякой нечистоты и скверны! Ныне я узнал твою немощь. Ибо если ты боишься даже тени креста и трепещешь Имени Христова, то что ты будешь делать, когда Сам Христос придет на тебя? Если ты не можешь победить осеняющих себя крестом, то кого ты исторгнешь из рук Христовых? Ныне я уразумел, какое ты ничтожество; ты не в силах даже отомстить! Послушавшись тебя, я, несчастный, прельстился, и поверил твоей хитрости. Отступи от меня, проклятый отступи, – ибо мне следует умолять христиан, чтобы они помиловали меня. Следует мне обратиться к благочестивым людям. чтобы они избавили меня от гибели и позаботились о моем спасении. Отойди, отойди от меня, беззаконник, враг истины, противник и ненавистник всякого добра.

Услышав сие, диавол бросился на Киприана, чтобы убить его, и, напав, начал бить и давить его. Не находя нигде защиты и не зная, как помочь себе и избавиться от лютых бесовских рук, Киприан, уже едва живой, вспомнил знамение святого креста, силою которого противилась Иустина всей бесовской силе, и воскликнул:

– Боже Иустины, помоги мне!

Затем, подняв руку, перекрестился, и диавол тотчас отскочил от него, как стрела, пущенная из лука.

Собравшись с духом, Киприан стал смелее и, призывая имя Христово, осенял себя крестным знамением и упорно противился бесу. проклиная его и укоряя. Диавол же, стоя вдали от него и не смея приблизиться, из боязни крестного знамения и Христова Имени, всячески угрожал Киприану, говоря:

– Не избавит тебя Христос от рук моих!

Затем, после долгих и яростных нападений на Киприана бес зарычал, как лев, и удалился.

Тогда Киприан взял все свои чародейские книги и пошел к христианскому епископу Анфиму. Упав к ногам христианского епископа, он умолял оказать ему милость и совершить над ним святое крещение. Зная, что Киприан – великий и для всех страшный волхвователь, епископ подумал, что он пришел к нему с какой-либо хитростью, и потому отказывал ему, говоря:

– Много зла творишь ты между язычниками; оставь же в покое христиан, чтобы тебе не погибнуть в скором времени.

Тогда Киприан со слезами исповедал все епископу и отдал ему свои книги на сожжение. А каждая книга в те времена стоила как маленький город! Видя его смирение, епископ научил его и наставил святой вере, а затем повелел ему готовиться к крещению; книги с бесовскими знаниями епископ сжег пред всеми верующими гражданами.

Удалившись от епископа с сокрушенным сердцем, Киприан плакал о грехах своих, посыпал пеплом голову и искренно каялся, взывая к истинному Богу об очищении своих беззаконий. Пришедши на другой день в церковь, он слушал слово Божие с радостным умилением, стоя среди верующих. Когда же диакон повелел оглашенным выйти вон, возглашая: «елицы оглашеннии изыдите», – некоторые уже выходили, Киприан не хотел выйти, говоря диакону:

– Я – раб Христов; не изгоняй меня отсюда.

Диакон же сказал ему:

– Так как над тобою еще не совершено святое крещение, то ты должен выйти из храма.

На сие Киприан ответил:

– Жив Христос, Бог мой, избавивший меня от диавола, сохранивший девицу Иустину чистою и помиловавший меня; не изгонишь меня из церкви, пока я стану совершенным христианином.

Диакон сказал о сем епископу, а епископ, видя усердие Киприана и преданность к Христовой вере, призвал его к себе и немедленно крестил его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Узнав о сем, святая Иустина возблагодарила Бога, раздала много милостыни нищим и сделала

в церковь приношение. Киприана же на восьмой день епископ поставил в чтеца, на двадцатый в иподиакона, на тридцатый в диакона, а чрез год рукоположил в священники. Киприан вполне изменил свою жизнь, с каждым днем увеличивал он свои подвиги и, постоянно оплакивая прежние злые деяния, совершенствовался и восходил от добродетели к добродетели. Скоро он был поставлен епископом и в этом сане проводил такую святую жизнь, что сравнялся со многими великими святыми; при сем, он ревностно заботился о вверенном ему Христовом стаде. Святую Иустину девицу он поставил диакониссою, а затем поручил ей девичий монастырь, сделав ее игуменией над другими девицами христианскими. Своим поведением и наставлением он обратил многих язычников и приобрел их для церкви Христовой. Таким образом, идолослужение стало прекращаться в той стране, и слава Христова увеличивалась.

Видя строгую жизнь святого Киприана, заботы его о вере Христовой и о спасении душ человеческих, диавол скрежетал на него зубами и побудил язычников оклеветать его пред правителем восточной страны в том, что он богов посрамил, многих людей отвратил от них, а Христа, враждебного богам их, прославляет. И вот многие нечестивцы пришли к правителю Евтолмию, владевшему теми странами, и клеветали на Киприана и Иустину, обвиняя их в том, что они враждебны и богам, и царю, и всяким властям, – что они смущают народ, обольщают его и ведут вслед за собою, располагая к поклонению распятому Христу. При сем они просили правителя, чтобы он за сие предал Киприана и Иустину смертной казни. Выслушав просьбу, Евтолмий велел схватить Киприана и Иустину и посадить их в темницу. Затем, отправляясь в Дамаск, он и их взял с собою, для суда над ними. Когда же привели ему на суд узников Христовых, Киприана и Иустину, то он спросил Киприана:

– Зачем ты изменил своей прежней славной деятельности, когда ты был знаменитым слугою богов и многих людей приводил к ним?

Святой Киприан рассказал правителю, как узнал немощь и обольщение бесов и уразумел силу Христову, которой бесы боятся и трепещут, исчезая от знамения Честного Креста (то есть если человек перекрестится), а равно изъяснил причину своего обращения ко Христу, за Которого обнаруживал готовность умереть.

Мучитель не воспринял слов Киприана в свое сердце, но, не будучи в состоянии отвечать на них, велел повесить святого и строгать его тело железным рубанком, а святую Иустину бить по устам и очам. Во все время долгих мучений, они непрестанно исповедовали Христа и с благодарением претерпевали все. Затем мучитель заключил их в темницу и пробовал ласковым увещанием вернуть их к идолопоклонству. Когда же он оказался не в силах убедить их, то повелел бросить их в котел с кипящим маслом; но кипящий котел не причинял им никакого вреда, и они, как бы в прохладном месте, прославляли Бога. Видя сие, один идольский жрец, по имени Афанасий, сказал:

– Они остаются живы, потому что им помогает идольский бог Асклипий! Я сам являюсь его служителем и во имя бога Асклипия, я тоже брошусь в сей огонь и посрамлю тех волшебников!

Но едва только огонь коснулся его, он тотчас умер. Видя сие, мучитель испугался и, не желая более судить их, послал мучеников к правителю Клавдию, описав все, случившееся с ними. Сей правитель осудил их на усечение мечом. Тогда они были приведены на место казни, то Киприан попросил себе несколько времени для молитвы, ради того, чтобы прежде была казнена Иустина: он опасался, чтобы Иустина не испугалась, при виде его смерти. Она же радостно склонила свою голову под меч и преставилась к Жениху своему, Христу. Псоле этого отрубили голову и Киприану. Видя неповинную смерть сих мучеников, некто Феоктист, присутствовавший там, очень сожалел о них и, воспылав сердцем к Богу, припал к святому Киприану и, лобызая его, объявил себя христианином. Вместе с Киприаном и он тотчас был

осужден на отсечение головы. Так они предали свои души в руки Божии; тела же их лежали шесть дней не погребенными. Некоторые из бывших там странников тайно взяли их и отвезли в Рим, где и отдали одной добродетельной и святой христианке, по имени Руфине. Она похоронила с честью тела святых Христовых мучеников: Киприана, Иустины и Феоктиста. При гробах же их происходили многие исцеления притекавшим к ним с верою Молитвами их да исцелит Господь и наши болезни телесные и душевные!

Моисей Мурин

В странах египетских проживал некий разбойник, по имени Моисей, мурин, что значит негр, лицом мрачный. Сначала он был рабом у одного славного господина, но совершил убийство и господин его прогнал. Не зная чем заняться и как заработать на пропитание, Моисей присоединился к разбойникам. За свою жестокость и суровость разбойники избрали его своим атаманом. Совершая разбой, Моисей вместе с товарищами производил много хищений, кровопролитий, творил много иных мерзких беззаконий и преступлений; своею жестокостью Моисей прославился среди всех, ибо все боялись его. Даже одно имя Моисея наводило ужас на жителей окрестных мест. Чтобы понять насколько он был жесток и силен, следует упомянуть о тком его деле: Моисей питал злобу на одного пастуха, пасшего овец, за то, что этот пастух со своими псами, охранявшими стадо, воспрепятствовал некогда Моисею совершить злодеяние. Увидав однажды, что тот пастух пас овец по ту сторону реки Нила, Моисей замыслил его убить. Река Нил была переполнена водой по случаю разлива и была в тот момент очень широкой, такой что не всякая птица могла перелететь её. Моисей, связавши свою одежду, привязал ее к голове, взял в уста меч и отправился в плавание по этой великой реке. Упомянутый пастух, увидав Моисея еще издали, когда он переплывал реку, оставил овец и убежал с того места. Моисей же, переплыв реку, но не найдя пастуха, умертвил четырех крупнейших ягнят, потом связал веревкою сих ягнят и затем обратно переплыл реку Нил, взяв с собою ягнят; очистив сих ягнят от шкуры, Моисей съел мясо их, а шкуру продал и на вырученные деньги выпил вина.

Долгое время Моисей проводил жизнь в таких греховных делах. Несколько лет пробыл в такой греховной жизни разбойник Моисей, но по великой милости Божией раскаялся, оставил шайку разбойников и ушел в одну из пустынных обителей. Здесь он долго плакал, прося принять его в число братии. Монахи не поверили его искреннему покаянию, но бывший разбойник до тех пор

умолял не отгонять его, пока братия не приняла его. В монастыре преподобный Моисей находился в полном послушании у игумена и братии, он проливал много слез, оплакивая свою греховную жизнь. Через некоторое время преподобный Моисей ушел в уединенную келлию, где проводил в молитве и строжайшем посте суровую жизнь. Однажды на келлию преподобного Моисея напали 4 разбойника из его бывшей шайки, но он, не утративший огромной физической силы, связал их всех и, подняв на плечи, принес в монастырь, спрашивая у старцев, как поступить с пленниками. Старцы велели отпустить их. Разбойники, узнав, что попали к своему бывшему предводителю, а он их пощадил, последовали его примеру, покаялись и стали монахами. Когда остальные разбойники услышали о покаянии преподобного Моисея, то оставили разбой и стали усердными иноками.

Преподобный Моисей не скоро освободился от страстей. Он часто приходил к игумену монастыря авве Исидору, прося совета, как избавиться от блудной страсти. Опытный в духовной брани старец учил его никогда не пресыщаться пищей, пребывать впроголодь, соблюдая строжайшее воздержание. Страсть не оставляла преподобного Моисея в сонных видениях. Тогда авва Исидор научил его всенощным бдениям. Преподобный простаивал все ночи на молитве, не преклоняя колен, чтобы не заснуть. От длительной борьбы преподобный Моисей пришел в уныние и, когда у него возник помысл оставить пустынную келлию, авва Исидор подкрепил дух ученика. Он показал ему в видении много демонов на западе, готовящихся к борьбе, а на востоке еще большее количество святых Ангелов, также приготовлявшихся к битве. Авва Исидор обнадежил преподобного Моисея, что сила Ангелов превосходит силу бесов, а долгая борьба со страстями нужна ему, чтобы совершенно очиститься от прежних грехов.

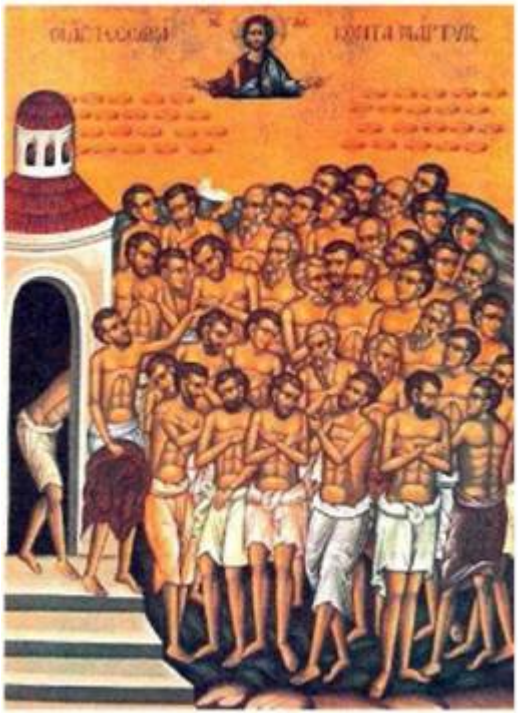
Преподобный Моисей предпринял новый подвиг. Обходя по ночам пустынные келлии, он приносил каждому брату воду из колодца. Особенно он старался для старцев, которые жили далеко от колодца и были не в силах принести себе воды. Однажды, наклонясь над колодцем, преподобный Моисей почувствовал сильный удар в спину и замертво упал у колодца, пролежав в таком положении до рассвета. Так бесы мстили преподобному за победу над ними. Утром братия принесла его в келлию, и он пролежал целый год в расслаблении. Поправившись, преподобный с твердой решимостью исповедал игумену, что он будет продолжать подвизаться, Но Господь Сам положил предел этой многолетней борьбе: авва Исидор благословил ученика и сказал ему, что блудная страсть уже оставила его. Старец велел ему причаститься Святых Таин и с миром идти в свою келлию. С тех пор преподобный Моисей получил от Господа власть над бесами.

Слава о его подвигах распространилась среди иноков и за пределами пустыни. Правитель страны захотел увидеть святого. Узнав об этом, преподобный Моисей решил скрыться от посетителей и ушел из своей келлии. По дороге он встретил слуг правителя, которые спросили его, как пройти к келлии пустынника Моисея. Преподобный ответил им: «Не стоит ходить к этому лживому, недостойному монаху». Слуги возвратились в монастырь, где их ждал правитель, и передали ему слова повстречавшегося старца. Братия, по описанию наружности старца, единодушно признали в нем самого преподобного Моисея.

Проведя много лет в иноческих подвигах, преподобный Моисей был рукоположен во диакона. Епископ облек его в белую одежду и сказал: «Авва Моисей ныне весь бел». Святой ответил: «Владыко, что делает чистым – внешнее или внутреннее?» По смирению преподобный считал себя внутренне недостойным принять сан диакона. Однажды епископ решил испытать его и велел клирикам гнать диакона из алтаря, ругая его недостойным мурином. С полным смирением преподобный принимал бесчестие. Испытав его, епископ посвятил преподобного во пресвитера. В этом сане преподобный Моисей подвизался 15 лет и собрал вокруг себя 75 учеников.

Когда преподобному исполнилось 75 лет, он предупредил своих иноков, что вскоре на скит нападут разбойники и умертвят всех насельников. Святой благословил иноков уйти заблаговременно, чтобы избежать насильственной смерти. Ученики стали просить преподобного уйти вместе с ними, но он ответил: «Я уже много лет ожидаю времени, когда на мне исполнится слово Владыки моего, Господа Иисуса Христа, сказавшего: «Вси, приимшии нож, ножом погибнут» (Мф. 26, 52). Тогда с преподобным остались 7 братьев, из которых один, при приближении разбойников, спрятался неподалеку. Разбойники убили преподобного Моисея и оставшихся с ним шесть иноков. Кончина их последовала около 400 года.

Сорок мучеников Севастийских



Когда в древние времена бывали гонения на христиан, языческие правители заставляли всех приносить жертвы идолам – ив первую очередь это касалось христиан-воинов. В римском войске в полку, который стоял в армянском городе Севастия, служили сорок друзей, очень смелых и доблестных воинов и настоящих христиан; конечно, они отказались приносить жертву языческим богам. Их посадили в тюрьму. Вечером, когда они пели псалом «Живый в помощи Вышняго», им явился Сам Господь, укрепляя их на предстоящие страдания. Семь дней друзья провели в темнице, а потом их повели на суд.

– Чего нам бояться? – сказал товарищам воин по имени Кирион. – Бог всегда помогал нам в сражениях. Помните, какой был бой, когда все наши полки бежали, а мы остались одни посреди врагов? Как мы помолились Богу и вырвались из окружения? И ведь никто из нас даже не был ранен! А теперь с нами воюет всего один невидимый враг – сатана. Нас-то сорок, где ему победить? Помолимся от всего сердца Господу! И они, как всегда идя в бой, запели псалом «Боже, во имя Твое спаси мя». На судилище правитель велел бить воинов камнями, но слуги, швыряя булыжники, попадали друг в друга.

Тогда он сам прицелился в одного из мучеников – но угодил в военачальника, гонителя христиан, и разбил ему лицо. Мучеников повели к озеру неподалеку от города и раздетых поставили на лед. Была зима, и стоял лютый мороз с ветром. На берегу нарочно затопили баню, чтобы тот, кто не вынесет пытки и отречется от Христа, мог согреться. Вечерело, и мороз усиливался. Тела христиан быстро покрывались ледяной коркой. И один не выдержал:

он побежал прочь от товарищей к жарко натопленному дому. Но едва ступив на порог бани, несчастный упал замертво и растаял, как воск.

– Господи, Тебя хвалит вся тварь, огнь, град, снег, лед и дыхание бури, – пели мученики. – Услышь нас, да не потопит нас буря водная, помоги нам, Боже Спасе наш!

И внезапно их словно солнцем осветило. Свет был теплый, как летом, он растопил лед и согрел воду. Стражи на берегу спали, только один слушал, как они молились, и размышлял – почему эти люди все еще живы? Тут он увидел какой-то необыкновенный свет, льющийся с неба, – это на головы святых спускались тридцать девять сверкающих венцов.

– Почему тридцать девять? – подумал стражник.– Ведь воинов было сорок. – И понял, что сорокового венца нет, потому что один из них не выдержал испытания.

Тогда стражник сбросил с себя одежду и побежал по льду, крича:

– Я тоже христианин!

Встав рядом со святыми, он взмолился:

– Господи Боже, верую в Тебя! Причти меня к их числу и сподоби пострадать с Твоими рабами, чтобы и я был достоин Тебя.

Так восполнилось число сорока мучеников. Дьявол, видя, что ему не удалось взять над ними верх, принял образ человека и громко стенал:

– Горе мне! Эти люди победили, что мне теперь делать? Сожгу их тела и брошу в воду, чтобы ничего от них не осталось!

Наутро правитель и военачальники пришли к озеру и изумились и разгневались, увидев, что христиане живы.

Правитель велел молотом разбить им голени, отчего святые и предали души Богу. Их тела привезли на берег реки и сожгли там, а кости бросили в воду. Но Господь не попустил, чтобы погибла хоть одна частица святых мощей. Через три дня сорок мучеников явились во сне Севастийскому епископу Петру и сказали:

– Вынеси нас ночью из реки.

Когда в темноте их вынимали из воды, останки мучеников сияли, как звезды, и то место, где лежала хоть самая маленькая частица, освещалось Божественным светом. Так и все страдавшие за Христа и получившие от Него венцы, сияют в мире, как светила, на спасение всем верующим в Отца и Сына и Святого Духа.

Преподобный Досифей

В те времена, когда в пустынях Палестины, Сирии и Египта процветали монастыри и подвизались отшельники, в одном городе жил юноша по имени Досифеи. Родителей у него не было, и он воспитывался в доме своего родственника, богатого и знатного военачальника. Приемный отец любил его и заботился о нем, так что Досифей ни в чем не нуждался. Только он никогда не слыхал слова Божия. Однажды слуги заговорили при нем о Иерусалиме. Досифею захотелось побывать там, и он стал просить, чтобы его отпустили в святой град. Отказа ему ни в чем не было, и вскоре юноша отправился в Палестину. В Гефсимании он увидел изображение Страшного суда. Досифей с изумлением разглядывал грешников и геенну огненную, как вдруг заметил, что он не один – рядом стояла Женщина в багряном покрывале. Она заговорила с ним об адских муках и о грехах; Досифей, в жизни не слыхавший ничего подобного, молча внимал каждому слову.

– Госпожа, а что делать тому, кто не хочет попасть в ад? – наконец спросил он.

– Постись, не ешь мяса и часто молись,– ответила Она и стала невидима.

Досифей кинулся искать Ее, все обошел – но больше не встретил Пречистой Богородицы.

Он стал свято соблюдать полученные заповеди, так что его спутник, друг военачальника, забеспокоился, как на это посмотрят родные юноши. А простые воины сказали Досифею:

– Так, как ты, мирские люди не живут; если хочешь поститься и молиться, иди в монастырь, там спасешься.

Досифей не знал, что такое монастырь, и ответил:

– Ведите меня, куда хотите, сам я не знаю, куда идти. Его отвели в монастырь аввы Серида. Авва позвал к себе преподобного старца Дорофея и сказал:

– Вот, отче, привели ко мне юношу. Говорят, он хочет жить в обители; боюсь, как бы не оказалось, что он убежал из дому и что-нибудь украл,– уж очень он не похож на тех, кто поступает в монастырь. Поговори с ним.

Как авва Дорофей ни расспрашивал юношу, он на все получал ответ:

– Хочу спастись.

Тогда старец сказал авве Сериду:

– Отче, прими этого юношу, ничего дурного в нем нет.

– А ты, отче Дорофей, возьми его к себе, – ответил игумен.

Преподобный Дорофей по смирению не хотел принимать ученика, но оказал послушание монастырским старцам и взял Досифея к себе.

В первый день, когда пришло время обедать, отец Дорофей сказал юноше:

– Ешь досыта, потом скажи мне, сколько ты съел.

– Отче, я съел целый хлеб и еще половину,– сказал Досифей, пообедав.

– И хватило тебе? – спросил старец. – Ты не голоден?

– Я сыт,– ответил юноша.

– Завтра раздели половину еще пополам и съешь целый хлеб с четвертью, – сказал старец.

На следующий день после обеда авва Дорофей спросил ученика: – Досифей, ты голоден?

– Немного,– ответил тот.

Через несколько дней старец снова спросил юношу, хватает ли ему еды.

– Да, отче, за твои молитвы я не чувствую голода.

– Тогда ешь хлеб и полчетвертушки,– велел авва.

И так с Божией помощью мало-помалу Досифей стал довольствоваться малым ломтем хлеба; ведь и в еде бывает привычка – кто сколько привыкнет, столько и ест. Досифей во всем слушался своего старца и каждое его слово исполнял как приказание. В первое время юноша очень громко разговаривал, авва Дорофей однажды сказал ему в шутку:

– Ну, Досифей, тебе надо вина принести!

Ученик пошел, принес полную чашу вина и хлеб и поставил перед старцем, ожидая, что тот благословит еду и питье.

Отец Дорофей удивленно посмотрел на него и спросил:

– Чего ты хочешь, Досифей?

– Ты велел принести вина – благослови, – отвечал тот.

– Неразумный,– сказал старец,– я сказал про вино, потому что ты кричишь, как пьяный дикарь.

Досифей поклонился старцу в ноги, унес вино и с тех пор говорил тихим голосом.

Однажды он пришел к преподобному Дорофею и попросил объяснить ему одно место из Священного Писания. Старец же не хотел, чтобы Досифей входил в толкование Писаний, но считал, что ему лучше быть в смирении, и, когда ученик задал ему вопрос, он ответил:

– Не знаю.

Досифей пришел в другой раз, и снова старец сказал:

– Не знаю. Иди спроси игумена.

Ученик нимало не колеблясь направился к авве Сериду. А преподобный Дорофей успел заранее предупредить его и попросил, когда придет Досифей и начнет расспрашивать о Писании, побить юношу.

– Ничего не знаешь, так молчи! Как ты смеешь спрашивать? – ругал авва Серид Досифея.– Тебе ли разбирать Священное Писание? – И, побив его, отпустил.

Ученик смиренно принял побои и, вернувшись к старцу, показал ему на свои щеки, красные от пощечин, и сказал:

– У меня и на спине есть след от удара.

Досифей был тихий и старательный. Вместе с преподобным Дорофеем он нес послушание в монастырской больнице, и больным нравилось, как он работает, потому что юноша все делал тщательно и чисто. Но иногда случалось, что он раздражался на больных п говорил гневные слова; после этого он все бросал и, плача, уходил в кладовую. Его утешали, но он не успокаивался. Тогда братия отправлялись к старцу Дорофею.

– Отче, пойди узнай, что с Досифеем, почему он так рыдает,– говорили монахи.

Авва Дорофей шел в кладовую.

– Что с тобой? – спрашивал он.

– Прости меня, отче, я рассердился и нехорошо отвечал брату.

– И не стыдно тебе, – укорял старец ученика, – сердишься, плохо разговариваешь с братом… Разве ты не знаешь, что тем самым обижаешь Христа?

Досифей низко опускал голову и ничего не отвечал. Когда старец видел, что юноша наплакался, он тихо говорил ему:

– Господь простит тебя, вставай, с сегодняшнего дня положим начало исправлению. Будем стараться, и Бог поможет.

Получив прощение как от Самого Господа, Досифей радостно вскакивал и шел к больным. Скоро в больнице к этому привыкли, и если Досифей плакал, то все знали, что он кого-нибудь обидел. Тогда братия сразу шли к старцу и говорили:

– Отче, иди в кладовую, там есть для тебя работа. Старец стыдил и утешал ученика, и снова тот вставал и с верой возвращался на свое послушание.

Досифей очень хорошо перестилал постели. Когда мимо него проходил авва Дорофей, юноша говорил ему:

– Отче, мне пришло на мысль, что я хорошо стелю постели.

– Удивительное дело! – отвечал старец. – Ты неплохой слуга и отлично заправляешь постели –

вот только хорошим иноком никак не станешь.

Преподобный Дорофей не позволял своему ученику привязываться к вещам. Когда Досифею нужна была но– вал одежда, старец благословлял шить ее самому, и юноша с усердием принимался за работу.

– Готово? – спрашивал старец.

– Да, отче, – отвечал Досифей. – Хорошо получилось.

– Пойди отдай брату или вон тому больному. И Досифей с радостью слушался.

Однажды из кузницы принесли хороший нож. Досифей взял его и понес показывать своему авве.

– Вот, отче, я взял для больницы, если благословишь, потому что уж очень он хорош.

– Досифей, тебе так хочется иметь этот нож? – спросил преподобный.– И не стыдно тебе, что ты будешь его рабом, а не Божиим? Досифей стоял, опустив голову.

– Отнеси нож в больницу, положи и не прикасайся к нему,– велел старец.

Ученик так и сделал – и ни разу не прикоснулся к ножу, хотя другие больничные служители им пользовались. Никогда юноша не прекословил и не обижался на своего отца духовного, а с радостью делал все, что тот говорил. Досифей недолго прожил в монастыре – всего пять лет: он заболел чахоткой и приближался к смерти. Кто-то сказал ему, что чахоточным полезно есть сырые яйца. Преподобный Дорофей тоже об этом знал, но как-то позабыл. Досифей сказал своему старцу:

– Отче, я слышал об одном средстве от моей болезни. Н.» прошу тебя, дай слово, что не принесешь мне этого. Авва Дорофей обещал ему, и юноша сказал:

– Я слышал, что при чахотке полезно есть сырые яйца, но раз ты не велел мне этого – то уже и не вели, чтобы мне не смущаться помыслами.

– Хорошо, чадо, не буду, только не печалься,– сказал старец и больше не заговаривал об этом, а давал ему другие лекарства.

Старец велел Досифею всегда молиться: «Господи Иисусе Христе, Боже мой, помилуй мя» и: «Сыне Божий, помоги мне». Когда юноша уже сильно ослабел от болезни, старец сказал ему: – Досифей, помни о молитве, смотри, не потеряй ее.

– Хорошо, отче, помолись за меня, – отвечал ученик. Когда Досифею стало еще хуже, старец спросил его: – Что, Досифей; как молитва? – Хорошо, отче, за твои молитвы.

Когда юноша уже не вставал с постели и очень мучился от болезни, он сказал:

– Прости, отче, не могу больше держать молитву.

– Тогда оставь, – сказал старец, – только помни Бога н смотри на Него, как бы Он был перед тобой. Терпя сильные страдания, юноша послал сказать великому старцу Варсонофию, подвизавшемуся в том монастыре, что он не может больше жить и просит отпустить его. – Терпи, чадо, уже близка милость Божия,– отвечал великий авва.

Через несколько дней Досифей послал к старцу сказать, что он уже больше не может терпеть. – Иди с миром, предстань пред Святой Троицей и молись за нас, – ответил старец. Услышав ответ Варсонофия, братия удивлялись и негодовали. – Что он такого сделал,– говорили они,– за что ему такая слава?

В том монастыре было много постников и старцев, подвизавшихся в молитве и посте. Но никто не видел, чтобы Досифей усиленно постился или больше других молился – он и в церковь приходил только к поздней службе, и, случалось, доедал остатки больничного обеда. Через несколько дней после кончины Досифея в монастырь пришел один великий подвижник. Он молился, чтобы Господь открыл ему загробную участь почивших в той обители братии. Господь показал ему всех отцов стоящими в светлом месте, и посреди них радовался юноша. – Кто этот юный инок? – спросил старец братию. Те недоумевали, но, когда он описал его, все поняли, что это был Досифей, и дивились, что в столь краткое время он пришел в меру святых – за святое послушание.

Святой Благоверный князь Александр Невский

У каждого человека есть имя. Многих из нас назвали в честь бабушек, дедушек или других родственников. А кто-то считает, что родители выбрали ему имя совершенно случайно. Если имя не выдумано, а дано нам в честь святого угодника Божьего – того, кто своими делами прославил Господа Иисуса Христа, то именно он становится в таинстве Крещения нашим небесным покровителем и оберегает нас на жизненном пути. Он ведает нашу жизнь, знает о наших скорбях и неустанно молит Бога о нас. Поэтому важно знать не только значение собственного имени, но и жизнь своего небесного покровителя и обращаться к нему за помощью и поддержкой в своих молитвах. Не случайно ведь говорится: «По имени и житие». Александр в переводе с греческого языка означает «защитник людей». Среди православных святых, носивших это имя, были патриархи, священники, монахи, простые миряне Кто-то из них мученически пострадал за веру, кто-то послужил Господу иными подвигами и трудами. Однако с особой любовью русский народ чтит память святого благоверного князя Александра Невского. Благоверный князь Александр Невский родился 30 мая 1220 года в городе Переяславле-Залесском. Отец его, Ярослав Всеволодович, был «князь кроткий, милостивый и человеколюбивый». Мать святого Александра, Феодосия, – рязанская княгиня, обладала добрым и тихим нравом. Со стороны отца он был потомком Владимира Мономаха, а со стороны матери – родной внук святого Мстислава Храброго. От отца Александр унаследовал умение пользоваться обстоятельствами, мудрую расчетливость и стремление к собиранию земли вокруг одного престола. От предков по материнской линии ему достались беззаветное мужество, сострадание к людям и печаль о славе родной земли. Когда маленькому Александру исполнилось четыре года, состоялся обряд посвящения его в воины. Княжича опоясали мечом

и посадили на коня. В руки дали лук со стрелами. С этого дня стали его обучать воинскому искусству – умению владеть мечом, стрелять из лука, биться палицей и секирой. Но не только ратное дело постигал юный князь, учили его также письменности и счету. Игумен Симон объяснял ему Библию и Евангелие, читал древнерусские летописи. А отец наставлял защищать Русскую землю, править людьми, беречь веру православную, ибо в то время любой русский князь до конца своих дней оставался правителем и воином. Александр рос серьезным, вдумчивым отроком. Избегая пустых забав, он любил чтение священных книг и пение церковное. Часто ходил в храм и по ночам наедине долго-долго молился перед иконами. С юных лет благоверный князь Александр был поставлен княжить в Новгороде. За ум, добрый нрав, отвагу и рассудительность он пришелся по нраву жителям города. Народ с гордостью и радостью любовался им и с почтением внимал его речам. Одаренный мужеством, красотой и звучным голосом, «гремевшим как труба», по слову летописца, Александр был точно создан для побед. Время его княжения совпало с трудным периодом в истории Руси. С востока шли монгольские орды, с запада надвигались крестоносцы.

Первым в Крестовый поход на Русь отправился шведский полководец Ульф Фаси, правой рукой которого стал королевский зять Биргер. Случилось это в 1240 году. Новгород к тому времени был одним из самых богатых и крупных городов Европы. Сюда не дошли полчища Батыя. Поэтому и поспешили в Новгород крестоносцы. Враги надеялись на легкую победу и богатую добычу, ибо знали, что при внезапном нападении городу неоткуда ждать помощи. На ста кораблях вошли они в устье Невы. И как только высадились на берег, Биргер тотчас послал гонцов к князю Александру сказать: «Если можешь, защищайся, – я уже здесь и разоряю землю твою». Ни страха, ни гордости не изъявил послам Александр. Он собрал войско и долго молился в храме Святой Софии, прося Господа дать ему силы на борьбу с врагом. Получив благословение архиепископа, вышел князь Александр к своей дружине и сказал ей краткое, но великое слово: «Нас немного, а враг силен. Но не в силе Бог, а в правде! Не будем бояться врага, ибо с нами Бог!» Не имея времени дождаться помощи от отца, великого князя Ярослава, Александр выступил в поход и 15 июля 1240 года пришел к берегу Невы. Здесь встретил его с донесениями старейшина Пелгусий и рассказал ему о чудном явлении, которое он видел ночью, ожидая князя. – Уже начинало светать, как по простору морскому пронесся шум. Показалась большая ладья. Посреди нее стояли в великом сиянии, в червленых ризах два витязя, Борис и Глеб. Борис взял за руку Глеба и сказал: «Брат Глеб, поможем сроднику нашему, князю Александру!»

Хотя князь повелел никому не рассказывать об обещанной святыми небесной помощи, но неведомыми путями весть эта разнеслась среди ратников, и они, дивясь оказанной им милости, давали друг другу слово, что и сами не посрамят чести воина. Шведы знали, что основные полки у русских еще не собраны. Поэтому, надеясь на долгую военную компанию, они основательно обустроились в лагере. Подойдя к вражескому лагерю незамеченными, русские внезапно ударили по шведам. В стане врага началась суматоха, поскольку многие воины не успели надеть на себя доспехи и кони их паслись на лугу.

«И была сеча великая, и перебил их князь бесчисленное множество, и самому предводителю Биргеру возложил печать на лицо острым своим копьем».

Бой тянулся до самой ночи. А когда поднялась луна, русские уже не нашли в поле ни одного шведа, который мог бы сражаться. Неприятель был разбит. Часть кораблей сожжена, а те, что остались, поспешили уйти в сторону моря. Много шведов погибло в той битве. У русских же потери были невелики: всего 20 человек осталось лежать на поле боя. Новгородцы потом говорили, что вместе с ними сражались ангелы Божий, что силы небесные избивали шведов. Радостная весть разнеслась по всей Руси. То была первая победа над чужеземцами после страшного Батыева нашествия. За победу на реке Неве народ прозвал князя Александра

Ярославича Невским. С торжеством возвратились победители в Новгород. Но недолго княжил в нем Александр. Поссорившись с новгородцами, которые хотели ограничить его власть, он с дружиной вернулся в Переяславль. Римский Папа тем временем и не думал отказываться от распространения своей власти на русские земли, и потому новое ополчение, теперь уже немецких крестоносцев, двинулось на Псков и Новгород. До Александра дошла их наглая похвальба: «Пойдем погубим русского князя, возьмем Александра живым в плен!» Князь в то время все еще находился в своем родном городе Переяславле. Когда же по просьбе бояр возвратился он в Новгород, то часть Новгородских земель и Псков были уже разорены и разграблены немцами, ополчения разбиты. Рыцари успели даже построить крепость в Копорье, откуда выходили разбойничать по окрестностям. По своему обыкновению, князь Александр первым делом направился в храм Святой Софии и со слезами на глазах просил у Бога сил на новый подвиг. Новгородцы тоже молились за своего князя. Они верили, что Господь не оставит их и на этот раз. Немецкие рыцари еще не успели узнать о предполагаемом походе, а войско Александра уже стояло под стенами крепости. Сокрушить ее оказалось несложным делом. Следующим был город Псков. Но и он скоро был взят и объявлен свободным. Бояр-изменников заковали в цепи и повели в Новгород. С пленными же немцами князь поступил иначе: только именитых взял с собой, остальных отпустил, ибо на простых воинов зла не держал. Не терпел лишь предательства и лжи. Немецкие рыцари поспешили убраться восвояси. Но вскоре вновь стали собираться воедино, чтобы дать князю Александру решающее сражение и разгромить его. Александр Невский не стал ждать нового вражеского похода, а сам двинулся навстречу рыцарям. На рассвете 5 апреля 1242 года со скалы Вороний камень, которая звалась так потому, что и зимой, и летом, высматривая добычу, тут кружили стаи ворон, князь Александр наблюдал, как по замерзшей глади вод приближаются рыцарские полчища. Блики солнца на доспехах казались молниями в грозовой туче. Но княжеская дружина была спокойна. «Пришло время победить!» – говорили воины. Солнце взошло, и немецкий строй, прозванный у русских «свиньей», врезался в полки князя. И, как писал потом летописец, была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий, и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылся он кровью. Лед, не выдержав конников, начал ломаться, и неповоротливые в своих тяжелых доспехах рыцари стали исчезать под водой. Бой длился весь день, и к ночи грозного войска крестоносцев уже не было. Жители Пскова встречали князя Александра в праздничных одеждах. Впереди стояло духовенство с иконами. Князь приближался к ликующему народу верхом на коне во главе своих воинов, а за ним, понурив головы, шли немецкие пленники. Вступив в город, Александр направился к храму Святой Троицы, чтобы принести благодарственную молитву. Русские не сомневались, что все удачи, победы над врагом и избавления от бедствий происходят с Божией помощью и по молитвам Пресвятой Богородицы. После церковной службы начался всенародный пир, продолжавшийся несколько дней. За его столами вместе оказались и самые знатные люди города, и простой люд. После шведов и немцев Александр обратил оружие на литовцев. В течение нескольких дней он одержал семь побед, показав таким образом, что нельзя безнаказанно совершать набеги на русские земли. Но как ни высоки воинские подвиги во славу Отечества, еще выше – смирение для блага Родины. Ставя превыше всего верность долгу, святой князь Александр смог подавить в себе самолюбие и ценой личного унижения сохранить Отчизну. Нелегко жилось на Руси под гнетом Золотой Орды. Но русские земли еще не готовы были победно восстать против золотоордынских ханов. Приходилось платить большую дань, отбивать многочисленные набеги кочевников. Как правитель удельного княжества, много сил приложил Александр Невский, чтобы сохранить мир на своей земле. В Золотой Орде уважали русского полководца. Хан Батый был наслышан о его блистательных победах и потому велел передать ему: «Князь Новгородский, известно ли тебе, что я покорил множество народов. Ты ли один будешь независим? Если хочешь властвовать спокойно, явись в моем шатре». На этот зов можно было ответить гордым отказом и подвергнуть за то всю Русь опустошению. Александр же любил родное Отечество более, чем свою княжескую честь, и потому отправился

в Орду. Когда сборы были позади, князь, помолившись и получив благословение епископа, простился с близкими. У городских ворот он поклонился провожавшему его народу, выехал за деревянный тын и, пока город не исчез за его спиной, ни разу не обернулся. Никто не мог бы поручиться за благоприятный исход этого путешествия, тем более что на Русь постоянно приходили страшные подробности расправ в татарском стане над теми, кто отказывался поклоняться идолам и выполнять языческие обряды. Приезжавшие на поклонение князья допускались к хану не сразу. Сначала они должны были поклониться огню. Татары верили, что даже яд теряет свою силу, когда человек проходит между двух огней.

После огня следовало поклониться идолам. Когда князю Александру предложили исполнить эти обряды, он бестрепетно ответил:

– Я христианин. И поклоняюсь Богу Единому, в Троице славимому, создавшему небо, и землю, и все, что на них есть.

– Смерть, смерть ему! – закричали татары.

Все были уверены, что от хана придет краткий указ: «Выбирай одно из двух – жизнь или смерть!» Но, к всеобщему изумлению, когда явились ханские слуги, то приказ гласил: «Князя к исполнению обрядов не принуждать!» Князь Александр предстал перед ханом. Тот с удивлением внимал его мудрым речам, горевшим любовью к Родине. Он и сам был мужественным воином, поэтому, обернувшись к стоявшим вокруг него приближенным, сказал: «Правду говорили мне: нет князя, равного этому!» Вскоре после возвращения в Новгород князь Александр тяжело заболел. Все русские люди с трепетом ждали исхода болезни и неотступно молились за него. Он был надеждою Руси. И не только по причине прежних побед. Его умение обходиться с золотоордынскими ханами было очень важным для Руси. Он всячески благотворил бедствующим, посылал в Орду золото и серебро для выкупа пленных. Бог услышал молитву людей, и Александр выздоровел. Вскоре он получил ярлык на великое княжение во Владимире. И с этого времени стал таким же защитником Русской земли от татар, как ранее от крестоносцев. Последние, не сумев захватить Русь силою, пошли на хитрость. К Александру приехали послы Папы Римского, благословлявшего крестоносное воинство на походы против православных русичей. Послы, обещая многое, в том числе и помощь, предложили князю Александру принять католичество. Мудрый Александр ответил отказом: «Мы знаем истинное учение Церкви, а вашего не приемлем и знать не хотим». В 1262 году во Владимире, Ростове, Суздале, Переяславле и Ярославле вспыхнули восстания против татарских откупщиков дани. Страшная расплата должна была постигнуть землю. Шли слухи, что татарские полчища уже готовы ворваться в русские пределы. Понимая, чем это может обернуться для людей, Александр поспешил к хану. Более года пробыл Александр в Орде. Как упрашивал он хана, что говорил ему, неизвестно. Но он и на этот раз отвел грозу. Русь была спасена. Ему не только удалось примириться с ханом, договориться о размерах новой дани, но и выхлопотать льготу – освобождение от повинности выставлять для татар военные отряды, куда и под страхом смерти не просто было набрать людей. Получив разрешение оставить свою почетную неволю, великий князь с радостью покинул Орду. Что пережил он там за это время, сколько новых страданий и унижений выпало на его долю, ведомо одному Богу. Александр спешил домой. Но силы оставляли его: он был сражен тяжкой, непосильной для простого человека жизнью. Четыре поездки в Орду, двадцать битв… Недалеко от Владимира, около Городпа, ему стало совсем плохо. Сознавая, что смерть близка, Александр принял пострижение в схиму с именем Алексия. Облегчив свою душу исповедью и причащением Святых Тайн, он призвал приближенных и уже чуть слышным голосом дал последнее благословение. Стояла глубокая осень. Почившего любимца несли на руках во Владимир. А в это время митрополит Кирилл совершал службу в одном из храмов города. И вдруг перед ним словно живой, но озаренный нездешним светом предстал князь Александр. Лицо митрополита выражало великое волнение.

Слезы показались в его очах, и, опустив голову, он сказал: «Солнце земли Русской закатилось!» Не поняли люди ужасного смысла этих слов. И тогда, собравшись с силами, он произнес: «Чада мои милые, знайте, что ныне великий князь Александр преставился». На торжественное отпевание в храме собралось множество людей. Пылали свечи, курился фимиам... Плач и стон заглушали церковное пение. Народ прощался с великим князем. При отпевании совершилось чудо: когда усопшему вкладывали в руку прощальную грамоту, он неожиданно сам протянул за нею руку, взял листок с молитвой и снова сложил крестообразно руки на груди. Трепет и ужас объяли присутствующих – ведь девять дней прошло с тех пор, как почил князь. Это событие уверило народ, что Бог прославит благоверного князя, и положило начало его посмертному почитанию. По свидетельству летописцев, в 1380 году, перед Куликовской битвой, ночью, в том храме, где была могила святого Александра, загорелись сами собою свечи. О явлении этом было сообщено в Москву, и тогда же нетленные мощи (останки) благоверного князя были открыты. В 1724 году по повелению Петра I мощи Александра Невского были перенесены из Владимира в Санкт-Петербург, для утверждения новой столицы, основанной на берегу Невы, где святой витязь славил Русь своими победами. Мощи были установлены в Александро-Невской лавре. Здесь они покоятся и поныне, являя по вере и молитвам чудеса.

История Киево-Печерской Лавры

1. Иларионова пещера

Во времена великого князя Владимира Святославовича жил в селе Берестово человек по имени Иларион. Село было большое, старинное, стояло оно недалеко от Киева, на берегу Днепра. Кругом на песчаных холмах росли вековые сосны, и, когда захотел великий князь выстроить себе терем в селе Берестово, чтобы отдыхать от государственных забот, срубили сорок этих сосен, наделали из них брёвен, да и сложили палаты. Из таких же брёвен построили и церковь, а назвали её в честь святых апостолов. Иларион был в этой церкви священником. Православная вера лишь недавно пришла на Русь, и среди русских жителей было немного людей, познавших книжную мудрость. Да и книг тогда было немного, их только начинали переписывать: какие - с греческих, а какие - с тех, что перевели на славянский язык великие учители - братья Кирилл и Мефодий. Иларион же был человеком учёным, книги, прочитывая, старался запоминать наизусть, чтобы они всегда были при нём. Жил он жизнью доброй, благочестивой - не обижал никого ни словом, ни делом. А если кто нуждался в помощи, Иларион узнавал первым и сразу приходил. На вершине одного из ближних холмов, поросшей соснами столь огромными, что казалось - верхушки их достают небо, выкопал себе Иларион маленькую пещерку. В храме вёл он службу лишь в урочные часы, а когда церковь закрывалась, душа требовала продолжения молитвы. Иларион и уходил для этого в свою пещерку. Там у него были небольшая иконка, глиняная лампада с маслом и фитилём. Стены в пещере были песчаные, воздух чистый, сухой, и при неярком свете лампады иногда с вечера до утра молил Иларион Господа о спасении всех людей. После смерти Владимира Святославовича его сын, великий князь Ярослав Мудрый, призвал священника Илариона в Киев: «Поручаю тебе многотрудное дело. Ты книги читаешь, тебе всякие языки понятны - кому, как не тебе, и ехать через земли, народы и королевства в Париж с почётным посольством и дочерью моей княжной Анной». В Париже в 1048 году стала русская княжна Анна Ярославна французской королевой, женой короля Генриха I. А Иларион выполнил поручение и вернулся к великому князю. Хотел он снова отправиться в Берестово, да и по пещерке своей соскучился, но тут его избрали митрополитом - главой Русской Православной Церкви. Прежде ею руководили греки, Иларион же стал первым митрополитом, для кого русский язык - родной. А ещё Иларион прославился своей книгой, она называется «Слово о законе и благодати». Книга та рассказывала о великой роли христианства и судьбе Руси среди других народов и государств. Только пустовала его пещерка на высоком холме над

Днепром. Никто не зажигал там лампаду, никто не молился о спасении души.

2. Антоний

А быть может, ждала пещера, когда поселится в ней новый человек. Имя его было Антоний. Антоний родился на Черниговской земле, в городе Любече. С юных лет мечтал он стать иноком, принять монашество. Однажды вышел он из дому и пошёл пешком в сторону Византии. Дорог тогда было мало. Повсюду росли густые леса, в них бродили дикие звери, жили лихие люди. Но у Антония было доброе сердце, а доброе сердце - главный помощник и на своей земле, и на чужой. Антоний прошёл через леса, топи и степь, переправился через реки и море и добрался до Константинополя. Константинополь был великим городом и столицей той великой империи, куда шёл Антоний,- Византии. На Руси этот город называли Царьградом. Ещё дома Антоний услышал рассказ старого воина. Где-то недалеко от Царьграда есть священная гора Афон и нет на земле места красивее. И живут там святые люди - монахи. Для того и прошёл через многие опасности юноша, чтобы люди эти приняли его к себе в монастырь. Жители Царьграда показали Антонию, как дойти до Афона. Антоний встретил на святой горе многих иноков, живших в трудах и постоянных молитвах Господу, удивился и обрадовался их жизни. Искренняя молитва очищает душу, и становится душа человека светлой и лёгкой, словно ангел небесный. Поэтому не было среди монахов ни злобы, ни жадности. Всё у них было общее - имущество, пища, радости. Как раз о такой жизни и мечтал юный Антоний. И стал он умолять игумена - старшего над иноками,- чтобы тот принял его в обитель.

- Хочу, как вы, возвыситься над человеческой природой и, любя Господа, приблизиться к Нему!

Игумен был стар и строг. Посмотрел он на Антония так, словно все его потаённые мысли прочитал, а потом улыбнулся печально.

- Жизнь инока трудна, она полна невзгод и лишений,- проговорил он.- Вижу, мы кажемся тебе сродни ангелам. Но ангелы не мёрзнут и не голодают. Мы же постоянно постимся, питаясь лишь хлебом с водой, а постели наши холодны и жёстки. Отказываясь ублажать тело, мы стараемся возвыситься духом. Твёрдо ли ты решил, чтобы после не каяться?

– Решение моё твёрдо. Я пришёл к вам с Руси и молю: прими меня в вашу обитель!

Старец вновь улыбнулся. И юный Антоний удивился переменившемуся его взгляду: теперь глаза игумена были не пронзительно строгими, а лучились заботливой добротой. Стал Антоний в монастыре самым послушным и старательным иноком. На работах был усерднее многих и задолго до восхода поднимался с жёсткой постели для молитвы. Шло время. Мало-помалу стал он главным помощником игумену и наставником для других. Однажды призвал его игумен: «Антоний, ты сам видишь, как мы тебя полюбили, но долг перед Господом превыше всего! Возвращайся в Русскую землю! Помоги живущим там утвердиться в вере Христовой». И отправился Антоний знакомым путём на родину. И пришёл в город Киев. Вблизи Киева он поселился в пустой пещере, которую когда-то выкопали для жилья варяги. Скоро люди заговорили о молодом отшельнике, который питается лишь чёрным хлебом, запивая его водой, да постоянно молится. Но тут наступили для Руси смутные времена. После смерти великого князя Владимира Святославовича Киевом на несколько лет завладел его приёмный сын, Святополк Окаянный. Многих русских людей перебил этот Святополк, и даже своих братьев Бориса и Глеба. От такого злодейства ушёл Антоний снова на святую гору. Монахи ему обрадовались, игумен встретил как сына родного. Но спустя немного времени он призвал его к себе и опять направил в Русскую землю: «Знаю, ждут тебя на родине и радости, и печали. Но ты недоброе одолеешь и станешь отцом и наставником многих иноков. Иди же!» А к тому времени в Киев вошёл уже великий князь Ярослав Мудрый с новгородской дружиной.

Вернулся Антоний на Днепр и возле села Берестово на высоком холме среди сосен увидел пустую пещеру – ту самую, что вырыл когда-то Иларион. Так перестала пустовать Иларионова пещера и вновь обрела святого человека. С тех пор стали называть её Антониевой.

3. Феодосий

И опять в округе заговорили об иноке-отшельнике, который живёт в пещере, питается лишь хлебом с водой, и то не каждый день, зато всякий день и всякую ночь проводит в молитве. И стали приходить к нему люди за благословением. Кто в опасный поход отправлялся, кто трудное дело замышлял, кто просто жениться хотел – все шли к Антонию. И детей к нему приносили, и убогих вели, чтобы помолился за них перед Господом. Некоторые люди, придя к иноку, так с ним и оставались. Оказался среди них однажды и совсем юный Феодосии. Тогда один лишь Антоний разглядел в нём будущего святого и наставника. Феодосии родился в маленьком городке Василёве, недалеко от Киева. Но потом благочестивые его родители со всем своим хозяйством перебрались в Курск. В Курске больше всего Феодосию нравилось ходить в церковь и слушать чтение божественных книг. Уж и соседи удивлялись, и родители не всегда его хвалили: все дети около домов в игры играют, бегают с громкими криками, а Феодосий из церкви выходить не желает. Купили ему новую красивую одежду, а он просит оставить ему простую, старую. Отец ему про воинские доблести да про торговые дела говорит, а он словами из Священного Писания отвечает. Зато как отдали его в учение грамоте, тут он всех опередил, удивлял старанием и учеников, и учителей. Феодосию исполнилось тринадцать лет, когда умер его отец. Прошло после похорон недели две. Приходит как-то мать домой, а сына нет. «На поле он, со смердами работает,– успокоили соседи, посмеиваясь.– Не веришь – сама погляди, как он за плугом ходит». Мать пошла на поле – и правда, сын вместе с крестьянами землю пашет. И одет, как они, в грубые старые одежды. Схватила она его за руку и насильно привела домой. А была она женщиной рослой, широкоплечей, с большой силой. И когда разговаривала в доме, а люди не видели её, думали, что это мужчина говорит. «Нельзя тебе на поле работать! Ты не смерд, ты в богатой семье родился! – ругала мать Феодосия.– Не позорь семью, надень красивые одежды и иди с детьми поиграй». Но на другой день, едва мать за порог, Феодосии надел то, что бедные люди носят, и снова пошёл со смердами работать. Тут уж мать разъярилась и сильно побила его. «Ты будешь жить по моей воле!» – кричала она. Отрок молча все побои вытерпел, и ей даже показалось, что он смирился. Но через несколько дней услышал Феодосий рассказ о местах, где нёс своё божественное служение Спаситель – Иисус Христос. То говорили странники. Они вернулись недавно из долгого странствия, из Иерусалима, и скоро снова собирались пойти в Святую Землю. Феодосий и прежде постоянно думал, что делать, как жить, чтобы спасти свою душу. Он видел, что дни у многих людей проходят в грехе: они то и дело обманывают друг друга, обижают, не сдерживают ни злых чувств, ни злых поступков. Он же стремился быть таким, каким повелел Господь,– каждого любить и каждому прощать. И решил Феодосии тайно от матери уйти вместе со странниками, чтобы поклониться святым местам. До рассвета, когда все в доме спали – и мать, и слуги,– он тихо выбрался на улицу и в утренних сумерках прокрался к месту, которое назначили ему странники. Из дома он не взял ничего. На нём была лишь ветхая одежда. Хорошо было идти полями и лесами! Над головой небо просторное, голубое! В небе птицы поют, лицо добрые ветра обдувают, а вокруг весёлые попутчики. Странствовали налегке, питались чем подадут, а ночевали там, где настигал вечер. Но мать на третьи сутки догнала их, избила сына, связала и поволокла домой. Много дней просидел он взаперти, а мать кричала ему из-за двери: «Ты же сын мой единственный! Кому передам имущество, что мы нажили с твоим отцом! Да я же люблю тебя больше всего на свете! Молю, не покидай меня больше никогда! Наследуй имущество: и дом, и земли. А хочешь – невесту тебе найду, пригожую лицом и богатую!» Во времена великого князя Владимира Святославовича жил в селе Берестово человек по имени Иларион. Село было большое, старинное, стояло оно недалеко от Киева, на берегу Днепра.

Кругом на песчаных холмах росли вековые сосны, и, когда захотел великий князь выстроить себе терем в селе Берестово, чтобы отдыхать от государственных забот, срубили сорок этих сосен, наделали из них брёвен, да и сложили палаты. Но молча сидел связанный Феодосии. А когда мать освободила его, пошёл в церковь и стал помогать там в любой чёрной работе. Мать тоже не успокаивалась, то била его, то наряжала – и стала ему невесту искать. Но Феодосии снова тайно убежал в другой город и поселился в доме у священника. Мать и там его отыскала, в который раз избила, привела домой и заперла. «Сколько ни убегай, я тебя всё равно найду и заставлю жить так, как я желаю!» – сказала она ему. Однако когда она отлучилась на несколько дней по делам, Феодосии снова выбрался из дому, и на этот раз ему удалось дойти до окрестностей Киева. Теперь он решил поступить в монастырь и жить той святой жизнью, которой жили иноки. Он обошёл несколько монастырей. Их создавали приезжие греки. И всюду ему отвечали: «Уж больно ты юн, отрок! Поживи дома, повзрослей, потом и приходи». Наконец пришёл Феодосии к пещере, где жил Антоний с несколькими монахами. Упал он на колени перед Антонием, заплакал и стал умолять принять его в свою обитель.

4. Печерские иноки

Антоний был ещё не стар. Лишь юному Феодосию казался он пожилым мужем. Но возраст души не высчитывают годами. А душою был Антоний мудр и зрел. «Чадо, жизнь инока трудна, она полна невзгод и лишений,– проговорил он те слова, которые когда-то сказал ему афонский игумен.– Сможешь ли ты, живя здесь, снести наши трудности?» Но внутренним взором своим он уже разглядел того человека, который создаст в Киевской Руси главную обитель. А уж от неё, как от ствола ветви, будут расти и другие монастыри. Поднял Антоний с колен юного Феодосия, благословил его и отвёл к Никону, которого уже тогда называли великим. Был Никон священником и начал первое на Руси летописание. «Это Феодосии. Постриги его в иноки и облеки в монашескую одежду,– попросил Антоний.– Таков наш новый брат». Мать Феодосия искала сына, не могла найти и плакала о нём, как о покойнике. Потом соседи надоумили её объявить награду тому, кто сообщит хоть что-то о сыне. Скоро пришли люди из Киева и сказали, что видели отрока там. Мать не убоялась долгого пути и поспешила в Киев. Много пристанищ она обошла, пока не узнала, где теперь обитает сын. Долго она стояла у пещеры Антония, чтобы спросить его о Феодосии. А как заговорила, как получила подтверждение от мудрого старца, что сын здесь, так стала кричать рыдая:

– Не выведешь моего сына наружу – сейчас же погублю себя, умру страшной смертью перед твоей пещерой! Антоний ушёл в пещеру и стал просить Феодосия выйти к матери. Феодосий послушался. И мать, увидев сына, зарыдала вновь.

– Ты же у меня сытый был, гладкий, румяный, а теперь – бледный, худой, умученный. Одни глаза на теле! До чего довели тебя твои моления. Вернись домой, делай всё что угодно, только не покидай меня! Я ж тебя дорогими сластями буду потчевать, лучшую боярскую одежду тебе куплю, самую красивую невесту отыщу, только вернись!

Покачал головой в ответ Феодосии, а потом проговорил:

– Если и вправду хочешь видеть меня чаще, есть монастырь святого Николая, он неподалёку, туда женщин берут, пойди и стань там монахиней.

Всю ночь молился Феодосии о матери. И та впервые поступила, как просил сын: раздала имущество бедным, стала монахиней. Она часто приходила для бесед со святым Антонием и сыном. Сердце её, прежде гневливое, успокоилось, и она жила долго и счастливо. Антоний был уже знаменит по всей Русской земле. Когда умер великий князь Ярослав Мудрый, киевский престол занял его сын, Изяслав. Со всею своею дружиной подошёл Изяслав к Антониевой

пещере, чтобы испросить благословения у великого старца. Прославленные воины окружали князя, знаменитые бояре. Одежды их были расшиты золотом, сверкали дорогие доспехи, внизу у подножия холма ржали их кони. И все они робко стояли у входа в пещеру, а когда Антоний к ним вышел, опустились перед ним на колени, смиренно склонили головы. Старец же был в скромных иноческих одеждах и стоял над ними тих и задумчив. Печально было лицо Антония, потому что предвидел он череду мрачных событий на Русской земле, когда братья пойдут войною на братьев. Благословил он князя с дружиной, отпустил их, а сам так же печально вернулся в пещеру.

– Отче, скажи нам, почему ты так грустен, почему слёзы текут из глаз твоих? – подступили к нему с вопросом Никон и Феодосии.

– Плачу я за всю Русскую землю. Ибо даже те воины и бояре, что сегодня пришли сюда вместе с князем, скоро начнут убивать друг друга. И молитва моя не в силах остановить их злые страсти.

…А к пещере приходило всё больше людей, молили они Антония принять их иноками. Но пещера была тесна. Её постоянно раскапывали вширь, делали новые кельи. Жил в обители древний инок по имени Иеремия. Он хорошо помнил даже те далёкие дни, когда крестилась Русь. Иеремия обладал даром предвидения. Однажды подошёл он к Антонию и сказал:

– Едут к нам два знатных молодых человека, будут просить тебя постричь их в иноки. Однако много скорбей принесёт тебе это пострижение.

– Нет, Иеремия, ты предвидишь только близкие печали. Но мы их переживём, а потом наступят добрые дни. Один из тех молодых людей, что спешат сюда, станет нашим игуменом.– И Антоний пошёл к выходу из пещеры. По склону холма верхом на статных конях поднимались два молодых человека, два княжеских приближённых. Первый, Варлаам, был внуком самого Вышаты. А происходил Вышата из рода знаменитого Добрыни. Богатырь Добрыня был дядей и воспитателем великого князя Владимира, крестителя Руси. Не раз он спасал юного князя. А сын Добрыни, новгородский посадник Константин, спасал Ярослава Мудрого от войска Святополка Окаянного. И потому заслугами своими род Добрыни считался на Руси близким роду великих князей. Знаменитый воевода Вышата, внук Добрыни, не оставил в беде – не кинул когда-то в чужой земле – шесть тысяч русских безоружных воинов. Их выбросило на берег штормовое море, потопив корабли. Остались они без доспехов, без еды, в чём были – беспомощные, словно дети. Многие знатные бояре покинули их, уплыли в Киев. Один Вышата добровольно присоединился к ним, прошёл через позорный вражий плен вместе с ними, был ослеплён, но вызволил беззащитных бойцов и привёл их на родину. В Киеве его уважал каждый житель. Молодого Варлаама считали продолжателем славы этого рода. Второй молодой человек, Ефрем, был любимцем великого князя Изяслава. А теперь они спрыгнули с коней, сбросили у ног Антония дорогие свои одежды, заморские украшения и встали на колени. Варлаам сказал просительно: «Прими нас в свою обитель, святой отец! Не нужны нам богатства этого мира, а хотим просветления души». Антоний не сразу дал согласие. Он долго с ними беседовал, уговаривал не спешить, испытывал многими вопросами. Потом отвёл их, как отводил и Феодосия, к Никону и сказал; «Постриги их, одень в иноческое платье». День не успел кончиться, а уже стояла перед Антониевой пещерой вся великокняжеская дружина. Из пещеры навстречу им вышел Никон. Его схватили, увезли в Киев. «Зачем бояр моих, да ещё самых знатных, сманиваешь к себе в иноки! – гневался великий князь Изяслав.– Я на твоё не посягаю – и ты моего не тронь! Ты постригал их, ты и верни им воинское обличье! Иначе заточу в темницу всех монахов, а пещеру велю засыпать! » Пришлось тогда Антонию вместе с иноками поспешно и тайно уходить от княжеского гнева в другое, безопасное место. И так получалось, что прав оказывался древний старик Иеремия. Но жена князя, дочка польского

короля Болеслава, усмирила своего супруга, усовестила. Три дня посланники княжеские разыскивали святого Антония. Князь просил простить его и вернуться назад в пещеру. Так Варлаам и Ефрем остались в иноках, и стало сбываться предвидение Антония.

5. Чудеса святого Антония

Каждое утро к Антониевой пещере собирались с разных земель Руси больные люди. «Старче, умоляем тебя, исцели нас от наших болезней!» – просили они.

Антоний не желал мирской славы и потому скрывал, что обладает силой врачевания. Все знали, что питался он только хлебом с водой да травами, которые собирал поблизости, и потому не удивлялись, когда старец говорил, протягивая несколько листьев: «Ешь эту травочку, я и сам ею питаюсь, она поможет». Антоний тем временем возлагал руки на голову больного. И страждущие излечивались. Они возвращались домой уже полные сил и рассказывали соседям о чудесном старце. И соседи, если у кого был дома больной, сразу отправлялись с ним к Антониевой пещере. Но пришли однажды и князья – великий князь Изяслав, его братья Святослав и Всеволод. А с ними – знаменитый варяжский воин Шимон. Лица их были серьёзны и строги. – Знаю, за благословением вы ко мне пришли,– сказал Антоний, выйдя из пещеры.

– Ты прав, старче,– отвечал великий князь.– Идёт на Русь несметными толпами новый народ. У него уже и прозвище есть – половцы. Хотим ему дать битву на реке Альте.

– Хотел бы я вам обещать лёгкой победы, да вижу другое,– отвечал им Антоний.– Идите, князья, на битву, ибо нельзя отдавать родную землю на поругание.

– Скажи, что с нами будет? Победим ли? – спросил хмуро Изяслав.

– Сражайтесь, князья, ибо другого пути у вас нет. Однако знайте: в этой битве дружины ваши будут разбиты, а вы разбежитесь по разным городам. И с того дня разгорятся княжеские междоусобицы. Буду за вас молить Господа, но моей молитвы достанет лишь на то, чтобы сохранить ваши жизни. Ты же, воин,– и Антоний повернулся к варягу Шимону,– ты очнёшься на поле битвы среди груды мёртвых тел и проживёшь ещё долго, а потом будешь первым, кого похоронят в каменной церкви, что воздвигнут рядом с этим холмом.

– Хорошо же твоё благословение! – сказал Изяслав с усмешкой.– Мы пришли к тебе за подмогой, а ты нам пророчишь поражение.

– То не я пророчу, то правда говорит. В этом и есть моя подмога. Идите. Мне тоже пора идти, буду молить Господа за вас и за воинов ваших.

Прошло немного времени, и слова старца сбылись полностью. Битва с половцами на реке Альте произошла ночью. Много воинов было побито тогда. Князья с остатками дружин бежали – кто в Чернигов, кто в Киев.

Шимон же очнулся среди дня, заваленный телами убитых бойцов. И с тех пор начались на Руси печали. То князя Изяслава свергали с престола и прогоняли из Киева. Потом он приходил с войсками польского короля Болеслава. Потом его снова изгоняли. Одни братья и племянники объединялись против других. А те воины, которые недавно сражались вместе, теперь рубили головы друг другу. И страдали русские земли от бесконечных княжеских распрей. Однажды после общей трапезы Антоний собрал в пещере иноков и объявил им: «Хочу покинуть вас, братья, и жить один, как когда-то в прежние годы. Я поставлю вам игумена, а сам выкопаю себе келью неподалёку, в соседнем холме». Он поставил игуменом Варлаама, того, что из рода

Добрыни. О богатыре Добрыне к этому времени народ уже складывал былины. Сам же Антоний выкопал себе новую пещеру и затворился в ней, так что многие иноки не видели уже более его никогда, только рассказывали о нём легенды. А он жил в постоянном посте и молитвах за Русскую землю. Скоро в старой пещере стало совсем тесно. И тогда Варлаам с монахами решили построить церковь снаружи. Пришли они к святому Антонию, рассказали ему о решении, и он благословил их на этот труд. Поставили иноки своими руками церковь из брёвен и назвали её в честь Успения Пресвятой Богородицы.

6. Феодосий и юный Нестор

Князь Изяслав приказал построить в Киеве каменный храм в честь святого великомученика Димитрия, потому что при крещении был назван его именем. А при храме он решил создать монастырь и взял туда игуменом Варлаама. И тогда иноки снова пришли к Антонию.

– Мы не стали бы нарушать твоё уединение, но пойми нас: мы остались без пастыря. Поставь нам игумена.

– Пусть будет у вас игуменом тот, кто отличается послушанием и кротостью, тот, кто добрей и заботливей всех.

А кто он – подумайте сами.

– Такой есть только один у нас. Он духовным обликом подобен тебе, а зовут его – Феодосии.

И тогда Антоний благословил Феодосия на игуменство. К тому времени уже несколько лет Феодосии по повелению Антония был поставлен священником и заменял великого Никона, исполняя божественную службу.

Теперь стал Феодосии игуменом. Осмотрел он окрестности и повелел разбить огород. Иноки питались скудно: принесут им иногда ржаной хлеб – вот и есть пища, а не принесут, особенно зимою,– так и голодают. Зато вода была поблизости в достатке. Теперь иноки стали выращивать овощи, а овощ всякому человеку полезен. Телом Феодосии пошёл в родителей, был могуч и крепок. И много лет, даже став игуменом, носил на высокий берег воду и дрова для братьев. Вечером каждый из иноков получал свою порцию зерна. Зерно это надо было растереть в ступе, чтобы днём испечь из него хлеб. По ночам Феодосии незаметно брал зерно у самых слабых и растирал его. Утром же слабые просыпались и удивлялись чуду: у них была намолота мука. А Феодосии к этому времени уже находился в церкви, готовился к служению. Однажды у входа в пещеру появился семнадцатилетний юноша. Со слезами на глазах стал он умолять Феодосия принять его в обитель. «Чадо, жизнь инока трудна, она полна невзгод и лишений, – сказал Феодосии те же слова, которые говорил ему когда-то Антоний.– Сможешь ли ты, живя здесь, снести наши трудности?» Он спрашивал так, но уже понимал, что пришёл один из тех, кто продолжит их молитву за Русскую землю. И повелел постричь этого юношу в иноки.

Звали его - Нестор. С годами к его имени добавилось ещё одно - Летописец. Так его и будут звать в следующие века: Нестор Летописец. Нестор в юные годы сам выучил греческий и потому мог читать многие книги, которые на Руси не успели перевести. А ещё он умел слушать. И ему любили рассказывать. Сядет с ним рядом древний старик, который когда-то, во времена князя Владимира, был воином, и рассказывает о своих походах. А Нестор затаённо слушает и запоминает. «Ты бы записывал эти предания,- посоветовал юноше Феодосии.- Тебя Господь наградил редким даром: люди тебе о своём прошлом рассказывают - нельзя, чтобы этот дар пропал попусту. Записывай, чтобы и внуки сегодняшних жителей помнили о героях своей земли». И тогда Нестор, смущаясь, показал Феодосию первые свои записи, что делал на

отдельных листах. Игумен прочитал их и одобрил. Однажды Феодосии собрался в Киев и сказал: «Пойдём со мною, Нестор, в один дом. Что услышишь там, то и записывай». И пришли они в терем к знаменитому боярину Иоанну. Был Иоанн отцом того самого Варлаама, который ушёл без княжеского позволения в Печерскую обитель, а со временем стал игуменом. «Иоанн тебе многие тайны истории русской откроет,- говорил ещё по дороге Феодосии,- он - сын Вышаты, воеводы Ярослава Мудрого. А Вышата помнил предания о земле Русской от самого Добрыни. А Добрыня мужал в доме великой княгини Ольги. Сестра Добрыни, Малуша, была женою самого Святослава. Иоанн мне друг, но человек он молчаливый, сам больше любит слушать, а не рассказывать. Тебе же - расскажет, хотя ты и юн. И тогда перед тобою раскроется, откуда есть пошла земля Русская. А то ведь многие уже небылиц насочиняли». Терем Иоанна отличался и размерами, и красой. Феодосия с юным Нестором хозяева встретили уважительно, с почтением. Сам боярин был ещё не дряхл и крепок. А жена его, Мария, сразу захотела угостить юного Нестора сдобными пирогами. Инок засмущался: как быть? С одной стороны, неловко отказываться, когда такие знаменитые люди тебя угощают. А с другой - не положено ему есть столь роскошную еду, да он и сам не желает. Феодосии его сразу и выручил. Сокрушённо покачал головой и рассмеялся по-дружески:

- Ох, Мария, Мария, оставь инока, не смущай его вашей пищей. Инок живёт в посте и воздержании, а ты его пирогами потчуешь. Прикажи-ка принести свежей воды, вот и будет ему угощение.

В первый раз беседовал в основном Феодосии. Наставлял хозяев в православном образе жизни, а те слушали со вниманием. А когда кончился разговор, Мария вдруг и спросила:

- Скажи, Феодосий, правду ли говорят, что тебе не только прошедшая жизнь видна, но и будущая? Сколько лет я проживу, ты можешь мне предсказать?

Нестору от такого вопроса боярыни даже страшно сделалось. А Феодосии взглянул на неё спокойно и ответил:

- Знаю я и год, и день твоей кончины, но тебе не скажу: ни к чему тебе это ведать пока. Скажу лишь одно: живи в спокойствии, а кончина твоя не скоро. И ещё вижу: где тело моё будет похоронено, там и тебя через несколько дней погребут.

Прошло много лет, а Нестор не мог забыть это пророчество. И однажды, когда уже года Нестора подходили к старости и были написаны им многие страницы летописи, а мощи святого Феодосия покоились в пещере, закралось к нему в душу сомнение: неужели ошибся святой старец в своём предсказании? Боярыня Мария жива, хоть и дряхлая совсем. И как же станут её хоронить в пещеру к Феодосию? Но в августе 1091 года иноки Печерского монастыря, собравшись вместе, порешили перенести мощи великого старца в каменную церковь Пресвятой Богородицы, которая была построена его трудами, как и весь монастырь. А почётное дело - раскопать мощи - поручили они самому Нестору Летописцу. В ту ночь произошло немало чудес, о них Нестор тоже написал. Но главное чудо случилось через два дня. Восемнадцать лет мощи Феодосия покоились в пещере. А когда 14 августа 1091 года были перенесены в храм, то через два дня скончалась боярыня Мария. И тело её было положено напротив гробницы Феодосия. Но то было много лет спустя. А пока Иоанн и Мария так же уважительно, как и встретили, прощались с Феодосием. Потому что считали они его своим духовным наставником. А ещё пригласил Иоанн Нестора приходить к ним для разговоров о преданиях древности.

7. Новая жизнь обители

Сколько ни расширяй пещеру, а всё равно в ней будет тесно. И церковь, маленькая,

деревянная, построенная при Варлааме, едва вмещала иноков, ведь было их уже почти сто. И тогда Феодосии решился. Но прежде посетил святого Антония, получил от него благословение, потом упросил великого князя дать землю на соседнем холме. Там, над пещерой Антония, было ровное место. Рано утром вышли они с Нестором посмотреть, где церковь ставить, и увидели чудо: всюду травы гнулись от тяжёлой росы, а в одном месте, как раз в центре площадки, было сухо. «То знак Господень,- сказал Феодосий.- Здесь и заложим храм».

Много работали иноки, сами строили и церковь каменную, и кельи для жительства, и стены вокруг. Много тяжёлых камней своими руками да на своей спине перенесли. А руководил всеми работами Феодосии. И притом, где был самый тяжкий камень, он первый свою спину подставлял. В 1062 году переселились иноки в новые кельи, освятили новую церковь. А назвали они её церковью Пресвятой Богородицы. И с тех пор стоит этот монастырь и напоминает во все века о начале Государства Российского. Назван же он в честь первой пещеры, которую выкопал для себя священник Иларион, которая приютила Антония, Феодосия, великого Никона, Нестора Летописца и многих знаменитых иноков, Печерским. С тех пор братии уже не было так тесно в монастыре. И светло стало жить. И Феодосии с Нестором открыли школы, которые были под стать европейским университетам. Иноки переписывали книги, изучали языки – особенно греческий,– математику, историю, географию. Учились красноречию. Ведь священник во время проповеди должен увлечь свою паству. Потому и вышло из Киево-Печерского монастыря много известных отцов Православной Церкви.

8. Заступник

Однажды подъехал к монастырю великий князь Изяслав. Только время было неурочное для посетителей.

Иноки были заняты работами и молитвой, а в такие часы Феодосии запретил привратнику впускать посетителей. Изяслав сошёл с коня, сел поблизости у ворот и терпеливо дожидался, пока выйдет к нему Феодосии. А потом вместе вошли они в храм, вместе молились о спасении родной земли и вели душеполезные беседы. Феодосий пригласил князя отужинать.

А когда принесли монастырскую пищу, князь изумился:

– Отчего еда у тебя так вкусна, ни с какими моими дорогими яствами не сравнится!

– Да оттого и вкусна,– ответил Феодосии,– что иноки, работающие на кухне, строго соблюдают устав и делают своё дело без греха.

– Прикажу-ка я своих поваров выпороть.

– Пороть их не надо, князь, лучше пришли их к нам в учение – кого помоложе да посовестливей. И ещё вот что, князь.– И тут протянул Феодосии список.– Здесь у меня записаны вдовы и сироты, они бедствуют, и никто им помочь не хочет, а мужья и отцы их погибли, сражаясь за тебя. Ты только один и поможешь.

– Давай твой список,– отвечал князь,– никого из них не обижу, всем помогу.

Так и получалось, что при каждой встрече с князем Феодосии выступал не просто управителем монастыря, но и советчиком князю, и заступником за всех бедствующих. А монастырь благодаря Феодосию зажил по новому уставу. Когда иноки ещё только переселялись в новые кельи, Феодосии грустил, что нет у них устава: «Устав, он в жизнь монастыря божественный распорядок вводит. В уставе всё должно быть расписано: когда посты, а когда праздники, как

службу вести, как поклоны держать, как стоять в церкви, как общую трапезу соблюдать.

Устав – основа жизни в монастыре. А у нас всякая обитель по-своему живёт». В те дни приехал из Византии поставленный на Русь митрополит Георгий. А с ним был грек, инок главного византийского монастыря. Он и привёз устав. Феодосии этот устав изучил и одобрил. «Переведи его на русский язык и перепиши его, Нестор»,– попросил он своего юного друга. С тех пор по этому уставу и зажил Печерский монастырь. А от него устав разошёлся и по другим монастырям Руси.

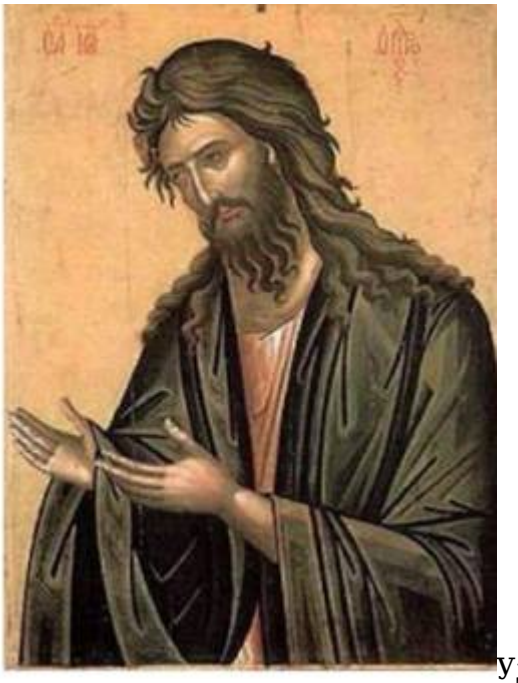
9. Вечная память

Уже не стало святого Антония. Уже Феодосии был стар и Нестор не молод. Монастырь разросся. Но по-прежнему в иные дни приходил к воротам очередной неизвестный юноша и, стоя на коленях, умолял игумена принять его в обитель. И поступал или на работы, или в обучение к Нестору. Священные книги, переписанные в монастыре, – по многим церквам Руси уже разошлись, во многих землях люди по ним учились читать и писать, изучали Слово Божие. Феодосий предвидел не только дни смерти других людей, но и собственный час. За несколько дней до кончины он стал прощаться и наставлять иноков. Назначил им нового игумена, Стефана. – Хотя телом я отхожу от вас, но душою навсегда останусь с вами и за каждого из вас отвечу перед Господом.– Таковы были последние его слова. Потом, помолившись в последний раз за братию и за всю Русскую землю, он лёг на свою жёсткую постель и спокойно предал святую душу в руки Господни.

А Нестор продолжал своё служение просвещению родины. С любовью и многими подробностями он описал жизнь своего духовного учителя и старшего сотоварища. Жизнь народов на земле и на Руси на тех днях не остановилась. Много переживали люди радостей и несчастий. И Нестор на своем веку старался упомнить и записать каждое событие дня минувшего, чтобы сохранить их в вечной памяти народа. И они сохранились, как и имена первых русских просветителей духа: Иларион, Антоний, Феодосии, Нестор. Вечная им память!

Иоанн Креститель

1. Пророк в пустыне



Удивительный слух передавали друг другу жители древнего

города Иерусалима, столицы страны Иудейской. И пустыне, недалеко от реки Иордан, появился пророк, проповедник. Носит простые одежды из грубой верблюжей шерсти, бородатый, с длинными волосами, он призывает людей покаяться в неправедных делах и недобрых мыслях, и голос его разносится над пустыней, как гром. Раскаявшихся, тех, кто хочет очиститься от земных грехов, он крестит в роке Иордан и объявляет, что явится скоро следом, за ним Мессия, Спаситель, и день наступлении Суда Божия близок. Этот странный пророк взбудоражил людей, и стали они покидать свои жилища, шли по пустыне к реке Иордан, чтобы увидеть, услышать его, покаяться и принять от него крещение. О Мессии, Божитем помазаннике народ мечтал очень давно. Когда на страну нападали враги, люди верили; Господь пошлёт на землю Спасители. Он будет, конечно, из царского рода, его все узнают сразу же по блеску богатства и славы. Он поведет народ за собой на войну против врагов. И это будет последняя война, после которой страна снова станет могущественной державой, а жизнь народа сделается богатой и счастливой. Когда люди творили друг другу зло, когда облеченные властью правили несправедливо, когда служители Божии освящали деяния этой неправедной власти своими молитвами, тогда люди верили: Бог пошлёт на землю Спасителя. Он искоренит зло, защитит всех обиженных, и жизнь на земле пойдёт по добрым законам, которые дал Господь.

– Уж скоро придет он, скоро! Терпеть осталось недолго,– говорили с надеждой друг другу жители селений, городов, путники, остановившиеся на отдых.

Все ожидали Мессию, рождённого в славе и роскоши, победоносного воителя, и не догадывались, что Спаситель уже родился. Только не во дворце, а в убогой пещере, где пастухи прятали в непогоду скот. И не в царском дворце явился на свет он, а в семье бедного безвестного плотника. Об этом пока ещё почти никто не догадывался. Первым о том, что Спаситель уже пришёл на нашу землю, оповестил род людской странный пророк в пустыне у реки Иордан. Звали его Иоанн. Он был необычным человеком. Даже рождений его было необыкновенным.

2. Чудесное рождение

Вот какое чудо случилось однажды в семье старого еврейского священника Захарии. Прожил он много лет с женою своею Елисаветою. Было у них в доме все, что полагалось иметь и то время праведным семьям. Только дети не рождались. Захария и Елисавета давно мечтали о ребёнке, много раз| молили о нем Господа, но детей не было. А бездетный дом считался в их стране невезучим, хозяев его жалели, иногда даже презирали. Однажды пришла Захарии очередь служить в храме. Верующие собрались снаружи, перед входом, а священник, по обычаю, вошёл внутрь для исполнения службы. Он внёс распаленные угли, высыпал их на жертвенник, сверху посыпал благовониями из специального сосуда, чтобы к небу поднимались запахи, приятные для Бога и верующих, и вдруг но правую сторону от жертвенника увидел он Ангела, посланника Господня. Никогда ещё не случалось Захарии видеть Ангела, и потому охватили его смущение и даже страх. Ангел же сказал ему:

– Не пугайся, Захария! Господь услышал ваши молитвы, и жена твоя, Елисавета, родит тебе сына. Вы назовете его Иоанном, и станет он радостью для многих людей. Он будет велик перед Господом, известен праведной жизнью и многих сынов Израилевых обратит к Богу.

В храме стояла тишина, только дымились, потрескивая, раскалённые угли на жертвеннике, и потому странно звучал здесь голос Ангела. И усомнился пожилой священник, подумал: не шутка ли это чья-нибудь злая?

– Как же я узнаю, что ты говоришь правду? спросил он.– Или не видишь: я уже стар и жена моя

тоже в преклонных годах. Да и кто ты?

– Я – Гавриил,– отвечал Ангел,– и послан самим Господом сообщить тебе счастливую весть.– Он уже привык, что люди, и даже священники, которые служат Богу, не всегда и не сразу верят в истинность его слов. – А если ты не веришь, вот тебе доказательство: с этого мгновения ты онемеешь и будешь молчать до тех пор, пока не

сбудется то, о чем я тебе сказал. Пока Захария разговаривал с Ангелом, верующие, собравшиеся перед храмом, стали тревожиться.

– Почему он так долго, почему не выходит к нам? – спрашивали они друг у друга. Что могло с ним случиться?

Наконец Захария появился, но сказать ничего не мог. Лишь знаками объяснил им про чудесное свое видение.

После службы он явился домой к Елисавете и ей тоже поведал жестами об Ангеле, потому что так и оставался немым А скоро Елисавета порадовала его новостью: в их семье родится долгожданный ребёнок. Только Захария по-прежнему не мог говорить все месяцы, пока они ожидали первенца. Наконец Елисавета родина сына. Через несколько дней пришли в их дом родственники, чтобы поздравить с мальчиком, и говорит:

– Назовём его Захарией, но отцу.

Но Захария замотал головой и потребовал дощечку для письма, на которой написал: «Иоанн имя ему». И в то же мгновение заговорил, стал благодарить Господа. Вскоре про чудесное рождение мальчика узнали многие.

Шли мимо путники, проходили караваны; располагались они на дневной отдых – и тут же кто-нибудь заговаривал об удивительном рождении мальчика Иоанна. Кем он вырастет?

– Быть может, пророк родился? – говорили одни.

А быть может, сам Мессия, помазанник Божий, Спаситель? – мечтали другие. Нет, это был не Мессия – другой.

Сын Божий явился на свет не здесь. Это был пророк, которого люди потом назвали Предтечей, Крестителем.

3. Проповедь у реки Иордан

Пророками в те времена называли особых людей. Это были святые мужи. Бог выбирал их, чтобы они возвещали народу Его волю, предупреждали о бедствиях, которые могли наступить, если люди допускали в свои дома зло и безверие. Порою пророки предсказывали людям их будущее.

…На зелёных холмах стояли уютные домики, их окружали весёлые сады и возделанные ноля, всюду с утра работали люди. Именно там, в нагорной части страны Иудеи, и жил Захария. А в доме его вырастал мальчик, на которого смотрел он с любовью и радостью, появлению которого на свет сопутствовало так много поразительного, чудесного! Сын мой! – однажды сказал старый отец, когда понял, что мальчик стал достаточно взрослым.– Путь твой будет непрост. Ты станешь пророком, ведь ты явился в мир, чтобы приготовить людей к приходу самого Господа. Захария знал, что слова эти сбудутся, потому что они были вложены ему в

сердце Святым Духом. И они сбылись. Когда Иоанну исполнилось тридцать лет, он покинул родные места и поселился в пустыне. Пустыня всегда влекла к себе великих духом, избранников Божиих. Многие древние пророки уходили сюда. Уединённая жизнь была как бы школой, в которой они готовили себя к служению людям. Здесь, вдали от человеческой суеты, лучше слышится слово Господне. Подобно древним пророкам, Иоанн надел на себя простую одежду из верблюжьей шерсти, перепоясанную кожаным ремнём, о еде он и вовсе не думал.

Пустынные скитальцы часто кормились акридами – высушенной под палящим солнцем саранчой. Стаи этих прожорливых насекомых были не только бичом для посевов, но служили и пищей людям. Однако даже самые бедные добавляли к ней масло и соль, Иоанн же ел эту пищу без всяких приправ. Находя брошенные гнёзда диких пчёл, он ел их мёд. Безжизненная, каменистая белёсая земля протянулась от города Иерусалима до самого Мёртвого моря. Оно сверкало вдали, но в солёных водах его не было никакой живности, лишь куски асфальта плавали на его поверхности. А дальше, словно заснеженные гребни, высились белые известняковые горы. В них кое-где чернели входы в пещеры, похожие на разинутые пасти страшных чудовищ. Голую раскалённую пустыню пересекала река Иордан. Здесь недалеко от неё и поселился среди скал пророк Иоанн.

Сюда каждый день стекались толпами люди из Иерусалима, из других селений и городов Иудеи, а также те, что пришли из различных мест с обоих берегов Иордана. Пророк поднимался на камень, чтобы лучше видеть лица людей, и над толпой гремела гневная его речь.

– Покайтесь! Покайтесь немедля в грехах своих! Приблизилось Царство Небесное!

В толпе тесно друг к другу стояли простой рыбак и богач-саддукей. Стоял фарисей, который за внешней святостью прикрывал внутреннюю греховность свою, и мытарь – сборщик податей, презираемый всеми.

Статный римский воин опирался на копьё и слушал грозную проповедь. И священники, посланные из города, тревожно задавали друг другу только один вопрос:

– Кто он?

– Скажи нам, не Мессия ли ты, не Спаситель ли? – спрашивали робко его из толпы.

– Я – голос вопиющего в пустыне,– отвечал Иоанн.

Когда-то, за множество лет до него, другой великий пророк, Исайя, предсказывал, что однажды зазвучит голос вопиющего в пустыне: «Приготовьте пути Господу». И теперь в Иоанне пророчество это сбывалось.

– Ныне я крещу вас водою,– продолжал он,– но за мной идёт тот, кто сильнее меня, у которого я недостоин развязать ремешок обуви. Он будет крестить вас Духом Святым...

С древних времён, если человек хотел очиститься от грехов, он окунал своё тело в воду. По знаку Иоанна люди один за другим входили в реку, и пророк освобождал их от грехов прежней неправедной жизни.

– Как теперь нам жить, укажи нам? – спрашивали люди.– Что делать, чтобы стать достойным Царства Небесного?

– Правила просты: у кого две одежды – поделись с неимущим, у кого лишняя пища – отдай

голодному,– отвечал Иоанн.

– Скажи, что по-твоему я должен делать, чтобы попасть в это царство добра? – спрашивал римский воин.

– Не обижай никого и живи только по правде. Многому учил он людей, принимая раскаяние.

Но однажды фарисей с саддукеем тоже решили омыться в воде. В Иерусалиме состояли они в разных партиях и недолюбливали друг друга. Саддукей поддерживал тех, кто у власти, людей богатых, фарисей же от всякого требовал внешнего благочестия, чтобы каждое правило было исполнено буква за буквой. Здесь оба повели себя одинаково. Без покаяния захотели они войти в реку, чтобы на всякий случай, как и все, тоже получить право войти в Царство Небесное. Ведь они оба считали себя безгрешными. Пророк преградил им путь:

– Порождения ехиднины! – гневно воскликнул он.– Кто внушил вам, что можно так легко убежать от будущего Суда Божиего? Сначала покайтесь!

Проповеди пророка гремели по всей стране. И однажды принять от него крещение пришёл сам Иисус, живший до этого в скромном доме плотника Иосифа в городе Назарете.

4. Крещение Иисуса

Каждый раз, поучая людей, Иоанн всматривался в их лица. Где он – тот, которого ждут все? Тот, о пришествии которого объявлял Иоанн. Иисус подошёл к Иордану не один. Рядом стояли другие путники. Но едва Иоанн увидел Его, как сразу понял, что это – Христос. Получалось, что к нему, человеку, пришёл за крещением сам Сын Божий. Почему ты пришёл ко мне? Это мне надо у Тебя креститься! – воскликнул взволнованно Иоанн, прервав свою проповедь. Но Спаситель смиренно стоял перед пророком. – Крести меня,– тихо проговорил Он,– ибо таков Божий план и воля Его. Иоанн не решился возражать Божественной воле, и Христос вошёл в воды реки.

А когда Он вышел, произошло новое чудо. Увидел Иоанн, как открылись небеса, и Дух Божий, словно голубь, опустился на Иисуса. И раздался голос с небес: «Вот Сын Мой возлюбленный и в Нём Моё благоволение». – Теперь я исполнил главное своё предназначение,– сказал Иоанн людям.– Я для того пришёл сюда, чтобы объявить о Господе. И теперь я показал Его всем.

После крещения Иисус удалился в пустыню. Он жил там без еды, питья и проводил время в молитвах. Он знал, что началось Его великое служение людям. Иоанн же продолжал свои проповеди, и вот однажды он увидел, как по тропе вдоль реки снова проходит мимо Иисус. Вот идёт Агнец Божий,– указал Иоанн.– Мне теперь положено умаляться, Ему же – расти,– объяснил он своим ученикам и послал двух из них следом за Иисусом. Они провели день в беседе с Господом и стали близкими ему людьми. Их имена известны: это Андрей, которого люди потом назовут– апостолом Андреем Первозванным, и совсем тогда ещё юный Иоанн – тот, которому Господь на кресте завещает Свою Мать и который людям станет известен как Иоанн Богослов.

5. Новые правила жизни

Скоро у Иисуса Христа стало много учеников. Вместе с ними Он посещал городки и селения. И там, где проходил Он, случались удивительные события: слепые, уверовав в Его слово, прозревали, парализованные поднимались и шли сами, а порой оживал и тот, кого считали мёртвым.

Это – Бог! Сам Господь снова посетил свой народ! – ликовали люди. Но не ради того, чтобы показывать чудеса, пришёл на землю Иисус Христос.

Как Сын Божий, рождённый земною женщиной, Он пришёл принести себя в жертву, чтобы снова соединить в любви человека и Бога. Он пришёл дать людям новые правила жизни. Одну из проповедей Его апостол Матфей – бывший мытарь, сборщик налогов – сумел записать. Правила жизни, о которых говорил Иисус в тот раз, стали главными заповедями человечеству на будущие века. А произносил ту проповедь Иисус на горе, потому её и назвали Нагорной. Когда-то, за много столетий до Иисуса, великий пророк Моисей записал: «Око за око, зуб за зуб». И эти слова казались справедливыми.

– Вы слышали,– обратился к людям Иисус,– что сказано: око за око и зуб за зуб? А Я говорю вам: не противься злому. Вы слышали? – снова спрашивал Иисус столпившихся на склоне горы.– Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших!

Люди слушали и поражались. Это были простые землепашцы, ремесленники, рыбаки. Они, привыкли думать, что месть за обиду – дело святое, а врага надо ненавидеть и убивать. Иисус же призывал прощать врагов и никогда никому не мстить. Спешите помириться со своими соперниками,– призывал Иисус.– Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними. Люди больше не могли жить по древним заповедям, которые когда-то от имени Господа дал великий пророк Моисей. Для того, чтобы мир человеческий стал лучше, нужны были новые законы жизни. Законы любви и добра ко всему живому. И эти законы принёс Иисус Христос, Спаситель. Новые правила жизни помогали спастись от греха, возвращали человека к Господу.

6. Пять ячменных хлебов

Однажды в долину, чтобы послушать Иисуса Христа, собрались пять тысяч человек. Они пришли издалека, заранее, долго ждали Иисуса и были голодны.

Надо их покормить! – решили апостолы, близкие к Христу ученики.

Они быстро пересчитали деньги, какие были у них при себе. Денег оказалось немного. На них можно было накормить десятка два человек, но никак не пять тысяч.

Стыдно! Мы даже не можем их угостить! – переживали апостолы.

Среди собравшихся взрослых был один мальчик. Он тоже пришёл издалека и очень хотел послушать Иисуса Христа. Единственный из всех, он захватил с собою еду – пять ячменных хлебцев и несколько рыбок. Так же, как все, он проголодался, но решил, что не станет есть в одиночку, как-нибудь перетерпит. Он подошёл к Иисусу и протянул хлебцы Ему. Христос взял эту еду, помолился и стал угощать ею всех голодных. Один за другим люди подходили, угощались, а еды в Его руках становилось всё больше. Уже каждый был сыт, уже куски несъеденного хлеба лежали кругом, а ученики продолжали обносить людей хлебом. Потом, после проповеди, когда все расходились, Иисус приказал собрать оставшийся хлеб, чтобы еда не пропала зря. Ученики заполнили двенадцать корзин. А люди разнесли очередную весть о чуде, сотворённом Иисусом Христом, по всем ближним и дальним селениям.

7. Тяжкий грех Ирода Антипы

Ирод Антипа властвовал в двух провинциях –в Галилее и в Перее. Был он человеком злобным, завистливым. Но удивительно: сначала он с удовольствием слушал проповеди Иоанна

Крестителя. Правителю приятно было послушать, как Иоанн, едва увидев человека, говорил ему правду о грехах его жизни. Кроме того, было забавно послушать правду о своих приближённых. Те смущались, некоторые каялись, правитель смеялся. Но когда Иоанн стал говорить с гневом о неправедной жизни самого Ирода Антипы, правителю это не понравилось, и он приказал заключить пророка в темницу. Попробую с ним договориться. Согласится молчать обо мне – выпущу. Человек, знающий правду о приближённых, бывает полезен,– так говорил правитель своей жене, Иродиаде.

– Убей его, убей, пока он у тебя в руках! – советовала жена.– Я его ненавижу.

Пророков не убивали даже цари,– отвечал Антипа.– Нет страшнее греха, чем убийство пророка, говорящего от имени Господа. Подержать немного в темнице – можно, но убить – никогда. – Как я его ненавижу! – повторяла Иродиада.

В темнице его обличения нам не страшны,– успокаивал Ирод. Прежде была у него другая жена, а у сводного брата – красавица Иродиада. У Ирода Антипы богатства и власти было больше, чем у сводного брата. Он оставил прежнюю свою жену и отнял у брата красавицу Иродиаду, сам женился на ней. В жизни он совершил множество беззаконий. Их-то и перечислил Иоанн Креститель в гневной проповеди. И теперь оказался в тюрьме. Проходили дни, Иоанн оставался в темнице. Нет, его не мучила скудная пища, сырые холодные стены. Это было пророку не страшно. Его мучило одиночество. Здесь, во тьме, он давно потерял счёт дням. И тогда его начали одолевать сомнения. С одним из тюремщиков пророку удалось переслать весть ученикам. Иоанн посылал учеников к Иисусу, чтобы те спросили: «Ты ли Тот, Которому должно прийти, или ожидать нам другого?» Ученики Иоанна пришли ко Христу в тот момент, когда Он проповедовал и лечил.

– Смотрите сами,– ответил Иисус им,– слепые прозревают, прокажённые очищаются, глухие слышат, передайте Иоанну всё, что вы видели и слышали.– И ещё добавил Он, когда ушли посланные пророком: – Не являлся на землю другой пророк, больший, чем Иоанн.

Ученики рассказали обо всём своему учителю, Иоанн вновь укрепился в вере. Но час его смерти был уже близок.

8. Гибель Иоанна Крестителя

Однажды, в честь дня своего рождения, Ирод Антипа устроил пир. На пиру были многие вельможи и старейшины, а танец перед ними исполнила дочь Иродиады, юная красавица Саломея. Гости, как околдованные, следили за нею: так прекрасна она была, так легки и изящны были её движения. Они просили её станцевать ещё и ещё. А когда Саломея закончила, восхищённый Антипа воскликнул:

– Проси любую награду! Клянусь, всё, что захочешь, будет твоим, хоть половина царства!

Похожие слова и другие цари говорили время от времени. Ирод был среди них не первым. Обычно люди точно знали, чего можно просить в этих случаях. Полцарства так никто никогда и не потребовал. Саломея была хоть и красива, но глупа. Она растерялась и побежала спросить у матери, что пожелать для себя в награду. А мать, ненавидя пророка за те слова правды, которые он осмелился сказать про неё, подсказала:

– Голову! Требуй голову Иоанна! И чтоб принесли немедленно!..– зло зашептала Иродиада дочери.

Саломея вернулась от дверей в зал, вышла на середину и произнесла:

– Я прошу… Я прошу голову. Да, голову… Самого Иоанна, того, который в темнице.

И смолкли гости. Совсем недавно они замирали от восхищения танцем Саломеи. А теперь – онемели от ужаса.

Многие из них были людьми бесчестными. Немало дурных дел совершили они в жизни. Да и самого Иоанна кое-кто недолюбливал. Но убить пророка! Убить просто так, ни с того ни с сего. Убить без всякого суда! На это из них не решился бы никто. Все молча смотрели на правителя. Ирод Антипа тоже растерялся. Ведь он только что сам перед ними поклялся, что выполнит любую просьбу юной красавицы.

– Что ж, пусть исполнится это,– сказал он наконец медленно.– Сейчас я распоряжусь.– И он в самом деле приказал слугам принести тотчас же, прямо в зал, голову пророка Иоанна. Пир прервался. Никто больше не шутил, не смеялся. Многие надеялись, что, может быть, это просто злая, не очень умная шутка. Все продолжали смотреть на дверь. И вот показались слуги с большим блестящим блюдом. Недавно на тех же блюдах те же слуги подносили гостям угощение. Теперь же на одном из них – гости не могли в этом ошибиться – лежала отсечённая голова пророка.

– Подайте это ей! – распорядился Ирод Антипа.

И слуги поднесли окровавленную голову Иоанна Крестителя испуганной Саломее.

9. Память об Иоанне

Пройдёт немного времени, и мученической смертью на кресте закончит свою земную жизнь Иисус Христос. Но и тогда не закончатся страдания Ирода Антипы. И пока был ожив Иисус, казалось Ироду, что это Иоанн Креститель восстал из мёртвых и ходит по его провинции с проповедью. И боялся правитель заснуть по ночам, а едва засыпал, как посещали его страшные видения. Спустя шесть лет после смерти Иисуса отправился Ирод Антипа по совету жены в Рим хлопотать для себя перед императором Калигулой о царском титуле. Цезарю Калигуле Ирод не понравился. И его отправили в ссылку, вместе с женой. Сначала в Галлию, потом ещё дальше – в Испанию. Там он и умер, презираемый всеми. Плохо кончили большинство гостей, бывших на том пиру. Говорят, страшной смертью умерла сама Саломея. И у многих смерти были ужасны: при разных обстоятельствах, в различных местах страны им были отсечены головы. …Ученики Иоанна Крестителя получили из темницы тело пророка и с почётом похоронили. Иисус же, когда ему сказали о гибели Иоанна, сел в лодку и уплыл в пустынное место. И некоторое время был там один, не мог ни с кем разговаривать.

Христианская церковь много веков назад установила, день памяти Иоанна Крестителя, оповестившего мир о приходе на землю Спасителя, Сына Божиего. По новому стилю этот день мы отмечаем 11 сентября. Его так и называют – днем Кончины (Усекновения главы) Крестителя Господня Иоанна. В этот день не принято веселиться, устраивать празднества и застолья. Потому что вспоминают люди с печалью и грустью 11 сентября всех, кто пострадал за правду. Всех, кто не боялся сказать её прямо в глаза властителям.

Святая Княгиня Ольга

Еще в I веке апостол Андрей Первозванный прошёл с проповедью Евангелия будущую землю Руси от юга до севера. На Киевских горах он установил крест и предсказал: – На сих горах воссияет благодать Божия, и город великий будет создан здесь, и церкви многие воздвигнет в нём Господь. По древней рукописи «Оповедь», апостол Андрей, пройдя будущие Смоленские земли, дошёл до Ладоги, где на ладье доплыл до Валаама. И по всему пути воздвигал он в суровых землях кресты каменные, крестя народ и свергая идолов. Самыми первыми из князей-русичей приняли Святое Крещение Аскольд и Дир. А было это так… В 866 году князья возглавили поход с хазарами на Византию. Тогда основные силы греков были заняты войной с сарацинами и защищать столичный Царьград было некому. Всю ночь греки молились в храмах, а утром, обойдя Крестным ходом город, вышли к морю и опустили в воду ризу Пресвятой Богородицы. Внезапно налетевшая буря разметала флот осаждавших, это и спасло греков. Вернувшись в Киев, Аскольд и Дир позвали к себе греческого епископа, духовно окормлявшего христианские общины города, и попросили его рассказать о «своём Боге». Епископ так вдохновенно благовествовал им о едином Боге, творящем чудеса (Пс. 71:18), что князья тут же потребовали чудесного знамения, обещая креститься. Владыка смирено помолился «своему Господу», а затем взял самое дорогое, что у него было – Евангелие – и бросил в огонь…Однако бушевавшее пламя не смогло даже опалить «Слово Божие». Аскольд и Дир, будучи не только храбрыми воинами, но и людьми разумными, уверовали во Христа и крестились. Для совершения богослужений князья построили в Киеве Соборную церковь Илии Пророка. В 882 году Аскольд и Дир были злодейски убиты язычником Вещим Олегом. Захватив Киев, Олег стал единовластным правителем как северной, так и южной части Киевской Руси, сохраняя княжение для племянника своего – малолетнего Игоря, сына Рюрика. Достигнув юношеского возраста, наследник увлекся охотой. По делам управления страной он вместе с Олегом бывал то в Киеве, то в Новгороде. Однажды во время охоты молодой Игорь оказался в пределах веси Выбуцкой (в тех местах, где ныне находится Псков). Чтобы переправиться через реку, он подозвал кого-то, плывущего на лодке. Это казалась удивительной красоты девушка по имени Ольга. Любуясь ею, княжич разгорелся похотью. На середине реки он стал прельщать девицу блудными словами. Она же решительно пресекла Игоря, схватившись за весло. – Неисполнимое дело замышляешь, князь! – воскликнула Ольга. – Подави в себе эти нелепые позорные помышления, которых нужно стыдиться. Если ты сам, побеждённый низменной страстью, будешь совершать злодеяния, то как же удержишь от них других? А как станешь ты суд праведный чинить над своими подданными, когда сам так близок к беззаконию? Игорь опешил. Девушка продолжала:

– Хоть мы здесь и одни, и я слабее тебя, а все ж мне лучше умереть в глубине этой реки, чем вот так расстаться с моим девичеством.

Такие слова быстро не забывают. Не забыл сказанное и смущённый Игорь. Решительность, с которой девушка встала на защиту своего целомудрия, князь со временем себе объяснил. –Правильно, что отказала, – решил он. – Иначе, что б её ждало? В лучшем случае взял бы её себе в наложницы. В худшем – забыл бы вовсе. Другого князь не мог забыть! Как она укротила его похоть словами мудрости, достойными ума государственного мужа… Когда же пришло ему время жениться, Игорь отверг всех красавиц в пользу отказавшей ему когда-то Ольги. В 903 году стареющий Олег, женив молодого княжича на Ольге, стал усердно приносить жертвы богам, чтобы дали Игорю наследника. За долгих девять лет много кровавых жертв идолам принёс Олег, столько людей и быков заживо спалил, ждал, что дадут славянские боги Игорю сына. Не дождался. Умер в 912 году от укуса змеи, выползшей из черепа его бывшего коня. Сына-наследника даровал молодым «Бог греков». Первые христиане на Руси появились ещё до Аскольда и Дира. Вначале это были торговые и ремесленные люди с Византии. Затем креститься во Христа стали русские купцы, бояре и другие люди, связанные разными делами с Греческой империей. Сталкиваясь с ними по делам судебным, торговым и посольским, Ольга немало дивилась тому, что живут они и ведут себя как-то иначе, не так, как все: на службе государевой усердны, но к карьере равнодушны, в успехах не превозносятся, в торговле не лукавят. В голод, вместо того, чтобы избавляться от стариков, больных и детей, они их кормят и ухаживают за ними в ущерб себе. Вина на поминках не пьют. Не имеют многих жён. В питии и еде умеренны. С удивительным спокойствием и миром душевным переносят христиане все скорби и лишения и даже – что особенно непонятно – за все эти невзгоды благодарят своего единственного Бога. И… никаких жертв ему не приносят. И людей не жгут. Русичи к таким чужеземцам относились сдержанно – чужие обычаи, чужие боги. Но когда свои же русские крестились во Христа и начинали так странно жить, то сильно раздражали они своих единомышленников, крепко державшихся языческой веры отцов. Поэтому и поступали с ними «по справедливости»: отступников могли избить или даже разрушить их жилище. Но верующие, подобно Христу, распятому на Кресте, не мстили и не проклинали, а лишь слёзно молили своего невидимого Бога: «Господи, прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). Да ещё по мере сил своих творили добро обидчикам. И была на их лицах какая-то таинственно-спокойная, неброская радость. Как будто познали они и всем сердцем приняли что-то, неведомое Ольге, но столь им желанное, что ради сохранения этого в душе они и живут так непонятно. А вот свои боги, вырубленные топором, стали разочаровывать княгиню: многолетние жертвоприношения идолам не дали ей желаемого наследника. А ну как Игорь поступит по человеческому обыкновению и возьмёт себе другую жену, третью? Гарем заведёт. Кем она тогда будет? И тогда княгиня решилась молиться христианскому Богу. И стала Ольга по ночам горячо просить у Него сына-наследника. И вот на двадцать четвертом году совместной жизни родился у князя Игоря наследник – Святослав! Завалил князь Ольгу подарками. Она же самые дорогие отнесла в церковь Илии – для христианского Бога. Понеслись счастливые годочки. Стала задумываться Ольга над верой христианской да о выгодах от неё для страны. Только Игорь мыслей таких не разделял: его боги в битвах ни разу ему не изменяли. Так и носился по походам да охотам. Пока в 945 году не занесли его боги в Искоростень. Жившие трудами рук своих древляне были ограблены Игорем сверх всякой меры, отчего и предали они его лютой смерти. Затемнел рассудок у княгини Ольги, и стала она, по обыкновению человеческому, мстить страшно: первых послов древлянских, принесших объяснения смерти мужа, засыпала живьем в яме. И… не успокоилась. Позвала старшин древлянских свататься – сожгла в бане. И… еще больше месть запылала. Пригласила древлян на поминальную тризну по Игорю – опоила вином и умертвила всех! Поклялась идолу Перуну, что и это ещё не конец её гнева. На следующий год, взяв наследника во главе войска, двинулась Ольга к Искоростеню и сожгла его известной хитростью с птицами. Но и это не

принесло ей душевного успокоения. Перун глаза выпучил – крови ждет! Игоря смерть напоминает. Отшатнулась Ольга от идолища поганого! Может, и прав Бог христианский, зовущий прощать врагов своих. И так захотелось ей уехать в Византию да побывать в столичных храмах, где, как сказывали, священники в золотых одеждах служат, кадя душистым ладаном, где хоры под куполом, словно ангелы, поют. И где христиане слёзно каются в своих грехах, и тотчас от Бога сходит на их души покой. И вот ради этого покоя восемь лет обустраивала Ольга землю Русскую. Русь росла и укреплялась. Строились города, окруженные каменными и дубовыми стенами. При Ольге впервые были установлены государственные границы Киевской Руси. Богатырские заставы сторожили мирную жизнь киевлян от кочевников Великой Степи, от нападения с Запада. Русь становилась великой державой. А в 952 году отправилась Ольга в Царьград. Целых два года знакомилась она с основами веры христианской, посещая богослужения в Софийском соборе. Вдовствующий византийский император Константин Багрянородный, пленившись красотой также вдовствующей княгини Ольги, предложил ей руку и сердце, на что она спросила: – А разве христианские цари женятся на некрещёных язычницах?

Когда же Константин стал торопить патриарха с крещением, то у самой купели Ольга вдруг остановилась: – Не буду креститься, если сам царь не будет мне крёстным отцом! Константин тут же согласился, и Ольга была наречена в крещении Еленой, именем первой христианской царицы, матери Константина Великого. Патриарх Феофилакт благословил её словами:

– Благословенна ты среди жён русских, ибо, оставив тьму, взыскала истинного света; возненавидев идольское многобожие – возлюбила единого истинного Бога; избежав вечной смерти – обрела жизнь бесконечную. Теперь тебя будут ублажать сыны земли российской.

Крестились и люди из её свиты. И по случаю сей великой радости устроил царь Константин великий пир, снова приступая к Ольге с речами о женитьбе. Счастливая новокрещённая и на этот раз ответила царю вопросом на вопрос:

- А разве ты можешь взять в жёны свою крёстную дочь?

- Вот так женщина! - воскликнул Константин. - Ловко же ты меня перехитрила. Ну что ж. Остается любить тебя, как дочь.

- Царь, ты знаешь, - сказала довольная Ольга, - я приехала сюда за Крещением, а не за мужем. Пожила уже за мужем. Хочу остаток жизни прожить, как апостол Павел советует: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу (1 Кор. 7:34). Приняв от патриарха наставления о благочестивой жизни, честный крест, святые иконы, книги и потребные для богослужения вещи, Ольга со священником и свитой вернулась в Киев. На могиле Аскольда (в крещении Николая) и Дира она воздвигла церковь Николая Чудотворца, а затем отправилась на свою родину. Там, где река Пскова впадает в реку Великая, её приближённые стали свидетелями видения: три огромных солнечных столпа освятили то место.

Блаженная Ольга пророчески произнесла:

- Изволением Божиим на сем месте, озаряемом трисиятельными лучами, возникнет церковь во имя Пресвятой Живоначальной Троицы и создастся великий и славный город, изобилующий всем!

После продолжительной молитвы княгиня установила там крест. Некоторое время спустя там же была построена церковь, а на слиянии рек возник город Псков с собором Святой Троицы. В

957 году Ольга передала власть сыну и, используя свой авторитет, всецело предалась проповеди Христа. Внимая её речам, одни люди дивились, другие задумывались над верой, третьи крестились. Родной же и единственный сын Святослав никак не внимал словам своей матери и не желал креститься. Всей своей душой предавался он страсти ратных походов, размахом и географией которых давно превзошёл всех своих предшественников. Последний раз навестив свою умирающую мать, Святослав опять было заторопился в поход. Но блаженная Ольга остановила его:

- Зачем оставляешь меня? Ища чужого, кому поручаешь своё? Дети твои малы, а я отхожу уже ко Господу, и скорбь наполняет моё сердце за то, что ты не уверовал в Него. За твоё непослушание матери ждёт тебя на земле худой конец, а по смерти - мука вечная, уготованная язычникам. Хоронить меня будет греческий священник по христианскому обычаю, а ты чтоб на моей могиле ни холма не насыпал, ни тризны безумной не устраивал. И вином чтоб не поминал. Мои же деньги пошли патриарху Константинополя на милостыню и помин моей грешной души.

Благоверная княгиня Ольга преставилась ко Господу 11 июля 969 года. Как в земной, так и в небесной жизни она продолжала молить Его о том, чтобы Киевская Русь была просвещена Святым Крещением, что и случилось через двадцать лет в правление её внука Владимира. Сын же её Святослав в 972 году был убит печенежским князем Курой, который отсёк ему голову и из черепа, окованного золотом, сделал себе чашу, написав на ней: «Ищущий чужого, губит своё».

За проповедь Евангелия стали называть княгиню равноапостольной. Самые же главные её христианские труды над собой остались известны только Богу. За то и прославил Он свою подвижницу нетлением мощей. У всех же христианок по имени Ольга появилась небесная заступница княгиня Ольга. День памяти её 24 июля.

Артемий Веркольский

Так назвали при крещении и русского мальчика, который родился в 1532 году в селе Веркола на северной реке Пинеге. Отец мальчика, Косма, как и все деревенские, обрабатывал землю и ловил в реке рыбу, а мать, Апполинария, была ему верной помощницей. Некоторые предания называют Косму еще и чтецом в веркольском храме, поставленном во имя Николая Чудотворца. На высоком берегу реки Пинеги слегка покачивались от ветра могучие сосны, лиственницы, пихты. И дома, срубленные жителями из такого леса, тоже были огромными. Здесь строили просторное жилье, потому что зима приходила рано, длилась она долго, и, чтобы спокойно перезимовать, не пропасть от голода и морозов, надо было запастись многим. Крутой

берег Пинеги походил на слоеный пирог: белые пласты известняка, красной глины, желтого песка, а ниже - расстилался речной простор, по которому торопливо бежали волны к другой реке, к Северной Двине, а уж там, соединившись, речные воды устремлялись в Белое море к Ледовитому океану. Берег напротив был пологим, низким – здесь тянулись вдаль поля, луга, березовый лес. Пока Артемии был совсем маленьким, на край высокого берега его не пускали – а ну как дите расшалится и упадет с обрыва в реку. Но очень скоро и родители, и соседи убедились в его разумности.

– Сынок у вас очень послушный, – хвалили они Артемия. – Другие во время службы крутятся, плачут, а ваш стоит себе тихо да батюшку слушает.

А было тогда Артемию только четыре года. В Верколе в каждом доме подрастали дети. Летом они часто бегали по улице, играли в шумные игры.

– Артемий! Артемий, выходи, играть будем! – звали они.

– Не могу, – отвечал он, – некогда мне, я матушке помогаю воду носить с реки!

– Артемий! – звали его в другой раз. – Идем с нами, костры будем жечь!

– Не могу, – снова отвечал он, – батюшке помогаю, сено ворошу.

Так и проходили дни. Дети веселились, играли во всякие игры. Потом они, конечно, взрослели, умнели и тоже становились помощниками родителям. Но Артемий с малых лет был вместе с отцом и матерью в любом деле. А еще соседи заметили, что он подолгу молится в церкви перед иконами и просит у Господа милости не только для себя, но и для всех людей. И что удивительно: хотя он не часто бывал с другими детьми, те его уважали как старшего. Может быть, потому, что он, такой тихий с виду, несколько раз, когда требовалось, показывал им свою храбрость. Однажды, когда Артемию было тринадцать лет, он вместе с отцом пошел работать в поле.

Ступая босыми ногами, мальчик вел за узду лошадь, а отец налегал на плуг. Погода была теплая, солнечная. От влажной земли поднимался пар. Но вот задул легкий ветер, и на краю неба появилось первое облачко. Вскоре ветер усилился. Он гнал тяжелые черные тучи, и небо стало быстро темнеть. Когда тучи, цепляясь за макушки деревьев, сошлись над полем и сделалось совсем темно, отец сказал:

– Все, сынок, заворачивай лошадь, пересидим грозу на краю поля.

Он еще хотел что-то добавить, но тут прогремел гром такой страшной силы, что отцу показалось, будто взорвалось само небо. И в то же мгновение Артемий, выпустив уздечку из рук, рухнул на землю. Сначала отец подумал, что сын просто споткнулся. Он бросился к Артемию, хотел помочь подняться, но сын лежал на земле не дыша, удивленно глядя в небо широко раскрытыми незрячими глазами. Молнии озаряли небо одна за другой, но отец точно знал, что сына они не тронули – он хорошо видел, как сын упал одновременно с тем страшным ударом грома. – Не доброе это дело, – заговорили односельчане, когда узнали о внезапной гибели отрока. – Знать, были у него тайные грехи перед Господом, за то Бог и казнил его посреди поля, оставил без покаяния.

– Соседи, одумайтесь! – убеждал отец. – Разве не сами вы удивлялись тому, что отрок приходил в храм Божий раньше вас и стоял на коленях перед иконами, моля о милости к вам?! Разве не вы хвалили его за трудолюбие и добрый нрав?!

Но соседи словно не слышали. Они запретили отцу внести тело сына в церковь и постановили не хоронить его в земле по православному обычаю, а как преступника, без отпевания, бросить посреди леса на съедение диким зверям. Однако отец поставил среди деревьев над телом сына небольшой сруб, а тело накрыл берестой и, пока был жив, часто вместе с женой приходил сюда. Тяжело переживали они несправедливые упреки односельчан, много слез выплакали, когда сидели вдвоем перед местом, где было положено тело их покойного сына. Ведь память самого отрока, праведная жизнь которого проходила на глазах у всех, тоже оказалась оклеветанной.

Соседи были уверены, что сделали правильно, поступив с ним как с великим грешником. Они не знали, что, отдав его душу на страдания, они превратили отрока в великомученика. Это знал только Бог. С тех пор прошло около тридцати лет… И однажды ранней осенью случилось событие, которое взбудоражило все село. Дьякон веркольской церкви, отец Агафоник, пошел в лес по грибы. В том году урожай был хороший, и, хотя вышел он поздно, ко времени, когда в лесу стало темнеть, кузов его был уже полон. Отец Агафоник решил повернуть в сторону дома, но неожиданно увидел впереди над землей таинственное сияние. Он даже перекрестился и прочитал про себя молитву на случай, если это – лукавое наваждение, но сияние не исчезло. И тогда дьякон решился приблизиться к загадочному месту. Осторожно оглядываясь, он пошел на свет и скоро понял, что сияние идет изнутри потемневшего сруба, где покоился так и не захороненный отрок. Отец Агафоник приблизился вплотную к стене сруба и прильнул глазами к гцели. То, что он там разглядел, поразило его.

Сияние исходило от самого тела отрока, и тело это ничуть не повредилось, не истлело за все годы, которые прошли после той страшной грозы. Отец Агафоник сбросил тяжелый кузов с плеч и быстро, как только мог, заторопился в село. Найдя священника, он рассказал ему о чудесном видении. Наутро священник, прихватив жителей села, отправился в лес. Когда они подошли к срубу, то увидели то, о чем рассказывал им дьякон: от нетленных мощей отрока исходило свечение. И тогда в первый раз сельчане подумали, что родители их были не правы, когда так легко обрекли родных Артемия на муки, а саму память об отроке на поругание. Они сделали из веток и сучьев легкие носилки и перенесли могли в веркольскую церковь. На этом, казалось бы, могла и закончиться история с чудесным обретением мощей понапрасну оклеветанного праведного отрока. Но на самом деле она только началась. В то лето на берегах Пинеги люди заболевали неведомой прежде болезнью. Время от времени их начинало лихорадить так, что содрогалось тело, и многие из них умирали в страданиях. В двадцати верстах от Верколы ниже по течению стояло большое селение Кевроль. Оно считалось центром волости, там были двор воеводы со стражниками и канцелярия с дьяками-писарями. В этом селении жил человек, которого звали Каллиник. Уже несколько недель его сын болел этой страшной болезнью, местный лекарь перепробовал многие лекарства, но сыну с каждым днем становилось все хуже. С болью в душе Каллиник смотрел на мучения сына и не знал, чем еще можно помочь. – Через день-два твой сын отойдет, – грустно сказал ему лекарь. И тут Каллиник вспомнил о том, что недавно случилось в Верколе.

«Помолюсь отроку, приложусь к его мощам, все равно другого спасения нет», – внезапно решил он и отправился в Верколу.

Каллиник шел всю ночь и к утру был уже в селении. Он подошел к храму, поднялся на паперть, где стоял гроб с мощами Артемия, и попросил о милости Господа, Пречистую Деву, Николая Чудотворца (ведь храм был построен во имя его). А затем, призвав на помощь праведного отрока, приложился лбом ко гробу. Робея, Каллиник протянул руку и взял кусочек бересты, укрывавшей гроб.

…Солнце уже зашло, когда Каллиник дошел до Кевроли. Он вбежал в дом и увидел

собравшихся родственников.

– Отходит, – тихо сказали ему. – За священником послали.

Несчастный отец перекрестился и положил заветный кусочек бересты умирающему сыну на грудь. Взяв его холодеющую руку в свою ладонь, он внезапно почувствовал, что рука сына стала теплеть. Сын задышал глубоко и ровно, словно в добром сне. Потом он открыл глаза и произнес негромко: – Как хорошо-то, спокойно. И грудь не болит, и руки не ломит. Когда священник вошел в дом, сын уже сидел на постели и пил квас.

Жизнь поселянина в те времена текла в однообразных заботах. Поле, огород, домашняя скотина, сено, дрова. Поэтому весть о новом чуде разлетелась по берегам Пинеги со скоростью ветра, и в Верколу из ближних и дальних селений стали собираться родственники болящих странной лихорадкой, от которой чуть не погиб сын Каллиника. Помолившись в веркольском храме, приложившись к чудотворным мощам Артемия, эти люди уносили с собой кусочки бересты, и больные, казалось бы приговоренные к смерти, выздоравливали. А следом за ними к святым мощам веркольского отрока потянулись другие. На глазах у потрясенных жителей болящие получали облегчение, слепые прозревали, глухие обретали слух, хромые твердо вставали на ноги. И тогда жители вместе со священником постановили пристроить к храму новый придел. Сюда они перенесли мощи праведного Артемия, поместив их в новый гроб. Но старый они не думали выкидывать – наоборот: из него сделали иконные доски, на которых был написан лик отрока. И тут случилось еще одно чудо. Панкратий, житель города Великий устюг, был как-то по делам на пинежских берегах. Возвращаясь домой через Верколу, он сумел заполучить один из образов с ликом праведного Артемия. Икону Панкратий отвез в родной город, и там от этого образа немало людей получили исцеление. Наконец молва о святых мощах отрока Артемия и чудесных исцелениях дошла до самого Великого Новгорода. Архиереем в Новгороде был тогда митрополит Макарий. Он и направил в Верколу специальную комиссию, которая состояла из духовных лиц и просвещенных, уважаемых людей. Эта комиссия дотошно исследовала все случаи чудесного излечения, опросила множество свидетелей и составила подробное описание установленных чудес. Святитель Макарий лично изучил эти описания и повелел составить житие святого отрока, написать ему службу и построить во имя его храм. Но строительство храма – дело не скорое, поэтому пока, в зимний день 6 декабря 1610 года, святые мощи были перенесены из придела Никольской церкви ближе к алтарю. Мощи святого праведника продолжали и в последующие времена творить чудеса. Вот только два случая из многих:

В большом и богатом селе Холмогоры поблизости от Белого моря жил человек по имени Иларион. Потеряв зрение, он впал в отчаяние и чуть было не наложил на себя руки. Вдень памяти святого Николая Чудотворца Илариону явился во сне праведный отрок. Водной руке Артемий держал крест, в другой – небольшой посох. – Зачем скорбишь, человек? Встань! – обратился к нему Артемий, осенив слепого крестом. – Исцеляет тебя Христос рукой раба Своего Артемия. Иди в Верколу и поведай об этом тамошнему священнику и крестьянам. Иларион выполнил повеление отрока и, счастливый оттого, что снова мог видеть белый свет, рассказал всем о своем исцелении.

Другое чудо случилось с Афанасием Пашковым. Этот человек был назначен воеводой в большое село Мезень. Путь его лежал через Верколу. Но, оказавшись там, воевода не нашел времени, чтобы поклониться святым мощам и отслужить в храме молебен. Главным он привык считать дело, а молитва казалась ему второстепенной. У воеводы был сын Еремей, которого отец беззаветно любил. Когда Афанасий вместе с семьей прибыл в Мезень, Еремей тяжело заболел, и лекари объявили, что жить сыну осталось недолго. Тогда только воевода спохватился. Встал на колени перед иконой святого Николая Чудотворца и со слезами на

глазах дал торжественное обещание пойти в Верколу на богомолье. Наутро сын почувствовал облегчение. Счастливый отец не только пошел поклониться святым мощам отрока, но и на свои деньги на том месте, где были чудесно обретены мощи Артемия, выстроил церковь, кельи для иноков и огородил территорию. Так в 1636 году был основан Веркольский Свято-Артемиевский мужской монастырь. В 1793 году на месте деревянной церкви поставили каменную, с высокой колокольней, и она была единственным каменным строением на всю округу. В этом храме и почивали мощи святого отрока. В 1991 голу Веркольский монастырь снова был возвращен Православной Церкви. И теперь, как в прежние времена, каждое лето, чтобы поклониться памяти святого отрока, со всей России съезжаются в его родное село группы паломников. Память праведного Артемия совершается дважды в году: 6 июля, в день его преставления, и 2 ноября, в день памяти тезоименитого святого великомученика Артемия. Многие считают именинами свой день рождения, но это ошибка. Именины – это день памяти святого, именем которого вы названы. Выбор небесного покровителя определяется либо вашим желанием, либо близостью дня памяти святого к дате вашего рождения или крещения. В день именин хорошо прийти в храм, заказать молебен, подать записки о здравии близких вам людей и зажечь свечи перед иконами. Православные христиане стараются в этот день причаститься Святых Христовых Тайн. Дома можно устроить небольшую праздничную трапезу, пригласить крестных родителей, родных, друзей.

Петр и Феврония Муромские

В славном городе Муроме правил князь по имени Павел. Долго жил он со своею супругой в любви и согласии, а потом вот что случилось. Начал княгиню прельщать злой дух в образе змея. Когда князя не было дома, змей принимал его облик, подсаживался к его супруге и сладкими речами уговаривал на поцелуи и ласки. Княгиня, по женской своей слабости, не могла сопротивляться ему, а между тем силы ее таяли не по дням, а по часам. Наконец, любя своего мужа, она открылась ему. С тех пор князь только и думал, как бы извести проклятого змея.

– Вызнай, любезная моя супруга, отчего может произойти его смерть, – сказал он княгине.

На другой день княгиня заговорила со змеем ласково, похвалила и ум, и красоту его, а после спросила:

– Многое ты знаешь, а ведомо ли тебе, какова будет твоя кончина и отчего?

Княгиня смотрела так нежно, слова ее были так приятны, что змей открыл ей свою тайну:

– Смерть моя от Петрова плеча, от Агрикова меча.

Эти слова княгиня пересказала мужу. «Загадками говорит змей, – подумал князь и решил посоветоваться с родным братом. А брата звали Петром. Когда он услышал свое имя, сердце его загорелось мужеством и решимостью. «Видно, Бог подает мне знак, и я должен освободить княгиню от ужасного змея,» – решил Петр. Не знал он только, что это за меч и где его взять, но верил, что Бог поможет ему.

Однажды зашел он в церковь Воздвиженья Честного и Животворящего Креста. Стал на молитву, как вдруг явился ему ангел в сияющих одеждах и произнес:

– Хочешь, покажу тебе Агриков меч?

– Скорее же, где он!? – воскликнул князь. Ангел привел его к алтарной стене, и в нише между двумя плитами увидел князь лежащий меч. А когда взял его в руки, то почувствовал, как теплая волна пробежала по всему телу, и небывалая сила вошла в него. Вернувшись домой, Петр стал ждать подходящего случая, чтобы сразиться со змеем. Однажды зашел он в хоромы к брату, поздоровался с ним и отправился в покои к снохе. Что же он видит? И там сидит князь, обнявшись со своею супругой.

– Не обознался ли я? – подумал Петр и спросил слугу, не выходил ли брат из своих хором.

– Нет, – отвечал слуга, – князь все время был здесь. «Не проделки ли это лукавого змея?»

Придя к брату он спросил:

– Не навещал ли ты супругу свою?

– Нет, – отвечал Павел.

– А ведь я только что видел тебя сидящим в покоях твоей жены. Это видно змей! Теперь же, брат, чтобы мне не ошибиться, никуда отсюда не выходи!

Взяв Агриков меч, Петр отворил дверь в покои княгини. Перед ним была та же картина: она сидела, обнявшись с братом. Твердо уверившись, что перед ним змей, князь ударил его мечом. В тот же миг сверкнула молния, и показался змей в своем подлинном облике. Начал он, шипя, извиваться, и вдруг из раны его брызнула кровь и попала на тело князя. Издох змей, а Петр покрылся от этой ядовитой крови страшными струпьями и язвами. Он тяжко страдал, но никто не мог его исцелить. Узнал князь, что много есть врачевателей в Рязанской земле и повелел везти себя туда. Сам он так ослабел, что и на коне не мог усидеть. Разослал слуг по разным селам и деревням, и оказался один гонец в селе Ласково. Зашел он в избу, что стояла у самого края леса, и увидел чудную картину: на лавке сидела девица и ткала полотно, а перед ней прыгал заяц. Юноша спросил имя девицы.

– Имя мое – Феврония, и я знаю, о каком деле ты хлопочешь. Передай же князю, что он должен прийти к тому, кто его потребует, и если будет добросердечен в ответах, то станет здоровым.

– Кто же может потребовать князя? – спросил юноша.

– Привези его сюда, – ответила девица. Гонец вернулся к князю и передал все виденное и слышанное.

– А у той девицы жених есть, – улыбнулся он.

– С чего ты взял? – спросил князь.

– А примета есть верная: если заяц перед девицей скачет – значит, свадьбе быть.

Князь Петр тут же откликнулся на слова девицы и послал к ней с вопросом: кто его вылечит и много ли возьмет богатства?

Девица же, не смущаясь нимало, ответила:

– Я его вылечу, но никакого богатства с него не возьму, а условие мое такое: если князь меня в жены не возьмет, то и лечение впрок не пойдет.

Князь послал к ней юношу с ответом, что пусть, мол, лечит, а если вылечит, тогда и в жены возьму. А про себя подумал: негоже мне, князю, брать в жены крестьянскую дочь!

Когда девице передали эти слова, она взяла небольшой сосуд, зачерпнула хлебной закваски и, подув на нее, сказала:

– Пусть князь ваш выпарится в бане, а потом смажет этим струпы и язвы на всем теле. И один струп пусть оставит ненамазанным. Если он сделает, как говорю, то выздоровеет!

Когда князю принесли мазь, он велел тотчас приготовить себе баню. Выпарился в ней хорошенько, помазал целебной мазью струпы и язвы на всем теле, а один струп оставил несмазанным. Выйдя же из бани почувствовал, что словно заново родился. Тело стало здоровым и чистым, остался только один струп. Князь хотя и выздоровел, но слова своего держать не стал и вместо того, чтоб жениться на девице, послал ей подарки.

Она же отказалась их принять. Петр вернулся в Муром исцеленным, но стал замечать, что от одного струпа стали по всему телу другие расходиться, словно ржа какая. Измученный болезнью князь не решался ехать к девице за исцелением, но тут явился перед ним тот же ангел и молвил:

– Смири гордость свою, князь, поезжай к девице. Когда же исцелит она тебя, непременно женись на ней, ибо это невеста, суженая тебе Богом.

И вновь князь послал к Февронии с просьбой вылечить его. Девица, нисколько не сердясь на князя и не попрекая его прошлым, опять повторила, что он будет исцелен, если возьмет ее в жены. Князь твердо обещал жениться на ней. Она приготовила ему прежнее снадобье, и вскоре князь был здоров. На этот раз он сдержал слово, и девица Феврония стала княгиней. Супруги приехали в город Муром и жили там в любви и согласии, соблюдая все заповеди Божьи.

Прошло время, и князь Павел отошел в мир иной. Теперь брат его, Петр, стал княжить в Муроме. Супругу его, княгиню Февронию, бояре не любили. Не нравилось их женам ее низкое происхождение, и они строили княгине всякие козни. Как-то пришел к князю слуга и говорит: Твоя княгиня из-за стола точно голодная выходит: все крошки до единой в руку собирает. Решил князь это проверить. После обеда княгиня как обычно собрала в руку все крошки со стола. Князь Петр разжал ей руку и увидел на ладони не хлеб, а благовонный фимиам. Подивился он этому чуду и с тех пор во всем доверялся своей супруге. Через какое-то время

приходят к нему бояре и говорят:

– Не хотим, чтобы княгиня Феврония над нашими женами господствовала! Не того она роду-племени. Дай ей богатства, сколько захочет, и пусть уходит подобру-поздорову. А ты возьми себе другую жену, ровню, тогда станем тебе служить верой и правдой!

Выслушал их князь и духом не смутился.

– Скажите все это Февронии, – отвечал он со смирением. И вот на пиру раздались голоса:

– Отдай нам, Феврония, то, что мы у тебя просим!

– Возьмите, что просите, – отвечала княгиня.

– Мы хотим князя Петра, а тебя наши жены не хотят. Возьми богатства, сколько надобно, и ступай куда хочешь!

– Что ж, – отвечала княгиня, – я отдам вам, что просите. Дайте и мне, что попрошу у вас.

От ярости бояре совсем разум потеряли и поклялись княгине исполнить ее просьбу. Она же сказала:

– Ничего, кроме супруга моего Петра, я у вас не прошу.

– Ладно, – ответили бояре, – если он сам захочет из Мурома уйти, мы тебе ничего не скажем.

Втайне каждый из них мечтал самодержцем стать. Князь Петр любил свою княгиню и не захотел с ней разлучаться, Обрадовались бояре! Дали они князю с княгиней корабль, и те поплыли. Как-то вечером остановились они и расположились на берегу. И запала в сердце Петру горестная мысль: как они теперь жить будут? А мудрая Феврония словно услышала его думы и говорит:

– Не горюй» князь мой ласковый! Бог Промыслитель не оставит ндс в нищете.

Когда повар готовил ужин, обрубил он два засохших деревца и, воткнув в землю, повесил на них котел.

Феврония указала Петру на те палки и, благословив их, сказала:

– Пусть к утру расцветут!

Наутро все увидели чудо: на месте вчерашних обрубков шелестели два стройных деревца. Понял князь, сколь велика милость Божья, и что напрасно он беспокоился о завтрашнем дне. А когда стали они собираться на корабль, увидели, что идут люди из Мурома и просят:

– Господин великий князь! Пришли мы к тебе на поклон от бояр наших и от всего города! Не оставь нас сиротами, возвращайся на отчий престол. Как псы разъяренные, дрались бояре за место твое, и многие от меча погибли. Ныне же молим вас обоих: простите нас, грешных! Князь и княгиня вняли их уговорам и вернулись в Муром. Стали править они не яростью, а кротостью, не ложью, а правдой. На подданных своих смотрели, как отец с матерью. Пребывая в непрестанных молитвах, для всякого находили они ласковое слово, насыщали голодных, одевали нагих, принимали странников.

В таких трудах милосердных подошли они к своему жизненному пределу. Теперь просили они

Бога об одном: чтобы умереть им в один день и час, и завещали положить их в одном гробу. Для этого повелели сделать в камне два гроба, которые бы имели между собой тонкую перегородку. Сами же решили провести остаток дней своих в монашеских кельях, вдали от мирской суеты. Приняли монашеский постриг, и назван был Петр – Давидом, а Феврония – Ефросиньей. Впервые за многие годы разлучились супруги – Петр стал жить при Богородичном храме внутри города, а Феврония – за городом, в женском монастыре.

В то время преподобная Феврония, нареченная Ефросиньей, вышивала для храма Пречистой Богородицы покрывало с ликами святых, называемое «воздух». Супруг ее Петр, нареченный Давидом, чувствуя приближение смерти, отправил к ней человека со словами:

– О сестра моя Феврония! Душа моя вот-вот расстанется с телом, только тебя я жду, чтобы умереть вместе!

– Подожди, господин мой, – отвечала Феврония, – пока закончу рукоделие свое.

Спустя короткое время он опять посылает к ней:

– О сестра моя, немного мне осталось… А в третий раз просил передать:

– Душа моя хочет уже прощаться с телом, и не могу я ждать тебя.

Февронии осталось вышить только ризы одного святого, но, услышав эти слова, она воткнула иглу в воздух, обернула ее ниткой и послала к Петру весть, что готова умереть с ним в один день и час. И так, помолившись, предали они свои души в руки Божьи. Из келий их выпорхнули одновременно две голубки и, покружив над Богородичным храмом, улетели. Было это в 25-й день июня.

После их кончины сделали для благоверных супругов два гроба. Петра положили в соборной церкви Пречистой Богородицы, а Февронию – в женском монастыре, в церкви Воздвиженья Честного и Животворящего Креста.

Общий же гроб, который супруги повелели себе вытесать, стоял в пустом храме Богородичной церкви. Утром люди увидели, что отдельные гробы, куда их положили, пусты, а святые их тела нашли в едином гробу в Богородичной церкви. Неразумные люди! Как и при жизни блаженных пытались их разлучить, так и после не оставили свои суетные мысли. Снова переложили они их тела в отдельные гробы и разнесли по разным церквам. Наутро же Петр и Феврония вновь оказались рядом. После этого не смели прикасаться к святым телам. Весть о чуде быстро разнеслась по Мурому, и к могиле у Богородичного храма потянулись страждущие.

Многие находили здесь успокоение душе и исцеление телу, и вскоре Церковь причислила блаженных супругов к лику святых. Теперь каждый из нас может просить о заступничестве перед Богом святых, неразлучных в жизни и в смерти Петра и Февронии.

Святители Василий Великий и Григорий Богослов

Святой Василий Великий родился около 330 года в Кесарии, столице Каппадокийской области. Все семейство его издавна отличалось строгим благочестием и пламенной верой, и многие из его родных пострадали за имя Христа во время гонения. Первые годы детства Василий провел в деревне у бабки своей Макрины. Благочестивая старушка рано вселила в сердце отрока пламенную любовь к Богу. Заметив в молодом Василии отличные способности, родители пожелали дать ему хорошее образование и отправили его учиться в Кесарию, в Царь-град и наконец в Афины, которые славились тогда школами и преподавателями. Василий успевал в науках и скоро сделался одним из лучших учеников школы, но пребывание в Афинах могло бы быть пагубным для юноши менее твердых правил. Там господствовала языческая философия, на всех улицах стояли идолы; напыщенные философы того времени говорили с презрением о христианах. Но твердые правила и теплая вера, внушенные Василию с детства, помогли ему устоять против всех искушений. Он подружился с одним юношей по имени Григорий, будущим святителем Григорием Богословом, который был, как и он сам, воспитан в благочестии и вере. Не на всех учеников подействовало благотворно пребывание в Афинах.

Вместе с двумя друзьями учился там Юлиан, племянник императора Константина; но он вынес оттуда непримиримую вражду к христианской вере и впоследствии сделался одним из жесточайших гонителей ее. После пятилетнего пребывания в Афинах Василий возвратился на родину. Отца уже он не застал в живых, и ему предложили занять его место и сделаться наставником при училище; но Василий не решался еще избрать себе образ жизни: ему хотелось сперва поклониться святым местам, где жил и страдал Христос, подробнее изучить Священное Писание и узнать жизнь святых отшельников. Прежде всего он желал принять святое крещение. До сих пор, исполняя ревностно все обязанности христианина и полный веры и любви к Богу, он не мог еще участвовать в таинствах, потому что не был крещен. У древних христиан таинство крещения часто совершалось уже над взрослыми. Предание говорит, что Василий крестился в Иордане от Иерусалимского епископа и что, когда святитель начал совершать таинство, то молния вдруг озарила Василия; из этой молнии излетел голубь, спустился на Иордан и, возмутив воду, опять взлетел на небо. Василий поклонился с благоговением гробу Господню и посетил святых отшельников в Палестине, Месопотамии и Египте. В это время стала особенно процветать иноческая жизнь; пустыни, горы, леса были населены отшельниками. Отрекшись от имущества, от радостей семейных, они проводили жизнь свою в постоянной молитве, в труде и строгом воздержании; одни жили в совершенном

уединении, другие в обителях монастырях под руководство благочестивых мужей, известны строгой жизнью. На возвратном пути он посетил Афины и там обратил к Богу бывшего своего учителя Еввула. Три дня они беседе вали о вере, забывая даже вкушать пищу, так сильно оба были заняты возвышенным предметов беседы. Наконец Еввул убедился в истине христианское веры и принял святое крещение. «Е чем заключается высшая премудрость?» – спросил он у святого Василия. «В памятовании смерти», – отвечал святой Василий. Действительно, если мы бы чаще помышляли о конечности нашей жизни и о переходе в иной мир, мы не привязывались бы так сильно к преходящим благам мира этого, а более бы старались о приобретении благ вечных. до Господа, или наши грехи преодолели вашу добродетель, и ради их мы осуждены на преждевременную смерть? Давно ли мы скорбели об умирающем отце? А теперь он будет неутешно плакать о нас! А ты, любезная мать! Ты надеялась скоро увидеть нас, уготовить нам брачный чертог! Но ты не увидишь и могилы нашей». По возвращении своем святой Василий поселился в пустынном месте, на берегу реки Ириса, в Понтийской области. На противоположном берегу реки мать его и сестра Макрина основали женскую обитель. Тут, в прекрасной местности, окруженной лесом и водой, святой Василий жил некоторое время в совершенном одиночестве, предаваясь молитве и созерцанию. В письмах своих к другу своему Григорию он с восхищением говорит о пустынной жизни своей, о пользе уединения для души, которая вдали от суеты мирской, созерцая одно творение Божие, молитвенно возносится к Творцу своему. «Бог открыл мне жилище по сердцу, – пишет он святому Григорию, – мне дано видеть в действительности то, о чем мы некогда с тобою мечтали. Здесь высокая гора, покрытая густым лесом, орошенная с северной стороны светлыми, прохладными потоками. У подошвы горы просторная долина, изобильная ручьями; лес окружает ее со всех сторон. Два глубоких оврага разделяют ее на две части; с одного края низвергается водопад, с другой – непроходимая гора заграждает путь». В этой прекрасной пустыне святой Василий провел несколько лет и скоро вокруг него собралось множество благочестивых людей, желавших посвятить жизнь свою Богу. Святой Василий не удалялся от них; он желал, чтобы его отречение от мира было полезно для других, и вообще предпочитал общежитие отшельничеству. Так сделался он настоятелем обители. Братия пользовалась его советами и подчинялась правилам, которые он составлял для нее. Правила эти и доныне служат руководством для православного монашества. Святой Василий требовал от братии постоянной деятельности, считая праздность величайшим злом. Он сам был постоянно занят: изучал Священное Писание, писал толкования на него, молился, обрабатывал землю, сажал деревья. Друг его, Григорий, часто посещал его и разделял его занятия и труды. Он тоже любил пустынную жизнь; но не мог оставить престарелого отца своего, епископа Назианзского, который нуждался в его помощи. Дела Церкви вызвали и святого Василия из любимой его пустыни. Арианская ересь распространялась в империи, надо было противодействовать ей всеми силами. Святой Василий был известен благочестием и ученостью своей; православные епископы обратились к нему и он, чувствуя, что может быть полезен ближним, оставил избранное им пустынное житие. Арий, пресвитер Александрийской Церкви, отрицал Божественность Иисуса Христа, не признавал его равным Богу Отцу. Это ложное учение, противное словам святого Евангелия, нашло много последователей. Возникли споры и распри. Желая прекратить их, император Константин в 325 году созвал в Никее Первый Вселенский Собор. Собор осудил ересь, или лжеучение Ария, его самого лишил священства и составил Символ веры, в котором Сын Божий признается единосущным Отцу, рожденным, несотворенным. Этот Символ веры, дополненный на Втором Вселенском Соборе учением о Духе Святом, принят и доныне неизменно сохраняется Православной Церковью. Но через несколько лет после Никейского Собора кознями врагов Церкви Арий был возвращен из ссылки и лжеучение его вновь стало распространяться и нашло ревностного защитника в императоре Констанции, наследнике Константина. Во многих епархиях православные епископы были низложены и заменены арианами. Во все это время святой Василий усердно помогал Церкви, не раз покидая любимую пустыню свою, чтобы увещевать колеблющихся,

утверждать верующих. Он проповедовал ежедневно, иногда два раза в день; объяснял слушателям своим обязанности христианина и догматы христианской веры. Полный пламенной любви к Богу и благоговейного удивления к красоте природы, он старался возбудить эти чувства и в сердцах слушателей своих. Убедительными и красноречивыми словами он описывал им красоту вселенной, стройность и порядок творений Божиих, мудрость и благость Создателя. Он внушал им благодарность к Богу и желание доказать ее добрыми делами и исполнением заповедей Господних. Он проповедовал любовь к ближним, милость и сострадание и сам подавал пример того, чему поучал. Грубая одежда и немного книг составляли все имущество его; но его заботами воздвиглись в Кесарии больницы и странноприимные дома, которые по обширности их святой Григорий Богослов называет целым городом. В Кесарии возник голод; святой Василий убедил богатых поделиться с нищими братиями своими, сам продал имущество, оставленное матерью, и все вырученные за него деньги раздал неимущим, помогая равно христианам, язычникам и иудеям. Неутомимый в трудах и заботах об общем благе, святой Василий сам ходил за больными, писал уставы для монашествующих и правила для воспитания юношества, являясь ходатаем перед светскими властями, заступником бедных и угнетенных, судьей и примирителем в тяжбах и спорах, ибо в это время даже гражданские дела часто решались церковным судом. К этому времени относится составленная им по внушению Духа Божия литургия, известная под именем литургии святого Василия Великого, впоследствии святой Иоанн Златоуст ее несколько сократил для ежедневного служения. Епископ Евсевий перед кончиной поручил святому Василию паству свою, но назначение Василия совершилось не без затруднения. Многие боялись его строгих обличений и потому старались помешать его избранию. Престарелый епископ Назианзский, узнав, что для назначения святого Василия в епископы недоставало одного голоса, повелел перенести себя на носилках в Кесарию и его прибытие решило избрание Василия. С неутомимой ревностью святой Василий продолжал заниматься делами, заботясь особенно о водворении мира между верующими. Император Валент, ревностный арианин, не мог видеть этого равнодушно и сам собрался ехать в Кесарию. Предварительно он послал туда одного из первых сановников своих, префекта Модеста, которому он поручил расположить святого Василия к соединению с арианами. Но Модест нашел в епископе непоколебимую твердость. Видя, что увещания остаются бесполезными, он стал грозить святому Василию изгнанием, лишением имущества, мучениями и смертью; но святой Василий спокойно отвечал:

– Если можешь, угрожай чем-нибудь другим; изгнания я не боюсь, ибо вся земля Господня, отнять имущество нельзя у того, кто ничего не имеет; муки мне не страшны, ибо верю и надеюсь, что страдания и смерть будут для меня благодеянием, потому что они скорее приведут меня к Господу, для Которого я живу и тружусь. Префект был изумлен. «Никогда никто не говорил со мной так смело», – сказал он. – Вероятно, тебе еще не случалось говорить с епископом, – отвечал святой Василий. Тогда префект стал представлять ему все выгоды, которые Церковь получит, если Василий согласится исполнить волю Валента.

– Подумай, – говорил он, – как важно для Церкви, что великий император хочет соединиться с ней, а от тебя требуется не много: только, чтобы ты исключил из Символа слово единосущный.

– Конечно, – отвечал Василий, – очень важно для государя соединение с Церковью, ибо важно спасение души, но изменить хотя одно слово в Символе веры я не могу. – Подумай еще до завтра, – сказал Модест, отпуская Василия. – Не нужно, – отвечал он, – завтра буду таков же, как и нынче.

Вскоре за тем сам Валент прибыл в Кесарию. Модест донес ему о своей неудаче и советовал ему употребить против Василия силу; но император еще надеялся склонить епископа. В праздник Богоявления он отправился в церковь, где святой Василий совершал Божественную

литургию, и был глубоко тронут торжественностью служения. Он не успел поговорить со святым Василием, но вручил ему приношение для церкви. Через несколько дней Валент вновь посетил храм, в алтаре долго беседовал с Василием. Но благое впечатление было непродолжительно. Ариане не переставали возбуждать Валента против святого Василия и наконец убедили его согласиться на изгнание епископа. Святой Василий уже собирался в путь, как вдруг у царя опасно заболел сын. Видя в этом казнь Божию, Валент поспешил отменить приговор; призвал святого Василия и просил его молитв. Ребенок на сей раз выздоровел. Заботы святого Василия касались не одной только его паствы; он постоянно старался водворить повсюду мир и согласие. Он ездил в Армению, заступался за святого Мелетия, старался возбудить участие западных епископов к братиям, гонимым на востоке за Православие. Все эти труды и заботы подействовали на здоровье его, всегда слабое: он был почти постоянно болен. Но при всей слабости телесной бодрость душевная не оставляла его, и он не переставал ревностно заниматься делами. К трудам присоединились огорчения: один из друзей его перешел к арианам; Евсевий Самосатский был изгнан Валентом; святой Афанасий Александрийский, твердый защитник Православия, скончался. Святой Василий видел повсюду возрастающую силу лжеучения, враги воздвигали против него клеветы; друзья страдали или изменяли ему. Но друг его юности пребыл ему верен до конца его жизни, и эта искренняя дружба святого Григория была для святого Василия великим утешением среди непрерывных его забот и трудов. Наконец лучшие времена настали для Церкви. После Валента, убитого на войне, вступил на престол Грациан, который в начале своего царствования издал указ в пользу Православия и возвратил из ссылки изгнанных епископов. Но эти события утешили только уже последние дни великого святителя. Удрученный болезнью и трудами, святой Василий скончался на 49-м году от роду 1 января 379 года. Рассказывают, что накануне его смерти к нему пришел знаменитый в Кесарии врач, иудей. Видя великую слабость святителя, врач велел все готовить к погребению и сказал, что Василий не доживет до утра. «Если доживу, - сказал Василий, - то примешь ли святое крещение». Врач, считая это невозможным, поклялся, что в таком случае примет христианскую веру, и с этим удалился. Василий же стал пламенно молить Бога, чтобы Он на несколько часов продлил жизнь его ради спасения еврея, и получил просимое. На следующее утро врач едва мог верить глазам своим; когда увидел Василия, он пал на колени, восклицая: «Теперь верю, что Бог твой есть истинный Бог и готов исполнить обещание свое».

- Я сам хочу и крестить тебя, - сказал святой Василий.

- Тебе нельзя встать, владыка, - отвечал врач, - ты слишком слаб.

- Господь укрепит меня, - сказал Василий.

С этими словами он встал с постели, отправился в церковь, сам совершил богослужение и, окрестив врача, причастил его Святых Тайн. После этого, возблагодарив Господа, он возвратился домой и к вечеру, в тот же день, предал душу Богу. Смерть его возбудила в Кесарии глубокую печаль. Везде слышались вопли и рыдания, больные старались прикоснуться к телу его, надеясь получить исцеление. Святой Григорий был лишь на год старше Василия Великого. Родился он в небольшом городе Арианзе, в Малой Азии. Отец его был сперва язычником; но женой своей, благочестивой Нонной, обращен к истинной вере и впоследствии назначен епископом в Назианзе. Святой Григорий говорит о том, как святая Нонна, еще до рождения сына посвятившая его Богу, старалась дать благочестивое направление всем его мыслям. Как только Григорий выучился читать, она подарила ему книгу Священного Писания и, обнимая его, сказала ему: «Как некогда Авраам принес в жертву доброго сына своего Исаака, так и я исполняю обещание свое, отдаю тебя на служение Богу. Исполни же мое материнское желание. Помни, что я вымолила тебя у Господа и что я о том теперь молюсь, чтобы ты был совершен». - «Я покорился желанию матери, - продолжает святой Григорий, - и с

самого детства старался быть благочестивым». Так с самых ранних лет мысли отрока были обращены к исполнению христианского закона. Он сам рассказывает чудный сон, который глубоко запечатлелся в его памяти и сильно подействовал на его детский ум. «Однажды среди глубокого сна было мне такое видение: мне представилось, что подле меня стоят две девы в белых одеждах, обе прекрасны и одинаких лет. Увидя их, я очень обрадовался, ибо понял, что они не простые смертные. И они полюбили меня за то, что я с удовольствием смотрел на них; как милого сына целовали они меня и на вопрос мой, кто они, отвечали: «Одна из нас чистота, а другая целомудрие. Мы предстоим Царю Христу. Но и ты, сын, соедини ум свой с нашими сердцами и светильник свой с нашими светильниками, чтобы тебя, очищенного и осиянного светлостью, перенесли мы на небеса и поставили перед светом небесной Троицы». Сказав это, они улетели - и взор мой долго следил за ними». Десяти лет Григорий уехал из родного города учиться. Во время плавания поднялась страшная буря, корабль был в великой опасности. Один из спутников Григория видел во сне, будто святая Нонна спасла погибавшее судно; Григорий также приписывал свое спасение молитвам доброй матери своей. В Афинах Григорий встретил святого Василия, и тут соединила их самая тесная дружба. «Мы были все друг для друга, - пишет святой Григорий, - мы жили в одной комнате; у нас был один образ мыслей, были одни надежды; взаимная дружба наша становилась с каждым днем пламеннее и сильнее; у обоих была одна цель - жить добродетельно и приготовить ум свой к лучшему разумению христианской истины. Зависти мы не знали, а старались, напротив того, уступить друг другу первенство; мы поощрали друг друга к добродетели и старались устремить мысли наши к другой, будущей, жизни. Мы вели дружбу и с товарищами, но только с теми, с которыми можно было не без пользы сойтись». Впоследствии святой Григорий, указывая на цель, которая с ранних лет побуждала его к занятиям, говорил: «Я старался усвоить себе языческую ученость с намерением употребить ее в пользу христианского просвещения, чтобы знающие одно пустое красноречие, состоящее в громких словах, не превозносились и не могли опутать меня хитрыми своими умствованиями». «Все познания, - говорит он еще, - я положил к стопам Христовым, чтобы они уступили слову Великого Бога, которое затмевает собой всякое многообразное слово ума человеческого». После шестилетнего пребывания в Афинах друзья решились вместе оставить этот город.

Просьбы товарищей, однако, удержали еще на некоторое время святого Григория; ему предлагали занять должность учителя философии; но он чувствовал такое тягостное одиночество по отъезде святого Василия, что вскоре тоже оставил Афины. По возвращении в родительский дом Григорий принял святое крещение. Уже в Афинах тревожила его мысль, что он не может назваться христианином. Описывая землетрясение, случившееся в Афинах, он говорит: «Вся Греция колебалась, и я трепетал за свою душу: она не была еще омыта банею крещения». Настало и для святого Григория время избрать себе образ жизни. Святой Василий звал его к себе в пустыню. Туда влекло его и собственное желание. Святому Григорию нравилась жизнь, посвященная молитве и трудам; но он не решился оставить родителей. Только на короткое время посетил он Василия в пустыне. Там отдохнул он от домашних трудов своих. Из писем святого Григория видно, как грустно ему было оставить друга и тихую пустынную жизнь. «Кто возвратит мне, – пишет он святому Василию, – наши молитвы и бдения? Кто возвратит мне мир и единодушие братии, изучение Божественных писаний и тот свет, который мы обрели в них при руководстве Святого Духа? Кто возвратит мне ежедневные занятия наши: ломание камней, насаждение и поливание деревьев? Будь со мной духом и помогай мне преуспевать в добродетели. Утверждай меня молитвами своими в добре, которое мы приобрели вместе». Труды святого Григория еще умножились после того, как он был посвящен в священники. Долго он не решался принять на себя эти обязанности, не считая себя достойным высокого звания священника. К тому же трудно было управлять церковью в царствование Юлиана, врага христиан. Святой Григорий в нескольких обличительных словах описал действие этого государя, прежнего товарища своего в школах афинских, и с мужеством

истинного отца Церкви защищал права христиан. Около этого времени святой Василий был назначен епископом в Кесарию. К епархии его принадлежал и город Назианз, и Григорий ревностно помогал другу своему в попечениях его о Церкви. Святой Василий, заботясь о благе своей паствы, назначил своего друга епископом. В монастыре думал святой Григорий окончить дни свои; но письма православных призывали его в Константинополь, где верующие терпели гонения от ариан и других лжеучителей. В это же время Григорий получил известие о смерти святого Василия. Прибыв в Константинополь, святой Григорий со скорбью увидел, как сильно лжеучение утвердилось в этом городе. Все церкви принадлежали арианам. Святой Григорий поселился в доме одного родственника, и к нему стали собираться православные. Дом обратился в церковь и святой Григорий назвал ее Анастасиею; имя это значит воскресение. Григорий надеялся, что здесь будет воскресение Православия. В этой церкви он молился с верующими и поучал их. Он старался удалить их от прений и споров богословских, которыми увлекались жители Константинополя; объяснил, что сущность христианской мудрости состоит не в умении спорить и хорошо говорить о предметах богословских, но в любви, смирении и истинном самопознании. Живя в столице, он сохранил прежнюю простоту обычаев: не посещал многолюдных собраний, не искал общества знатных людей, носил бедную одежду, жил в труде и добровольной нищете. Враждебные ему пресвитеры смеялись над его простотой; еретики боялись его влияния и даже не раз покушались лишить его жизни. Они бросали в него камнями, восстанавливали против него народ, иногда вооруженные палками врывались в малую, при святительском доме его, церковь, стараясь угрозами разогнать его слушателей. Ярость их увеличивалась по мере того, как более и более являлось в малую церковь Анастасии людей, желавших слушать святого Григория; а число этих людей постоянно возрастало. Никогда еще не раздавалось в Константинополе такого сильного, убедительного слова. Проповеди, произнесенные святым Григорием в Константинополе, упрочили за ним прозвание Богослова. В 380 году император Феодосии Великий прибыл в столицу. Он был горячо привержен Православию и велел возвратить православным все церкви, которые были отняты у них арианами; арианский епископ выехал из Константинополя, а Григорий был торжественно введен в соборный храм самим императором как архиепископ. Этим исполнилось желание всех православных, которые приветствовали Григория радостными восклицаниями. Но эта торжественность была неприятна смиренному Григорию. Окруженный толпой царских вельмож и воинов, он шел в храм молча, с поникшей головой; видел вокруг себя толпы ариан, безмолвных, недовольных, уступавших только силе, а не убеждению. Само небо, казалось, не благоприятствовало торжеству: погода была пасмурная, небо было покрыто тучами; но как только Григорий вступил во святилище, яркий луч солнца блеснул из-за туч. Народ признал это за счастливое предзнаменование и громко раздались радостные восклицания: «Григорий епископ!» Это торжество Григория еще более озлобило ариан, они даже покусились на жизнь его. Святой Григорий занемог, знакомые ему люди посещали его дом, беспокоясь о нем. Вместе с прочими вошел юноша, подкупленный арианами, чтобы убить его. Вдруг он, рыдая, упал на колени и стал умолять святого Григория простить ему грех. Друзья святого Григория, окружив юношу, отвели его и узнали, наконец, с каким умыслом он пришел. – Этот юноша хотел убить тебя, – сказали они святому Григорию, – а теперь он плачет и кается. Святой Григорий призвал его к себе и сказал ему: «Господь да помилует тебя и да простит тебе грехи твои; только обратись к Нему всем сердцем и служи Ему верно».

В 381 году был созван в Константинополе Второй Вселенский Собор, на котором председательствовал святой Григорий, избранный в архиепископы по общему желанию императора Феодосия и жителей Константинополя. Но против этого избрания восстали некоторые епископы. Сам святой Григорий не желал сана архиепископа; здоровье его было слабо, и он давно желал мирной и уединенной жизни. Видя споры и разногласие, он сказал собранным епископам: «Пастыри Христовой Церкви! стыдно вам враждовать и спорить между собой, когда вы других должны учить любви и миру. Умоляю вас именем Пресвятой

Единосущной Троицы, устройте мирно дела Церкви. Если я причина вашего разногласия, я не лучше пророка Ионы, ввергните меня в море и утишите бурю вражды. Отнимите у меня престол, изгоните меня из города; я все снесу терпеливо, лишь бы восстановить мир и согласие». Кротость святого Григория тронула до слез всех присутствовавших, которые не смели сказать слова против него; но по окончании Собора святой Григорий упросил Феодосия отпустить его. Наконец наступило для святого Григория время отдыха; он мог посвятить себя той уединенной жизни, которую всегда любил. Из всего имения родителей он оставил себе только тенистый сад, орошаемый источником. Тут проводил он время в молитве; тут написал многие из своих сочинений, между ними и те стихотворения, в которых рассказывает подробно обстоятельства своей жизни. Все сочинения его дышат любовью к Богу и ближнему и проникнуты живым сознанием величия и красоты природы. Возвышенные размышления о Промысле Божием, о назначении человека, о начале бытия его соединены с красноречивыми описаниями видимого мира. Некоторые сочинения посвящены объяснениям и размышлениям о Священном Писании, о грехопадении первого человека, изгнании его из рая. Святой Григорий очень любил науки и словесность. Сильно нападая на язычество, он уважал даже языческие училища, в которых преподавались полезные науки, и признавал, что ученость и наука особенно необходимы для защитника и служителя веры христианской. Живя в уединении, святой Григорий продолжал принимать участие в делах Церкви, переписывался с друзьями и всегда был готов подать требовавшим утешение или совет. Так провел он последние годы; болезнь и старость не мешали ему вести строгую жизнь. После долгих трудов и горестных утрат он с терпением и благодушием ждал смерти, чтобы соединиться с Богом, Которого любил более всего.

«Ты, Милосердный! – писал он в то время. – Соблюди мою старость, мою седую голову и пошли добрый конец моей жизни! Подай уже мертвому для мира конец жизни, подай усталому отдых; дай мне ту легкую, светлую жизнь, в ожидании которой вынес я столько горестей. Возведи в лики Ангелов, приведи путника к небесному чертогу, где слава Единого Великого Бога, сияющего в Трех Светах!»

Святой Григорий отошел ко Господу в 389 году, накануне смерти он поручил верному диакону своему отдать оставшееся имущество его бедным. Такова была жизнь, до конца посвященная Богу, двух друзей – Василия Великого и Григория Богослова, которых Святая Церковь во всем мире поминает как великих вселенских учителей.

Святые Ксенофонт и Мария

В Константинополе жил знаменитый и богатый сановник по имени Ксенофонт. Он был очень добр и благочестив, нимало он не гордился знатностью своей и был сердцем прост и

смиренномудр; много помогал бедным и вообще старался исполнять все заповеди Господни. Жена его Мария была также добра и милостива. Бог дал им двух сыновей - Иоанна и Аркадия, которым они старались внушать любовь к Господу и закону христианскому. Когда Иоанн и Аркадий достигли юношеского возраста, то родители отправили их в финикийский город Берит, чтобы там, в знаменитом училище, довершить образование их. Они ничего не жалели для воспитания сыновей своих, ибо знали, как полезна и благодетельна наука.

Вскоре после отъезда сыновей, Ксенофонт вдруг опасно занемог; жена его тотчас же известила об этом Иоанна и Аркадия, которые поспешили приехать. Отец их был чрезвычайно слаб; не надеясь выздороветь, он тотчас же призвал к себе сыновей, чтобы благословить их и дать им последнее наставление. «Дети мои, – говорил он им, – приближается кончина моя; если вы любите меня, то постарайтесь исполнить то, что я завещаю вам; во-первых, любите Бога и соображайте жизнь вашу со святым Его законом, стараясь во всем угождать Ему; подавайте милостыню убогим, защищайте вдовицу и сироту, посещайте больных и заключенных, старайтесь выручать невинно осужденных, храните мир со всеми, будьте верны друзьям вашим, благодетельствуйте врага, не воздавайте злом за зло; но будьте кротки, смиренны и целомудренны, подавайте церквам Божиим, почитайте священников и иноков; не забывайте тех, которые ради любви к Богу терпят лишение; подавайте щедро и не опасайтесь, что от милостыни оскудеет имение ваше; молитесь часто и внимайте поучениям святых мужей. Почитайте мать вашу и всегда исполняйте волю ее; будьте добры и снисходительны к служителям вашим; заботьтесь о них и любите их как детей своих. Помните, дети, что скоро проходит жизнь земная и что слава ее ничтожна; храните заповеди Господни, и Бог мира да будет с вами».

Иоанн и Аркадий со слезами говорили отцу: «Не оставляй нас, отец, но умоли Господа, чтобы Он продлил еще жизнь твою; мы молоды и нам нужны пример и попечения твои».

Господь действительно сжалился над скорбевшим семейством и возвратил здравие Ксенофонту. Когда он совершенно оправился от болезни, то отпустил сыновей своих в Берит, чтобы они продолжали учение. Юноши на корабле отправились в Финикию. В первые дни ветер был попутным, и они плыли быстро и благополучно; но вдруг поднялась страшная буря; волны заливали корабль; кормчий уже не мог управлять им; все в ужасе ожидали, что он или разобьется о подводный камень, или погрузится в море. Все пришли в ужас и смятение, плакали, призывали Господа; Иоанн и Аркадий со слезами молили Бога, да сжалится над ними и спасет их ради добрых дел родителей их. Между тем корабельщики, видя, что буря не утихает, сели в лодку и уплыли, оставив на корабле Иоанна, Аркадия и служителей их. Несчастные были лишены всякой помощи; уже в корабле открылась течь, он наполнялся водой и погружался в море; смерть казалась неизбежной. «Прощайте добрые родители наши! – воскликнули бедные юноши. – Мы более не увидимся в мире сем, не насладимся вместе семейным счастьем! Что же ныне ваши родительские мольбы? Что благодеяния ваши? Неужели молитвы ваши не дошли до Господа, или наши грехи преодолели вашу добродетель, и ради их мы осуждены на преждевременную смерть? Давно ли мы скорбели об умирающем отце? А теперь он будет неутешно плакать о нас! А ты, любезная мать! Ты надеялась скоро увидеть нас, уготовить нам брачный чертог! Но ты не увидишь и могилы нашей». Между тем корабль все более и более наполнялся водой; братья еще раз обнялись, простились с служителями своими, помолились еще Богу и, взявшись за доски, стали ждать гибели корабля. Корабль погрузился в море, их же разнесли волны. Но рука Божия была над ними; никто не погиб, но все были разнесены волнами в разные стороны. Иоанн, доплыв до земли, вышел на берег, но не столько радовался он о спасении своем, сколько скорбел о разлуке с братом. Его положение было, однако же, очень трудное. Один, лишенный всего, в незнакомой ему стране! Что делать ему?.. Но полный искренней веры в Бога, он не позволял себе роптать, а думал про

себя: «Пусть будет воля Всевышнего, Он лучше нас знает, что хорошо и полезно нам. Он, может быть, для того и послал нам кораблекрушение, чтобы спасти нас от искушений земного величия; Он и всеведущ, и всякой душе желает спасения». Помышляя таким образом, Иоанн воссылал теплые молитвы к Отцу Небесному о брате своем и о всех бывших на корабле; он умолял Господа избавить их от смерти и направить их на путь спасения. Помолившись, он пошел искать приюта и после довольно долгого пути дошел до ворот монастыря. Вратарь ввел его в обитель; услышав о бедственном его положении, одел, накормил и напоил. Иоанн пожелал сделаться иноком; игумен согласился принять его и через некоторое время, когда убедился в искренности его желания, постриг его. Иоанн вел жизнь строгую и благочестивую, трудился и молился усердно. Аркадий, с своей стороны, также доплыл до берега неизвестной ему земли и молил Бога о спасении брата своего, скорбя неутешно о разлуке с ним. Он дошел до какого-то селения, где добрые люди сжалились над ним и дали ему все нужное. Тут он вошел в церковь, со слезами помолился о любимом брате и потом заснул у дверей церкви. Во сне увидел он брата, который говорил ему: «Не скорби о мне, брат Аркадий, ибо я жив милостью Божией». Этот сон чрезвычайно обрадовал Аркадия; успокоенный насчет брата, он долго не мог решить – куда ему идти и что ему делать. Возвратиться к родителям? Но мысль опечалить их вестью о брате удерживала его. Он вспомнил, что отец его часто хвалил иноческое житие, и решился вступить в монастырь. С этим намерением он отправился в Иерусалим. На пути встретился ему честный инок. Аркадий, поклонившись ему, сказал: «Помолись о мне, отец святой, ибо я в великой печали».

– Не печалься, – отвечал инок, – ибо брат твой жив и все бывшие на корабле спаслись. Иоанн, брат твой, вступил в монастырь, и ты увидишься с ним. Аркадий удивился, слыша эти слова от незнакомого ему человека. Инок, встретившийся ему, имел от Бога дар прозорливости. По просьбе Аркадия инок ввел его в лавру святого Харитона; тут он пожил с ним год, наставляя его в иноческом житии, и потом ушел в пустыню. Аркадий же остался в монастыре и исполнял усердно обязанности свои, день и ночь трудясь для Бога. Прошло два года. Ксенофонт и Мария удивлялись и скорбели о том, что не получают известий от сыновей, и наконец решились послать верного служителя проведать их. Тот прибыл в Берит, но ничего не мог узнать об Иоанне и Аркадии: никто не видел их с тех пор, как они уехали из Константинополя. Служитель спрашивал о них в других городах, но нигде не мог иметь ни малейшего известия. Он уже был на возвратном пути к господам своим, когда в путевой гостинице увидел монаха, лицо которого показалось ему знакомо. Вглядевшись пристальнее, он узнал в нем одного из служителей, отправленных с Иоанном и Аркадием, и тот узнал его. Он начал расспрашивать о них. Монах, вздохнув глубоко, поведал ему о случившемся. «Молодые господа наши утонули, – говорил он, – и из всех бывших с ними я, кажется, один спасся и вступил в монастырь, не решившись возвратиться к господам моим и опечалить их скорбной вестью». Услышав это, верный служитель Ксенофонта очень опечалился и долго недоумевал, ехать ли ему домой с такой грустной вестью; наконец он решился возвратиться, но скрыть от господ то, что узнал. Когда он приехал в Константинополь и Мария стала спрашивать у него – здоровы ли сыновья ее, то он ответил: «Они живы и здоровы, но я дорогой потерял письмо, которое они мне дали для вас». Но Мария видела грустное лицо служителя, и сердце ее смутилось. «Скажи мне всю правду», – сказала она. Не мог уже служитель утаить истину и со слезами поведал все, что слышал. Кто может вообразить себе скорбь бедной матери, лишившейся вдруг обоих сыновей своих, опоры и надежды старости ее! Но твердая вера в Бога спасла ее от отчаяния; она смиренно покорилась Его воле. «Да будет благословенно имя Господне! – сказала она. – Он творил, что угодно Ему. Господь дал, Господь и взял. Он знает, что нам на пользу». И она стала только заботиться о том, как бы смягчить этот удар для мужа своего. Его в это время не было дома; когда же он возвратился, то она некоторое время старалась скрыть от него печальную истину; но не могла долго превозмогать себя и наконец рассказала ему о крушении корабля. С той же покорностью воле Божией принял и Ксенофонт ужасную весть и всю ночь провел в

молитве. К утру несчастные родители заснули и, Господь по благости Своей обрадовал их чудным сном. Они увидели сыновей своих в славе великой, предстоявших Господу Иисусу Христу. Ксенофонт все еще надеялся, что сыновья его спаслись после кораблекрушения, и вместе с женой своей решился идти в Иерусалим, чтобы при гробе Господнем помолиться о них. Поручив дом свой верным служителям, благочестивые родители отправились в путь. По дороге раздавали они обильную милостыню нуждающимся и так дошли до Палестины, где с благоговением посещали монастыри и места, освященные присутствием Господа. Тут однажды встретили они одного из служителей, бывших с Иоанном и Аркадием; но он ничего не мог сказать им, кроме того, что они уже знали, потому что после кораблекрушения не имел никакой вести о юных господах своих. Но другая встреча обрадовала Ксенофонта и Марию и исполнила их надежды. По милости Божией встретился им тот самый прозорливый старец, который ввел Аркадия в монастырь; он сказал им, назвав их по имени: «Не скорбите, дети ваши живы, Бог открыл вам славу, уготованную им на небесах. Продолжайте молиться Господу и в Иерусалиме увидите вы сыновей ваших». Полные радостной надежды, благочестивые родители продолжали молитвенные подвиги свои; а старец между тем прибыл в Иерусалим. Однажды, пока он отдыхал близ горы Голгофы, у храма Воскресения, к нему подошел молодой инок и с почтением поклонился ему. Это был Иоанн, пришедший из монастыря своего на поклонение святым местам. Старец, узнав Духом Божиим, кто он, сказал ему: «Где был ты, Иоанн? Отец и мать ищут тебя, а ты ищешь брата своего». Удивленный Иоанн пал к ногам старца, восклицая: «Скажи мне, Бога ради, где брат мой, ибо тяжко скорбит о нем душа моя». – «Сядь подле меня, –отвечал старец, – и ты скоро увидишь его». Иоанн сел около старца. Вскоре к ним подошел молодой инок, который, увидя старца, чрезвычайно обрадовался и пал к ногам его. Это был Аркадий; но братья не узнали друг друга, потому что трудная монашеская жизнь, пост и бдение сильно изменили их. Старец посадил подле себя Аркадия и потом, обратившись к Иоанну, стал расспрашивать его о роде и отечестве его. Иоанн начал подробно рассказывать всю жизнь свою: что он родом из Константинополя, сын богатого сановника, что он с братом Аркадием плыл на корабле в Верит, но что корабль был застигнут бурею и погиб. Аркадий, слушая повествование его, тут уж не мог сдержать чувств своих и со слезами воскликнул: «Иоанн, брат мой!» – Я знал это, – сказал старец, – но молчал, чтобы вы сами узнали друг друга. Братья обнялись, проливая слезы радости и славя и благодаря Бога, избавившего их от смерти и указавшего им путь к спасению. Через два дня Ксенофонт и Мария прибыли в Иерусалим. В храме они встретили прозорливого старца с двумя молодыми иноками и, пав к его ногам, молили его указать им сыновей их. Юноши узнали родителей своих, но по повелению старца склонили головы свои, чтобы те не видели лиц их. «Приготовьте у себя обед, – сказал старец, – я приду с этими учениками моими и скажу вам, где сыновья ваши». Исполненные невыразимой радостью Ксенофонт и Мария приготовили у себя обед, и старец пришел с двумя юношами. – Отец святой, – сказали родители, – открой же нам, как и где живут сыновья наши. – Трудятся ради спасения своего, – отвечал старец.

– Да даст им Господь быть верными делателями на ниве Его, ибо Господь все устраивает к лучшему, – сказали благочестивые родители.

Помолчав немного, Ксенофонт сказал старцу: «Добрых имеешь ты учеников, отче честный, лишь увидел я их, как сердцем возлюбил их. О, если бы таковы были и наши сыновья!» Тогда старец, обратившись к Аркадию, сказал ему: «Сын мой, расскажи, где ты родился, где воспитан». Аркадий дрожавшим от волнения голосом начал рассказ свой; упомянул о добрых родителях, которые воспитывали благочестиво сыновей своих; о том, как его с братом отправили учиться в Берит, и о крушении корабля; но не успел он окончить рассказа своего, как Ксенофонт и Мария со слезами начали обнимать сыновей своих. Все благодарили Господа, уготовавшего такую радость скорбевшему о разлуке семейству. Ксенофонт и Мария пожелали тоже вступить в монастырь. Они продали все, что имели в Константинополе, рабов своих

отпустили на волю и провели всю остальную жизнь в Иерусалиме, молясь и трудясь усердно и щедро благотворя нищим. Господь оказывал им милость Свою, прославил их даром чудотворения и дал им тихую и мирную кончину. Иоанн и Аркадий вели также жизнь строгую и благочестивую, стараясь во всем угодить Господу, и уже в старости отошли к Богу. Некоторые полагают, что Иоанн, сын Ксенофонта и Марии, был тот самый святой пустынник, который прославился под именем преподобного Иоанна Лествичника.